Одесский альманах

№79

IV / 2019

ДЕРИБАСОВСКАЯ ✠ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 4 (79), 2019
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД №21 от 20.01.2003 г.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 4 (79), 2019
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «ТакиБук»
Україна Одеса ФОП Карпенков О.І.
Свідоцтво ОД №21 від 20.01.2003 р.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Наклад 500 прим.
Замовлення № _____

© АО «ПЛАСКЕ», 2019
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2019

От редакции

«Очень одесские истории» – назвал свою подборку рассказов удивительный человек, крупный ученый, коллекционер, писатель Михаил Пойзнер.

По сути, каждый наш альманах – собрание очень одесских историй. По этому принципу построен и нынешний выпуск, который вы держите в руках.

Нас не гипнотизировало число 79 на обложке альманаха. Не юбилейный, текущий номер. Вот следующий будет юбилейным. В числе 80 есть некая надежность. Как в возрасте – восьмидесятилетии.

Порадовали нас наши родители, юбилеи членов редколлегии не попадут в 80-й альманах. Ну, а в 79-м мы смогли разгуляться. 70 лет Мише Пойзнеру, упомянутому в начале. Мальчишка, если сравнить с возрастом его возлюбленной – Одессы. Ей, как ни крути, 225!

Не дожил до 80-летия наш друг, постоянный автор Александр Розенбойм, замечательный краевед, литератор. Вышел шеститомник его сочинений. Не могли не отметить это событие.

Как и важнейшую веху в жизни и творчестве редактора альманаха Феликса Кохрихта. Приняли и его в клуб покорителей восьмикилометровых вершин, ой, простите, в клуб, перешагнувших 80!

Так что простите наших родителей за скопление юбилеев.

Но не одними юбилеями славен это номер.

Как всегда, на открытии альманаха – два имени. Своим талантом эти авторы заслужили нашу любовь. Это эссе Михаила Жванецкого «Конституция» и стихотворение Юрия Михайлика «Каролина Собанская». Камертон номера.

Гордость города – люди. Их имена на Аллее звезд у оперного театра. Она ежегодно прирастает теми, кто по рождению, по биографии,

по судьбе был связан с Одессой своим творчеством. В День города 2 сентября здесь чествовали Александра Блещунова, Михаила Водяного, Александра Довженко, Бориса Нечерду, Петра Нилуса, Олега Соколова. О каждом из них мы рассказывали в альманахе, публиковали их произведения.

Память города. Она – в уникальной планировке Одессы, в ее архитектурных ансамблях и памятниках. Продолжая сложившуюся традицию, АО «ПЛАСКЕ» и Литературный музей начали подготовку к выпуску очередного календаря, рассказывающего об улицах Одессы. В 2020 году он будет посвящен Старопортофранковской, по которой в былые времена проходила граница Вольного города. В номере – публикация Алены Яворской, из которой вы узнаете, в каком доме родился Илья Ильф – будущий автор романов об Остапе Бендере.

И еще один памятник зодчества – Шахский дворец, романтический и таинственный. Его историю рассказывает Сергей Котелко.

Продолжается публикация глав из Одесского пушкинского путеводителя, работу над которым завершает Олег Губарь. Мы совершаем путешествие во времени и вместе с поэтом знакомимся с молодым городом у Черного моря. На сей раз побываем на Александровской (Греческой) площади, где тогда располагались различные торговые ряды. Сегодня наш интерес вызывают Бакалейный и Мелочный. Можно предположить, что в лавках первого Пушкина особо интересовали различные сорта и виды кофе, к которому он, «как мусульман в раю» (одесская глава «Евгения Онегина»), пристрастился в Одессе. Во втором же, как и на нашем Староконном рынке, продавалась всякая всячина, до которой и сегодня любопытны поэты.

Раздел «Искусство – жизнь – искусство» содержит рассказ о фестивале «Бархатный сезон» в Одесском национальном театре оперы и балета, о жизни и творчестве скрипача Семена Снитковского, о зачинателе школы футуризма Василиске Гнедове и другие материалы.

В разделе «Сокровища из сокровищницы», который ведет библиограф Татьяна Щурова, публикуются уникальные воспоминания актрисы Полины Нятко о том, как в 1927 году в нашем Украинском театре был создан спектакль по пьесе Исаака Бабеля «Закат».

С Одессой были тесно связаны жизнь и творчество выдающегося живописца, графика, искусствоведа Амшея Нюренберга. Уже несколько лет мы публикуем материалы из его обширного архива, которые присылает в редакцию дочь – Ольга Тангян.

Наши юные земляки активно и плодотворно участвуют во Всеукраинском литературном конкурсе «Море талантов». Их стихи вы найдете в разделе «Первые шаги».

Не все читатели знают о том, что название нашего юмористического отдела «Ах, Одесса» пришло в альманах по наследству из одноименной газеты, которая выходила всего год, но оставила о себе добрую память. Об этом рассказывает журналист и юморист Григорий Яблонский.

Проза, поэзия рецензии, дневники путешественников, книжные новинки – все это читатели найдут в последнем номере уходящего года, а мы уже начали работу над первым следующего.

До встречи.

Михаил Жванецкий

Конституция

Самое острое, что я слышал, – это чтение нашей Конституции по радио.

Страшно будоражит и делает человеком.

Это сильнее Чехова и Достоевского.

Это не то, с чего можно брать пример.

Это можно потребовать для себя. Лично.

Дадут или нет – не скажу.

Но требовать обязаны.

Художественным произведением вы можете восторгаться, наслаждаться, любоваться, даже питаться, но не можете требовать его для себя.

А когда вы слышите то, что вам обязаны предоставить…

Потому что вы есть. Не хуже всех. Не хуже других. Не хуже любого.

И что самое главное – не лучше другого.

Вы можете требовать для себя то, что там есть.

Там всё для вас.

К тому, что в Библии, – надо стремиться, очищаться, улучшаться, и вы всегда в начале пути.

Когда бы вы ни открыли и в каком бы месте.

Для Библии вы должны измениться.

Для Конституции – нет. Нет! Нет!

Она даёт всё такому, какой вы есть.

Здесь и сейчас.

Она просто и внезапно говорит вам, что вы – человек, исходя из чего вы обязаны и вам обязаны.

Исходя из чего вы можете не только думать, но и говорить – высказывать своё.

И вас не касается, совпадает это ваше не с вашим, с общим, с соседским, с принятым, даже с полезным или приятным.

Вас не касается.

Вы свободны, одиноки.

Вы мыслите и говорите.

Вокруг вас довольно плотно к телу то, что называется вашей свободой.

Ваша свобода может касаться, но не пересекаться со свободой другого человека.

Во всём равного вам.

У него может быть скверный характер, он может быть чёрен, немыт и безног.

Он во всём равен вам.

Всё остальное – обслуга.

Ваша обслуга – это власть, полиция, милиция, таможня, медицина, дорога, стройка, армия.

Всё это – сервис – не власть.

Власть… Это вы, я, он, миллионы «я», «я», «я», собранные в голоса, в население.

В два-три мнения, где большинство есть глас Божий.

Ваш одинокий независимый голос, плюс мой, плюс Ларисы, плюс Тани, плюс отца, плюс, плюс. Голоса складываются и раскладываются.

В парламентах наши голоса.

Как они выглядят, так они выглядят.

Это мы, собранные в пучок.

Президент, собранный из нас, которому внятно сказано нами в большинстве своём: мы хотим, чтобы ты был первым.

Это не значит, что ты лучший…

Мы выбрали из тех, кто поднял руку, из тех, кто предложил себя.

Ты первый на четыре года.

Если пригодишься народу своему, ты будешь ещё четыре года.

Больше нельзя.

Ты начнёшь нас угнетать, сам этого не желая.

Власть перестанет быть обслугой, а станет властью.

Обязательно.

Весь мир отверг этот соблазн.

Дай себя сменить.

На другого человека.

Пусть он будет хуже.

Он принесёт главное – уверенность во власти народа, состоящего из мыслящих существ.

Народ убедить легко.

Каждого из нас – очень сложно.

Смена власти – желание каждого из нас…

Для того, чтобы над всем, выше Библии, выше религии, выше здоровья была эта книга – Конституция нашей страны.

Юрий Михайлик

Каролина Собанская

Красавица, лошадка, волчья сыть,
перенесла, как Польша, три раздела,
и как сама при этом не згинела –
нет Лотмана, и некого спросить.

В те вольные крамольные года
собой дарила – как благодарила,
что она действительно любила?
Стихи? О, нет. Поэтов. Иногда.

Гордячка, умница, и горе по уму,
она еще припомнит в день печали –
кому б они стихов ни посвящали,
ей – лучшие. Такие – никому.

Два гения ревнивых языков,
они шалели, а она шутила.
Но ею вдохновленных строк хватило
для двух народов и для двух веков.

Измученные нежностью моря
на опустелый берег строки сложат –
…я вас любил. Любовь еще, быть может... –
но – жизнь, но – страсть, но – гибель – все не зря.

Стихами задыхались соловьи,
стихами водопады голосили,
и девушки – кто в Польше, кто в России –
беспрекословно гибли от любви.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

История, краеведение

12 **Евгений Голубовский**
Если звезды зажигают…

16 **Олег Губарь**
Путеводитель по пушкинской Одессе

44 **Сергей Котелко**
Шахский дворец

75 **Александр Сурилов**
Памяти растоптанного кладбища

88 **Белла Кердман**
Похожая фамилия

93 **Феликс Кохрихт**
Как это делается в Одессе…

Евгений Голубовский

Если звезды зажигают…

С днем рождения, Одесса!

С нашим общим днем рождения, одесситы, ведь как новая нация, невиданное сообщество, мы родились одновременно с первыми молитвами, прозвучавшими при закладке Одессы 22 августа, теперь это 2 сентября, 1794 года.

После заседания топонимической комиссии горисполкома, где после долгого обсуждения, рейтингового голосования были выбраны достойнейшие, я вспоминал строки Маяковского –

…если звезды зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно…

Это нужно нам, одесситам.

Идея – Аллея звезд – родилась в 2014 году у Елены Павловой. Всемирный клуб одесситов посчитал это дело наиважнейшим, и с тех пор ежегодно предлагает топонимической комиссии исполкома список деятелей культуры, чей юбилей отмечается в текущем году, значимых и для города, и для страны, и для мира. Тогда были заложены первые звезды в честь Анны Ахматовой, Исаака Бабеля, Юрия Олеши, Киры Муратовой и Михаила Жванецкого. Последние двое приняли участие в церемонии.

И так каждый год.

В 2015 году прибавили звезды в честь Эдуарда Багрицкого, Святослава Рихтера, Владимира Жаботинского, Саши Черного и Леонида Утесова.

В 2016 году – Василий Кандинский и Петр Столярский, Эмиль Гилельс и Людмила Гинзбург.

В 2017 году – Илья Ильф и Евгений Петров, Константин Паустовский и Валентин Катаев, Кириак Костанди и Валерий Ободзинский.

В 2018 году было семеро победителей рейтингового голосования. Напомню, назвав по алфавиту. Хоть хотел бы начать с конца, но алфавит демократичнее.

Василь Василько (1893-1972), актер, режиссер, народный артист СССР, главный режиссер Одесского украинского театра. Сейчас театр носит имя Василия Степановича Василько. Начинал он актерскую работу в 1912 году. Ему посчастливилось играть в «Молодом театре», играть у Леся Курбаса. Василь Василько написал прекрасные мемуары о своих театральных товарищах. И еще в его архиве хранится написанная им пьеса «Чашка черного кофе» – о трагической судьбе украинского Мейерхольда, Леся Курбаса. Когда Василько ее писал, и думать нельзя было о том, чтоб ее поставить. Но почему бы сейчас украинскому театру не обратиться к этой пьесе?

Юрий Дмитренко (1858-1918), архитектор, один из тех, кто построил пол-Одессы. Окончил Ришельевскую гимназию и Рисовальную школу. Учился вместе с Костанди. Но живописи предпочел архитектуру. Среди его зданий – гостиница «Лондонская», два банка на Пушкинской, по обе стороны Греческой, библиотека, носящая сейчас имя Франко, Крестьянский банк на Маразлиевской, сейчас Дворец студентов… Список огромный. Я бывал в особняке Евгения Ермиловича Запорожченко в Отраде. С какой гордостью хозяева показывали бумаги, что и этот уютный дом спроектировал Юрий Мелетьевич Дмитренко…

Юрий Кузнецов (1953-2016). Джазовый пианист, композитор. А я бы сказал, душа джазового движения в Одессе. Именно он был автором идеи и арт-директором Одесского международного джазового фестиваля. Мы познакомились в далекие шестидесятые в кафе «Молодежное», ставшем тогда центром джаза в Одессе. Юрий вместе с Николаем Голощаповым были среди учредителей нового отделения в музучилище, Юра создал первое джазовое трио в одесской филармонии. А как он озвучивал немые фильмы, какую прекрасную музыку писал для кино!

Антонина Нежданова (1873-1950), лирико-колоратурное сопрано, народная артистка СССР. Родилась Антонина Васильевна

еще под Одессой, в Кривой Балке, это сейчас уже часть города, в семье сельских учителей. Пела в церковном хоре. Училась в престижной Мариинской гимназии. В Одесской консерватории ее учителем стала сестра композитора Рубинштейна, и она, разглядев возможности девушки, послала ее учиться в Московскую консерваторию. Сразу по завершении занятий Нежданову пригласили солисткой в Большой театр. Среди ее партнеров – Собинов, Шаляпин… Певице посвятил свой вокализ Сергей Рахманинов. С 1950 года, года смерти певицы, Одесская консерватория получила имя Неждановой.

Давид Ойстрах (1908-1971), гениальный скрипач. Меня не раз спрашивали гости города – почему Рихтер и Гилельс получили свои звезды, а Давид Федорович Ойстрах – нет? Объяснял, что из сотен имен, заслуживающих признания, мы каждый год берем тех, у кого юбилеи, а значит, как звезды над ними расположил Господь Бог. Вот и пришел юбилейный год Ойстраха. Я слушал его в Одессе. Это был то ли 1964, то ли 1965 год, музыкант приехал по приглашению Одесской консерватории, где ему вручали диплом почетного профессора. Впечатление праздника, который всегда со мной.

Вера Холодная (1893-1919), актриса немого кино. Недавно я писал про эту артистку, ставшую «королевой экрана». Вот эта звезда – свидетельство народной любви.

Завершаю рассказ о прошлом годе именем очень дорого для меня человека.

Валентин Хрущ (1943-2005). Художник. Нонконформист. Один из самых свободных, моцертиански талантливый из одесских художников-шестидесятников. Это именно Валя Хрущ вместе со Славой Сычевым 24 мая 1967 года (недавно установил точную дату) на деревянном заборе в связи с очередным ремонтом оперного театра развесили свою несанкционированную выставку, после того как работы в очередной раз не были приняты выставкомом. Одесская «заборная выставка» на семь лет опередила московскую «бульдозерную».

Вот как высоко была поднята планка. И в этом году нам нужно было ей соответствовать, а может, и превзойти.

И вот подошел ко 2 сентября 2019 года. К дню сегодняшнему.

И вновь по алфавиту.

Александр Блещунов. Физик. Участник Великой Отечественной. Один из создателей альпклуба в нашем городе. Воспитавший сотни альпинистов. Но звезда ему не за это. Блещунов был коллекционером. Он собрал уникальные коллекции прикладного искусства и подарил их Одессе. Именно Александр Владимирович создал первый в СССР музей личных коллекций. И сегодня в Одессе, на Польской, 18, работает музей личных коллекций имени Блещунова

Михаил Водяной. Народный артист. Лидер Одесского театра музкомедии. После войны вместе с театром приехал в наш город, влюбился в него, стал для многих зрителей олицетворением одесского характера, одесского юмора. Сегодня театр с гордостью носит его имя.

Александр Довженко. Кинорежиссер, киносценарист. Классик мирового кино. Начал режиссерскую карьеру на Одесской киностудии. Здесь познакомился со своей женой и соратницей Солнцевой, здесь снял и смонтировал свои первые фильмы.

Борис Нечерда. Украинский поэт, прозаик. Один из ярчайших шестидесятников в украинской поэзии. Родился в селе Ярешки. Приехал в Одессу поступать в институт. Окончил Водный. Мы вместе работали в «Комсомольской искре». Издал 12 книг, каждая из которых с огромным трудом проходила советскую цензуру. Лишь после смерти был удостоен Шевченковской премии.

Петр Нилус. Художник. Один из известнейших соратников Кириака Костанди. Но одновременно писал и прозу. Близкий друг Ивана Бунина. Вместе эмигрировали во Францию. И там Нилус был успешен и признан. Умер в Париже в 1943 году. В Одесском художественном музее хранится замечательная коллекция работ Нилуса – около 50 полотен.

Олег Соколов. 15 июля Одесса отметила тремя большими выставками столетний юбилей художника. Участник войны. Живописец, график, поэт, не сломленный путами соцреализма. Вечный искатель. Дон Кихот. Воспитатель молодого поколения художников. Но при этом 50 лет музейный работник, основатель клуба «Цвет, музыка, слово» имени Чюрлениса…

Такой вот звездопад обрушился на Одессу в день ее 225-летия.

Чем не повод гордиться вкладом Одессы в мировую культуру?

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Бакалейные, Железный и Мелочный ряды на Александровской (Греческой) площади

Их устройство очень подробно изложил в монографии по истории градостроительства.[105] В данном же случае уместно сосредоточиться на первой половине 1820-х, представить, какою Греческая площадь виделась Пушкину.

Отвод мест под застройку стандартными двухэтажными секциями начался в конце 1803 года. При этом нижние этажи и сводчатые подвалы служили торговыми помещениями, а верхние предназначались под жилье. Со стороны Греческого (Красного) и Колодезного переулков к сказанным секционным лавкам примыкали узкие дворики, в которых на первых порах находились незначительные хозяйственные постройки. Подобная скованность, скученность понуждала более состоятельных граждан застраивать сразу по два места либо в дальнейшем прикупать смежные места.

Учитывая то обстоятельство, что площадь находилась в верховьях балки, что территорию приходилось нивелировать отсыпками грунта – а это обходилось недешево, – застройка ее осуществлялась неравномерно и затянулась на полтора десятилетия. В самую последнюю очередь, на рубеже 1810-1820-х, были наконец застроены и места в Бакалейном и Мелочном рядах, примыкающие к Дерибасовской улице, – как самые неудобные, находящиеся на косогоре, но и очень выгодные в перспективе. То есть

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-78.

Вид на Железный и Мелочный ряды, Греческую улицу и Собор со стороны одноименной площади. 1840-е гг.

Пушкин застал уже полностью сформировавшийся на площади ансамбль всех четырех торговых отделений.

Нумерация и местоположение отделений. Бакалейный ряд (I) – меж Дерибасовской улицей, Греческим (Красным) переулком, Греческой улицей и площадью. Мелочный ряд (II) – меж Дерибасовской улицей, Колодезным переулком, Греческой улицей и площадью. Железный ряд (III) – меж Греческой улицей, Колодезным переулком, Полицейской улицей и площадью. Другой Бакалейный ряд (IV) – меж Греческой улицей, Греческим (Красным) переулком, Полицейской улицей и площадью. Сама площадь была обсажена деревьями, а в центре ее находился палисад, где представители греческой общины собирались строить вторую греческую церковь, однако намерение это по ряду причин так и не было осуществлено.

Специфика Бакалейного ряда (I) заключалась в том, что в пушкинское время пять из двадцати лавок, которые именовались Госпитальными, принадлежали казне, сдавались в аренду частным лицам, а доход шел в пользу Городского госпиталя (больницы). Пятью соседними местами со стороны Дерибасовской владел чиновник Одесского коммерческого суда надворный советник П.Д. Ольховский. Четыре лавки в том же отделении принадлежали известному нам М.А. Крамареву: к слову, Ольховский и Крамарев были женаты на родных сестрах, дочерях первого городского головы Андрея

Железцова, Екатерине и Анисье.[106] Остальные шесть секций – за греческими предпринимателями: Ксенисом, Манесом, Кехрибарджи.

В других отделениях греки преобладали, хотя, например, в Железном ряду по понятным причинам явственно присутствие русского купечества, прежде всего, семейства Ширяевых. По этой причине Колодезный переулок одно время называли Ширяевским. В числе значимых персонажей локальной истории, владевших здесь в ту пору недвижимостью: И.А. Амвросио, Д.А. Велисарио, Д.С. Инглези, Г.И. Маразли, семейство Миловановых и другие.

Помимо бакалеи, колониальных товаров, скобяных изделий, конской упряжи и проч., на Греческом базаре издавна процветали: москательная торговля, реализация оконного стекла, музыкальных инструментов, книжная продажа и др. В иные дни тут, по существу, действовал толчок, по которому сновали разносчики, менялы, факторы, букинисты, продавцы комнатных птиц, перекупщики и вообще самый разный люд. В подвалах функционировали экзотические питейные заведения, кофейни, харчевни. Меж Бакалейным и Мелочными рядами, при входе (въезде) на площадь со стороны Дерибасовской улицы, располагалось небольшое одноэтажное здание городских мер и весов. В интересующий нас период оно уже изрядно обветшало, но продолжало использоваться по назначению во все время пребывания Пушкина в Одессе, и было разобрано лишь в декабре 1824 года.

Александровский проспект

Мы определенно знаем о том, что Пушкин посещал дом городского головы Ф.Л. Лучича на Александровском проспекте, располагавшийся за так называемой Греческой площадью. Маршрут, очевидно, пешеходный: менее трех кварталов от Дерибасовской. Район в ту пору чрезвычайно яркий, насыщенный людской энергией, этнически и социально пестрый, пряный, привлекательный. Здесь можно было приобрести все, что доставлялось в город по морю и суше: от заморских фруктов, вин, табака, игрушек, сувениров и проч. до русской мануфактуры, оружия, церковной утвари, русской и зарубежной книги.

Александровский проспект на протяжении многих десятилетий – одна из главных торговых магистралей города. Он фактически служил продолжением Военной балки и Гаванной улицы, представлял собой как бы систему сообщающихся рынков. Сразу за Дерибасовской, напротив Гаванной, находилась Александровская (Греческая) площадь, включавшая четыре типовые секции (отделения, ряда), предназначенные для более-менее специализированной преимущественно розничной торговли. Слева располагались два Бакалейных ряда, справа так называемые Мелочный и Железный ряды. Накрест их пересекала Греческая улица, также изобилующая бакалейными лавками. Большинство владельцев торговых помещений – как на самой площади, так и в ее окрестностях – греки, а потому весь район в просторечии именовался «Греческой». Говоря «на Греческой», имели в виду не только площадь и улицу.

Следующий квартал проспекта, меж улицами Полицейской (Бунина) и Почтовой (Жуковского), хотя и был застроен разнообразными частными домами, но фактически тоже представлял собой торговый центр, поскольку в первых этажах размещались многочисленные коммерческие заведения. Глянем на некоторые. Первым слева – Александровский проспект, № 1, – был дом отставного

Бывший дом А.И. Маюрова на Александровской площади. 1869 г.

майора *Ивана Егоровича Балтакова*, построенный ранее 1814 года. Балтаков служил в Саратовском пехотном полку, 5 октября 1811-го, будучи поручиком, получил два места по нынешней улице Щепкина (Елисаветинской), в квартале меж Торговой и Дворянской, однако застраивать не стал[107] и обосновался на двух местах здесь, рядом с Одесской почтовой конторой, и значился уже штабс-капитаном.[108] Дом этот сохранился в незначительно перестроенном виде, одноэтажный, но высокий, приспособленный под торговые салоны, со стороны Полицейской улицы достроен двухэтажный флигель. В 1831-м эта недвижимость оценена в 10.000 рублей.[109] Помещения здесь арендовали под разные заведения, скажем, тут находилась переплетная мастерская Вислоцкого.[110]

По купчей крепости, совершенной 20 октября 1842 года, она перешла во владение одесского купца *Осипа и его жены Елены Балюховых*. В мае 1845-го они предположили произвести надстройку второго этажа на бывшем доме Балтакова, в половину длины места по проспекту. Сохранилось три практически одинаковых фасада и ситуационных плана, начертанных зодчим Гаэтано Даллаква.[111] Однако исполнение сего проекта вызывает некоторые сомнения, поскольку на данный момент мы видим, по сути,

Вид на Александровский проспект и Покровскую церковь. 1869 г.

то же одноэтажное первичное здание. Кроме того, в реестре на 1848 год оценочная стоимость всей этой недвижимости Балюховых составляет лишь 7.000 рублей.[112]

Как бы то ни было, бывший дом Балтакова репрезентует одну из типичных категорий застройки пушкинского времени. О другой принадлежавшей отставному майору недвижимости мы упоминаем в разделе, посвященном ранней застройке улицы Екатерининской.

Дом Лифенцова

Это еще один дом из ранних, функционально тяготевших к Гостиным рядам, ныне место застройки трехэтажным зданием по Александровскому проспекту, № 5. *Николай Васильевич Лифенцов* (*Лифинцов*), орловский 3-й гильдии купец, один из первопоселенцев, в 1796 году был избран ратманом первого городского магистрата. В переписке магистрата 1811 года говорится еще, что он «орловский посадский, прибыл в Одессу по паспорту», однако не получил «открепления» от тамошнего общества, а потому формально так и не причислен к одесскому. Его брат Иван обосновался еще в Хаджибее после завоевания небольшого турецкого укрепления и маленького поселка российскими войсками. Из Орла Иван выбыл в 1791 году, «построил дом и вел торговлю в 1792-м», в одесское 3-й гильдии купечество вступил не позднее 1797 года, было ему тогда 53 года, жене Степаниде – 50, дочери Марфе – 23, зятю, Ивану Кошеварову – 25.[113] Поселившийся в Одессе, надо полагать, немного позднее, Николай по каким-то соображениям оставался орловским купцом.

В первичной ведомости раздачи участков под застройку, составленной в сентябре 1794 года, упоминаются два не смежных места – № 162 и 164, в XIX квартале Военного форштата – и в обоих случаях они отданы «купцу Лифинцову»,[114] без указания имени. Очевидно, это означает, что каждый из братьев получил землю под домостроительство. Согласно документально подтвержденному сообщению дореволюционного историка В.А. Яковлева, Иван возвел свой дом еще до официальной раздачи мест, в 1792 году,[115] следовательно, это строение должны были просто-

Покровская церковь. Открытка 1902 г.

напросто формально узаконить. А узаконить уже существовавшие на тот момент в Хаджибее дома, в том числе разоренные в 1789-м, помимо Лифенцова, удалось немногим, скажем, весьма авторитетному Лариону Портнову (см. ниже) и содержателю кофейни Симону Аспоридису. Ссылаясь на архивные документы, тот же профессор В.А. Яковлев говорит, что в 1795 году по аналогичному поводу к де Рибасу обращалось 14 лиц с греческими и трое с восточными фамилиями, заявляя свои права на разоренные в Хаджибее дома. В том числе девять заявителей из Константинополя, двое – из Елисаветграда, по одному – из Херсона и Екатеринослава, четверо – из Николаева.[116] Однако с ними, судя по всему, не слишком церемонились.

Николай Лифенцов, понятно, постарался получить место поближе к брату. К сожалению, пока не знаю, какое именно из двух указанных выше ему отвели. Одно находилось по четной стороне будущей Почтовой улицы, почти напротив нынешнего Покровского переулка, второе – за углом, посередине квартала по Александровскому проспекту, меж Почтовой и Полицейской. «На задворках» оба участка соприкасались. Этот патриархальный район одесских старообрядцев жил своей специфической жизнью, контрастируя с другими, более «европеизованными» районами. Даже несколько десятилетий спустя продвинутые, как нынче говорят, горожане иронически называли здешних жителей *старобазарцами*, подчеркивая их консервативность, архаичный уклад, домострой. Лифенцов был одним из солидных жертвователей при постройке единоверческого Покровского храма.[117]

Монография давнего серьезного историка К.Н. Смольянинова доносит отголоски того «муниципального противоборства», которое развернулось в едва появившейся на географических картах Одессе. Речь идет о конфликте Иностранного и Российского магистратов, о некоем странном муниципальном двоевластии, сложившемся после кончины императрицы. Главными действующими лицами с «русской стороны» тогда выступили купцы Мигунов, Лифенцов, Суслов. Однако они проиграли, и в результате указом от 26 января 1798 года император Павел упразднил Российский магистрат, а состоявших в нем купцов и мещан подчинил Иностранному.

Кто прав? Однозначно ответить трудно. С одной стороны, передача управленческих полномочий в руки уроженцев Леванта была целесообразной, ибо только с их заинтересованною помощью юная Одесса могла реализовать отведенную ей роль южных ворот империи. Кроме того, капиталы российских купцов и сама их численность в городе в ту пору были еще относительно малы. С другой стороны, ситуация тогда сложилась тягостная. Город не имел необходимой для нормального функционирования инфраструктуры: финансирование устройства гавани, казенных зданий, сооружений, храмов и др. свернулось в конце 1796-го, поступления в городской бюджет были ничтожны, а потому невозможно было даже минимально благоустраивать городские территории, строить мосты, копать колодцы, устилать щебнем улицы. Неопределенными оставались многие юридические вопросы, связанные, например, с налогообложением тех же иностранных переселенцев и др., законодательная база «ганзейского города» не вписывалась в региональную, многие вопросы в этом смысле оставались неурегулированными.

Горожане отдавали себе отчет в том, что судьба Одессы туманна, целиком зависит от случая – каприза монарха или сановника-временщика. Поэтому им, воленс-ноленс, пришлось оставить распри, во всяком случае, в городском управлении позитивно присутствовала и «русская фракция» – купцы Портнов, Мигунов, Яловиков, Андросов, Шебякин и другие. Впрочем, я сильно сомневаюсь в том, что у тех или других вообще была какая-то определенная политическая платформа, если не считать таковой простую выгоду.

В ведомости 1798 года записано, что орловский 3-й гильдии купец Николай Лифинцов (но сохранились автографы, где четко прописано – *Лифенцов*) объявил свой капитал на 4.000 рублей, а отпуск – на 10.000. При этом он «торгует разным гуртовым товаром», имеет «лавки 2 деревянные с покоями и ледником и 2 каменные».[118] Деревянные лавки находились за Старым базаром, в квартале, ограниченном формирующимися улицами Большой Арнаутской, Преображенской, Малой Арнаутской и Александровским проспектом. Здесь на протяжении семи лет Николай Лифенцов, как и его соседи, Иван Ростовцев и Борис Суровцов, занимался мясной торговлей.[119] Поблизости промышлял скотом и авторитетный купец Федор Яловиков, именем которого назвали одну из площадей Старого базара.

С 1799 года Лифенцов и одесский 3-й гильдии купец, старший магистратский бургомистр, а впоследствии городской голова Иван Иванович Мигунов стояли во главе резничного цеха. В их обязанности входил контроль цен и свежести отпускаемого каждым из 24-х местных промышленников мяса. В те отдаленные времена квартал был еще городской окраиной, что позволяло забивать скот прямо «в степи», даже не доходя будущей Привозной площади, и притом не опасаясь за чей-то чуткий слух или чье-то чуткое обоняние. Вопрос о создании общества охраны животных тоже не стоял на повестке дня, ибо самим горожанам приходилось жить в нечеловеческих условиях. Тогда Одесса и в самом деле была большой деревней, по которой наемные пастухи ежедневно прогоняли на городской выгон принадлежавший горожанам скот. В 1806 году резницы перенесли еще дальше, в особый квартал, за Малую Арнаутскую, меж проспектом и «Резническим переулком», и старые деревянные лавки растащили на дрова, по поводу чего хозяева жаловались в 1808-м Строительному комитету.

Следовательно, принадлежавшие Лифенцову две каменные лавки с жилыми покоями находились возле Красных рядов и Покровской церкви, прихожанином которой были он и его супруга Матрона. О детях я пока не имею надежных сведений. В метрических книгах Спасо-Преображенского собора есть запись о бракосочетании «вторым браком одесского купца Иосифа Балюхова с вдовою Еленою Лифинцовой» 5 февраля 1822 года. Очевидно,

это первая жена сына или племянника нашего фигуранта. *Иосиф* (*Осип*) *Леонтьевич Балюхов* (*Балихов*) – почтенный старожил, домовладелец, купец, член Строительного комитета и Приказа общественного призрения, владелец значительного хутора за мысом Большой Фонтан. 1 января 1823-го у них родился первенец Спиридон.[120] Другой сын, Михаил, авторитетный думец, был попечителем Старого городского кладбища. С хутором (дачей) Балюховых связана биография Л.О. Пастернака, его семьи и окружения, но это тема отдельного обстоятельного разговора. Выше мы говорили о покупке Иосифом и Еленой Балюховой смежного с двором Лифенцова дома Балтакова. Это навевает мысль о том, что в это время им владела родня Елены.

Еще интересный факт. В 1803 году Лифенцов получил место для устройства пивоваренного заведения и хутора на Пересыпи, площадью 80 на 50 саженей, в удачном для этой затеи месте, «подле криницы». Впрочем, активной его пивоваренной деятельности мне пока тоже не удалось зафиксировать. Не знаю и времени его кончины. Во всяком случае, он ушел после 1811 года, когда, как упоминалось ранее, магистратом велась переписка о его официальном причислении к городскому гражданству. Подозреваю, он стал жертвой чумной эпидемии 1812 года. В ту пору погиб близкий Лифенцову человек, Иван Иванович Мигунов, супруга Мигунова и несколько домочадцев. В августе 1820-го в Строительный комитет обращались кредиторы умершего одесского купца Николая Лифенцова одесские купцы Федот Бирюков и Семен Мясников. При выяснении обстоятельств оказалось, что еще летом 1804-го Лифенцов взял в Комитете кредит на 1.500 рублей, в 1807-м вернул 800, и таким образом за ним осталось долгу 700 рублей плюс проценты. В обеспечение возврата кредита он заложил свой дом, оцененный в 6.400 рублей.[121] На 1804 год это довольно высокая оценочная стоимость. То есть я хочу сказать, что и в пушкинское время находящиеся тут постройки были довольно значительны.

Здесь же заметим: строения на углу Александровского проспекта и Почтовой улицы, в пределах нынешних домов соответственно № 7 и № 36, в пушкинское время принадлежали подполковнице *Марье Дмитриевне Алберт* (*Альберт*) по купчей

крепости, оформленной в Херсонской палате гражданского суда 10 января 1819 года. Летом 1826-го архитектор Фраполли освидетельствовал постройки и нашел здесь плановый дом, а также магазин и флигель, «построенные с давнего времени».[122] Магазин подполковника Алберта «на углу Почтовой, возле дома г. Филиберта» упоминается в газетных объявлениях 1832-го.[123] В 1834-м Алберту утвержден новый план на постройку дома,[124] который позднее унаследовала его дочь Елена Семенюта. Этот цветной план исполнен архитектором Боффо: два симметричных двухэтажных флигеля по красной линии Александровского проспекта, разделенные въездом во двор; в нижних этажах – явно торговые лавки.[125]

Недвижимость Сапожниковых

На противоположном углу – Александровский проспект, № 2, – изначально располагался одноэтажный казенный дом, в котором квартировал другой саратовский офицер, подполковник Мирбах, упоминавшийся нами в связи с семейством и недвижимостью Савоини. Дом этот был построен на первом этапе существования города, и фиксируется на генплане 1802-1803 гг. 27 апреля 1809-го Ришелье предложил Строительному комитету продать это обветшавшее и недостаточно просторное здание с публичного торга, а взамен приобрести более подходящее. Такой дом, доктора Капелло, был приобретен, о чем мы уже говорили. Что касается этого, то на него нашлось немало охотников, торги проходили весьма энергично. Почему? Потому что место было очень выгодное, проходное, на главной торговой магистрали, а дом можно было починить, подправить, достроить. В числе конкурентов на торгах выступал даже коммерции советник Рено, кроме того, его соотечественник предприниматель Рубо, аптекарь Шмидт. Но наивысшую цену, 2.600 рублей, назначил елисаветградский купец *Кондрат Сапожников*, который владел смежным участком по Полицейской улице.

Что представляла собой эта недвижимость? При освидетельствовании городской архитектор Франческо Фраполли нашел

следующее. Дом размерами 6 саженей 2 аршина и 8 вершков на 4 сажени 2 аршина. Покоев (комнат) 6, сеней 2, окон 10, печей кафельных голландских 3. Пол и потолки дощатые. Покрыт дранью. Во дворе землянка 4 сажени 2 аршина на 2 сажени, в ней кухня и людская. Сарай ветхий 7 на 3 сажени. Ледник 4 на 4 аршина. Ворота с калиткой и каменными столбами.[126] Понятно, что после покупки дом и службы перестраивались, в 1819-м Сапожников получил новое свидетельство на участок после освидетельствования архитектором Джованни Фраполли.[127] Короче говоря, купец основательно обзавелся. Сохранилось довольно много информации об этой и другой недвижимости его и родни, включая хутора. Угловым местом по Александровскому проспекту и Полицейской Сапожниковы владели вплоть до начала 1870-х.

Сапожниковы – обширный род елисаветградских купцов, поэтапно обосновавшийся в Одессе, начиная со второй половины 1790-х. Так, в 1797 году Осип Сапожников избирался одним из счетчиков, контролировавших приход и расход средств в Одесском магистрате.[128] В «собрании граждан», проходившем в Одесском магистрате 10 марта 1799-го, участвовал купец Осип Сапожников 2-й.[129] В метрических книгах Покровского единоверческого храма есть любопытные записи, в частности, о рождении и крещении 3-4 апреля 1808 года младенца Георгия, сына одесского купца Осипа Сапожникова и его супруги Варвары.[130] В синхронной метрической книге Преображенской соборной церкви упоминается и «елисаветградский купец Кондрат Сапожников». В ведомости ученикам Одесской коммерческой гимназии за 1809-й находим купеческих сыновей Павла и Василия Сапожниковых, оба 10-ти лет, оба «понятны, прилежны, благонравны».[131] Зафиксировано отпевание в Соборе 28 июля 1823-го младеницы Ольги, дочери одесского купца Филиппа Сапожникова.[132]

В 1820-х один из наших фигурантов, одесский 3-й гильдии купец *Вонифатий Макарович Сапожников*, был ратманом Городового магистрата, а его родственник, одесский 3-й гильдии купец Осип Игнатьевич Сапожников, членом Одесского коммерческого суда от купечества. Этот последний владел домом, смежным с тем казенным, что купил Кондрат Сапожников: ныне на этом месте по улице Бунина, № 37, находится более позднее трехэтажное

здание. В ту пору это была довольно значимая, наверняка двухэтажная постройка, оцененная в 30.000 рублей ассигнациями в несгораемых и 5.000 в сгораемых материалах.[133]

Переходим к важному, на мой взгляд, сюжету, связанному с недвижимостью Сапожниковых. Он не только дает хорошее представление о характере застройки в первые годы существования города, но и иллюстрирует контрастное сочетание маленьких патриархальных домиков первых одесситов с весьма солидными зданиями более поздней постройки в пушкинское время. Информация обнаруживается в одном из дел Строительного комитета под заглавием «По прошению одесского купца Вонифатия Сапожникова о выдаче ему документов на дома и места в 1-й части», от 26 июня – 13 сентября 1840 года.

К делу приложен оригинал свидетельства Одесской инженерной команды об отводе 9 мая 1800 года одесскому купцу *Иосифу Сапожникову* мест № 39, 40 и 43 в V квартале Северного форштата, с указанием меры участков.[134] Заявление просителя и прилагаемое духовное завещание, зарегистрированное магистратом в апреле 1806-го, четко воспроизводит весь ход событий. Иосиф Сапожников, родной дядя Вонифатия, разрешил своей матери, елисаветградской купчихе Марии Сапожниковой, то есть бабушке Вонифатия, передать ему в полное распоряжение сказанные «три места с находившимися на них в то время в дворе верховыми избами». В том же 1806 году В.М. Сапожников с дозволения фактического руководителя Строительного комитета инженер-поковника Е.Х. Ферстера построил два маленьких плановых дома: «о 5-ти окнах на месте под № 40» и «о трех окнах на месте под № 43». Позднее, в 1819 году, согласно плану, составленному архитектором Дигби и утвержденному подполковником Кругом 25 апреля, Сапожников построил двухэтажный дом на местах 39 и 40, а на месте № 43 остался прежний домик в три окна.[135]

К делу прилагается фасад этой небольшой трогательной постройки 1806 года[136] по Колодезному переулку: ныне это место по красной линии не застроено, есть пятиэтажка в глубине двора – переулок вице-адмирала Жукова, № 12. Из плана всех трех мест, также составленного архитектором Торичелли, видно, что двухэтажный дом Сапожникова по Полицейской (Бунина, № 40,

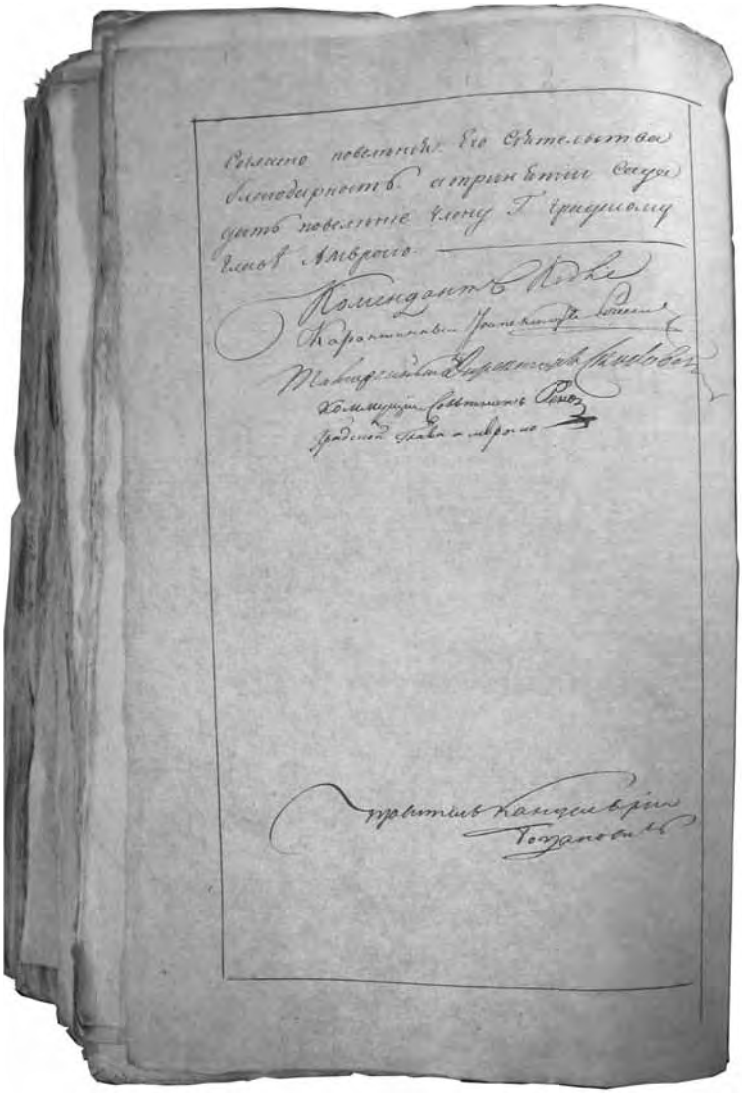
ныне более позднее трехэтажное здание) состоит из двух флигелей – углового, квадратной формы и прямоугольного, от границы соседнего места.[137]

Таким образом, можно констатировать, что: 1) семейство Сапожниковых территориально сформировало как бы свой городок по обе стороны Полицейской (Бунина) улицы, расположенный в очень выгодном в торговом отношении ареале; 2) их недвижимость в пушкинское время иллюстрирует эволюцию застройки Одессы в первое ее тридцатилетие. Уместно прибавить, что в домах, принадлежавших Сапожниковым, помимо различных лавок традиционно квартировали трактиры, винные склады, а позднее – пивные залы.

Дом Великанова

Для полноты картины – несколько слов о доме другого старожила, одесского 3-й гильдии купца *Семена Семеновича Великанова*. Он владел смежными с Вонифатием Сапожниковым местами № 41-42 по Полицейской улице, приобрел их с уже существующими строениями по купчей крепости, оформленной в Одесском коммерческом суде 11 октября 1823-го.[138] Кому эта недвижимость принадлежала ранее, пока неизвестно. Из определения Строительного комитета явствует: сам он сказанные места никому не отводил,[139] то есть они отведены еще магистратом ранее 1803-го. Из генплана 1802-1803 гг. следует, что первое относительно небольшое строение находилось на углу будущих улиц Полицейской и Преображенской. На плане 1807-го показано одиночное строение и на втором от угла месте. Из плана 1814-го видно, что оба первичных строения соединены в одно, а кроме того, появляется дворовой флигель, стоящий торцом к улице. Генплан 1828-го фиксирует практически ту же ситуацию.

Из архивных документов ясно: один из двух домов на местах № 41-42 – довольно вместительный магазин. Оценочная стоимость всех строений здесь составляла 21.750 рублей.[140] То есть в пушкинское время застройка вполне приличная, но по красной линии не сплошная. И лишь летом 1834-го Великанов заложил фундамент в упор к смежному месту Сапожникова, чтобы



Лист из журнала заседаний Одесского строительного комитета. В числе других членов комитета (Кобле, Россет, Рено, Амвросио) протокол подписал и таможенный директор Скадовский

приступить к сплошной застройке, как того требовало распоряжение Воронцова от 20 мая 1829 года. Тут у него возникли трения с соседом, ситуацию разбирали в Строительном комитете, в разбор полетов вмешался сам генерал-губернатор, который порекомендовал градоначальнику Лёвшину привести инцидент к мировому соглашению. Оное и было достигнуто летом 1835-го.[141]

Семейство Великановых весьма известно в истории муниципальной деятельности, владело разнообразной недвижимостью, строило известные здания, но эта проблематика выходит далеко за рамки нашего исследования.

Дом Селиховой

Теперь вернемся на Александровский проспект. В 1822-м соседка Кондрата Сапожникова полковница *Екатерина Селихова* (*Селехова*) жалуется Строительному комитету по поводу того, что он занял часть ее дворового места.[142] Речь идет об адресе Александровский проспект, № 4, где ныне трехэтажный дом. Похоже, Селихова была неправа, ибо ей велели обратиться в полицию, но продолжения этого сюжета в делах ОСК мы не видим. Впрочем, для нас это не так уж важно. Для нас значимо, что представляла собой ее недвижимость в пушкинское время, и какие исторические персонажи имели к этому отношение.

Интересующий нас участок освоен в интервале 1804-1806 гг. Застроила его супруга надворного советника Бальтазара Бальтазаровича Скадовского (1752-1814), служившего таможенным директором в пору градоначальства герцога Ришелье, Авдотья (Евдокия Ивановна). Состоятельный шляхтич, крупный землевладелец, Скадовский получил место под застройку 1 мая 1803 года – это середина квартала по будущему Казарменному переулку.[143] Однако застраиваться он не стал, в 1805-м женился и обитал в доме супруги. В этом браке родились: Александра (1806), Елизавета (1809) и Лев (1814-1871). То есть Екатерина Егоровна Селихова, получившая интересующий нас дом в приданое от матери в январе 1817-го, была дочерью Авдотьи от предыдущего брака, но фамилия отца нам неизвестна. Скадовский, понятно, завещал

свое движимое и недвижимое имущество собственным детям,[144] а его супруга не оставила бесприданницей дочь.

Но тут начинается новый детективный сюжет, который я уже излагал без ссылок на источники в одной из предыдущих книг.[145] О братьях Селеховых (Селиховых) мы говорили выше. Екатерина (если она носила фамилию отчима, то Скадовская) в январе 1817-го обвенчалась с Егором (Георгием) Герасимовичем Селеховым. Подаренный ей матерью дом в пушкинское время имел оценку в 20.000 рублей, то есть был двухэтажным и приносил очень хороший доход – 12,5% годовых, ибо располагался рядом с Гостиными рядами по проспекту и фактически служил их продолжением. В ведомости о взыскании с оценки домов на квартирную повинность с 30 апреля 1824 года он даже значится за гвардии полковником Селиховым, а не за Екатериной.[146]

Через четыре года после кончины мужа Екатерина занялась упорядочением наследства, ибо некоторые владельческие документы к тому времени оказались утраченными: в частности, как раз на интересующий нас дом. По этому поводу сохранилось целое архивное дело за октябрь-декабрь 1838 года. Своим доверенным лицом она назначила отставного поручика Людвига Румаре, очевидно, сына коллежского советника М.Л. Румаре, французского эмигранта, надзирателя Херсонской заставы порто-франко, о котором я уже упоминал выше. Так вот в сказанном деле жена покойного Селихова именуется «капитан-командоршей де Додт».[147] Что за новости?

В самом деле, загадочная история. Капитан-командор Жюст (Петр Андреевич) де Додт – фигура весьма известная и почитаемая в истории российского флота. Этот человек действительно связан с юной Одессой. Датчанин, капитан-лейтенант, он был принят в Черноморский флот лейтенантом в феврале 1805 года. Умелый навигатор, отличный стратег, храбрец, он блистательно проявил себя в сражении при острове Тенедос летом 1807-го, когда турецкий флот блокировал остров, и российский гарнизон оказался в критическом положении. Свидетель тех событий сообщает: «Храбрый капитан-лейтенант Додт, командир брига «Богоявление», поддержал защиту крепости, отдавши все свои снаряды и перевезя с брига в крепость свои пушки». Вскоре герой был отмечен орденом Святого Георгия за это сражение.

В 1808-1809 годах Додт неоднократно проявил себя в сражениях со шведским флотом, в июле 1810-го, командуя отрядом кораблей и морским десантом, кровопролитным штурмом взял Сухум-Кале, за что получил орден Св. Георгия IV класса. В 1812 году в качестве командира 75-го экипажа Черноморского флота он сошел на берег со своего корабля «Правый», отправился в Польшу в армию Барклая де Толли, снарядил на Висле шесть канонерских лодок и повел их в сражения весной 1813 года. Тогда же произведен из капитанов 2-го в капитаны 1-го ранга, награжден орденом Святого Владимира III степени. Во второй половине 1810-х продолжал службу в ЧФ. Опуская подробности дальнейшей карьеры, подчеркиваю то важное обстоятельство, что в капитан-командоры нашего героя произвели лишь в 1824 году, а в 1826-м он умер.

Спрашивается, при каких условиях Селихова могла значиться «капитан-командоршей де Додт»? Лично я пока практически никаких вариантов не вижу. Если это ее первый муж, то она никак не может быть капитан-командоршей. В самом деле, мы видели дату юридического оформления приданого – начало 1817 года. Кроме того, мы имеем метрические записи о смерти двухлетней дочери полковника Селихова Марии 14 июля 1823 года[148] и девятилетнего сына Николая – 26 февраля 1824 года.[149] Правда, из этого следует, что сын родился не позднее 1815 года, то есть мог быть от предыдущего брака. Единственный сценарий (если архивные документы безошибочны) заключается в том, что меж 1824-м и 1826-м годами Селихова получила развод и обвенчалась с де Додтом.

Поразительно, как много неординарных судеб вмещает биография Одессы, какой у нас тут яркий ретроспективный физиономический цветник! Так или иначе, а дом по Александровскому проспекту, № 2, по ведомости 1848 года числится за «наследником Селихова» и оценен в 4.500 рублей серебром.[150]

Особый интерес, безусловно, вызывает смежная недвижимость по Александровскому проспекту, № 6. Это атрибутированное пушкинское место, о котором и пойдет речь в следующем разделе. Однако давайте сперва вернемся чуть назад, на Полицейскую улицу, и хотя бы вкратце обозначим историю строений, занимаемых Городской полицией и другими значимыми казенными институциями.

Городская полиция и Ко

Речь идет о нынешних адресах по Бунина (Полицейской), № 41, и по Преображенской, № 44. Согласно старой топографии, это места № 38 и 39 IV-го квартала Греческого форштата. Сперва (1794) их, как и прочие участки в данном квартале, раздали под застройку частным лицам – офицерам.[151] По ряду причин места застроены не были, и часть из них осваивалась под казенные здания. На углу Полицейской и Александровского проспекта, как мы говорили, был построен одноэтажный дом для квартирования штаб-офицеров, впоследствии проданный купцу Сапожникову, а на противоположном углу – сооружения, предназначенные для размещения полиции и магистрата. В самые первые годы существования города заседания магистрата проходили в частных домах. Первобытная полиция фактически тоже не имела собственного офиса.

Полицейской частью в новорожденной Одессе заведовал поручик итальянского происхождения Августин де Пачиоли, которого чаще именуют плац-майором. В его распоряжении находились один унтер-офицер, два капрала, из которых один был базарным, 16 рядовых и один барабанщик. Базарный надзирал за порядком на формировавшемся Вольном рынке (Старом базаре), где начало торговли сигнализировалось поднятием флага, а барабанщик боем привлекал внимание горожан при официальных оповещениях. Для содержания кордонов по Херсонской и Тираспольской дорогам отряжалось 12 казаков Екатеринославского казачьего полка. Кроме того, при полиции служили два вольных писаря, трое десятских – русский, греческий и еврейский, плюс избираемые обществом трое словесных судей: один из русских и двое из греков.

15 июля 1795 года де Пачиоли уже в чине капитана сдал свою должность назначенному накануне «для управления полицейской частью» градоначальнику секунд-майору Григорию Степановичу Кирьякову, командиру 4-го батальона Черноморского гренадерского корпуса. В официальных документах его также называют исполняющим обязанности военного коменданта: в этом отношении вообще наблюдаются некоторые противоречия. Ситуация в те годы не способствовала четко сформулированным функциональным обязанностям местных властных

структур, они часто пересекались, выясняли отношения, тянули одеяло на себя. 26 декабря 1795 года Кирьякова уволили от должности по болезни. Обязанности градоначальника временно исполнял казначей Экспедиции строения города секунд-майор Петр Федорович Небольсин, с предписанием по должности полиции относится к инженер-майору Федору Кайзеру, находившемуся в Одессе за военного коменданта.

В начале 1796-го начал свою деятельность первый магистрат. После кончины императрицы развернулись серьезные пертурбации. По указу от 20 мая 1797 года на место полицмейстера в чине подполковника вернулся Кирьяков, а военным комендантом на будущее назначался шеф постоянно расквартированного в городе полка, в данном случае – Ладожского мушкетерского. 23 сентября были приведены к присяге члены нового, так называемого иностранного магистрата, причем в течение нескольких месяцев он функционировал параллельно с прежним, российским, и оба муниципалитета энергично выясняли отношения. В 1798-м Кирьякова в должности полицмейстера сменил надворный советник Николай Лер, а в 1799-м подполковник Степан Егорович Лесли.

Полицейский порядок в городе полноценно стали наводить лишь с воцарением Александра I. В частности, высочайший указ от 8 октября 1802 года четко определил круг обязанностей градоначальника, назначаемого «из чиновников высших классов», который не только ведает полицейскими делами, но располагает довольно широкими полномочиями. Нечего и говорить о том, что назначенный 27 января и прибывший в Одессу 9 марта 1803 года герцог Ришелье наделялся еще большей властью. Ранее, по ходатайству магистрата от 2 июля 1799 года, штат одесского полицмейстера усилили двумя частными приставами, двумя квартальными надзирателями, писарем в придачу к имевшемуся полицейскому письмоводителю и надзирателем городского караула. При этом выделены и надбавки к жалованью.

Законодательное утверждение штата Одесской городской полиции последовало в указе от 20 февраля 1804 года. Согласно «Книге штатов», городскому полицмейстеру назначался годовой оклад в 600 рублей, канцеляристу и двум частным приставам – по 300, четырем квартальным надзирателям – по 150, 16-ти десятским

(в принципе, изначально понималось так, что на 10 домов и полагается десятский, совершающий ночные обходы) – по 84. Кроме того, при полиции состоял особый смотритель городской земли с окладом в 300 рублей. В ту пору в обязанности полиции входило следить за «охранением тишины и спокойствия», присутствовать на всех публичных собраниях, вести регистрацию строений и горожан, фиксировать отъезды и присутствие своих и чужих, надзирать за гостиницами, подворьями, всеми трактирными заведениями, «танцевальными собраниями», исполнять судебные решения, взыскивать штрафы и выдавать положенную часть доносчикам, проводить предварительный розыск и дознание, составлять соответствующие протоколы, брать под стражу.

Согласно архивным данным, меж 11 мая и 29 октября 1798 года Городской полиции и магистрату передали в пользование недостроенное казенное здание на углу будущих улиц Полицейской и Преображенской.[152] Дом этот постоянно достраивался, реконструировался, дополнялся различными флигелями, службами, включая и резиденцию полицмейстера. Так, летом 1809-го, после капитальной перестройки здания, предназначенного для полиции, Строительный комитет усмотрел надобность в прибавлении покоев для присутственных мест. Однако в первую очередь пришлось дать крышу очень важной институции, Одесскому коммерческому суду. Поэтому определили немедленно отремонтировать для этой цели нижний этаж флигеля, занимаемого магистратом и думою, а ремонт фасада оставить на будущий год, отдав работу в подряд.[153]

На генплане 1802-1803 годов здесь обозначены две постройки: побольше – на углу будущих Полицейской и Преображенской улиц, место № 39, и другая, значительно меньшая, по Полицейской, место № 38. То есть дома полиции и магистрата. На плане 1807-го прямо обозначено, что здесь здания полиции и магистрата, показано продолжающееся строительство и немалый дворовой флигель на месте № 38. План 1814-го фиксирует уже четыре строения, по два на каждом из мест. Наконец, план 1828 года показывает почти сплошную застройку обоих мест по красной линии улиц, за исключением широких въездов в обширный двор: двух с Преображенской и одного с Полицейской улицы.

В 1809-м отдельные работы во дворе и строительство ограды производил подрядчик Иван Папаергопуло,[154] унтер-офицер Греческого пехотного батальона.[155] В 1810-м достроены кухня и пекарня,[156] что явно свидетельствует о переводе сюда из «большой крепости» (на территории нынешнего парка имени Шевченко) острога, то есть арестного дома, фактически первого тюремного замка. О том, что острог в крепости функционировал, по крайней мере, на рубеже 1806-1807 гг., свидетельствует тот факт, что в это время там активно остеклялись окна.[157] Очевидно, передислокация острога обусловлена ликвидацией Одесской крепости и передачи ее в 1811 году Карантину. В том же 1811-м к дому полиции пристроено помещение, включавшее шесть покоев и двое сеней.[158] В 1813-1814 гг. последовали очередные ремонты, в том числе связанные с пожаром в доме полицмейстера.[159] В 1816-м здесь дополнительно построены: магазин, сарай, ледник и погреб с кладовой в наземной его части.[160]

С 1816-го решался вопрос строительства капитального тюремного замка в Одессе, потребность в каковом к тому времени ощущалась уже крайне остро. В архивном фонде Одесского строительного

Полицейская площадь. 1869 г.

комитета имеется объемистое дело о построении оного, заведенное 28 апреля 1817-го.[161] Дополнительную информацию можно почерпнуть в журналах заседаний Комитета. Два года спустя Александр Дигби составил соответствующую смету – 56.068 руб. 45 коп. Работу решили отдать в подряд, торги назначили на 24, 28 и 31 апреля 1819 года,[162] однако подрядчиков не нашлось. Тогда Джованни Фраполли поручили сделать новую смету, и он насчитал уже 96.110 руб. 44 коп. Особой охоты вновь никто не проявил. Правда, в журнале заседаний от 26 июня сообщается, что 18 июня «здешний житель Томазини» все же согласился взять подряд за 88.000 рублей. Впрочем, по недостатку средств дело отложили до 1820 года.[163]

Время шло, денег все не было, и проект сдвинулся с мертвой точки лишь после назначения генерал-губернатором графа М.С. Воронцова, который не терпел проволочек в подобных важных делах. 23 августа 1823 года в заседании Комитета обсудили его предписание: построить тюремное здание, рассчитанное на 400 заключенных, за счет городских доходов. Торги назначили на 13, 17 и 18 сентября, но затем отсрочили до 2 октября.[164] В итоге задачу принял на себя упоминавшийся Симон Томазини, венецианско-подданный, который много лет брал на себя подряды по всевозможным городским работам, предоставляя надежные залоги (недвижимость). Сумма контракта составляла 214.900 рублей, поскольку масштабы тюремного замка значительно превышали те, что планировались ранее.

В комитетском журнале от 1 июля 1824 года есть запись об очередном транше Томазини – 12.980 рублей – за каменную кладку и «деревянные работы».[165] В заседании ОСК от 27 августа того же года речь идет о том, что подрядчику следует выдать 33.585 рублей за работы «при главном корпусе тюремного здания», качество которых освидетельствовано военным инженером И.И. Кругом.[166] 28 августа архитектору Боффо предписывают немедленно изготовить образцовое стропило, поскольку соответствующие работы по строительству тюремного замка буксуют более трех недель.[167] В заседании 27 ноября 1824-го отмечено: крыша тюремного замка «на четырех башнях оного» взамен черепицы крыта железом; инженер Круг докладывает о том, что работы прочны и соответствуют контракту.[168]

Короче говоря, в бытность в Одессе Пушкина коробка тюремного замка была уже готова, и он вполне мог ее видеть, однако прежняя тюрьма при полиции все еще продолжала функционировать. Другое дело, что различные достройки и внутреннее устройство затянулись еще года на два. «Новое тюремное здание», как и «дом, занимаемый полицмейстером», 15 декабря 1824 года упоминаются в числе комитетских гражданских зданий, на которые по распоряжению управляющего министерством внутренних дел необходимо составить планы, фасады, указав перемены, произошедшие в результате реконструкций, и проч.[169]

Для полноты картины упомянем информативные названия двух несохранившихся архивных дел за 1826 год: «О построении домов для присутственных мест и о перестройке дома, занимаемого магистратом и полициею»[170] и «О построении дома для полиции и полицмейстера».[171] Есть сохранившееся дело от 19 января 1827-го «О переделке дома при полиции, где помещалась тюрьма»[172] и целый ряд других, связанных с дальнейшей эволюцией построек на местах № 38 и № 39.[173] Тут важно понимать следующее: нынешние здания и сооружения на этом участке не пушкинского времени. Здание Городской полиции окончено в 1830-м, флигель пожарной команды – в 1849-м. Впрочем, эти и другие находящиеся тут объекты могут нести в себе фрагменты предыдущих построек, однако для их выявления необходимо специальное обследование кладок первых и подвальных этажей.

В январе 1823-го было принято решение о передаче Городской типографии в ведение полиции. Передача имущества по описи осуществлялась в апреле-мае. То есть не позднее июня типография передислоцировалась из дома Монтовани в одно из помещений, занимаемых Городской полицией,[174] и находилась там во время пребывания Пушкина в Одессе.

И еще. Как видим, описанные нами места № 38 и № 39 на протяжении не менее четверти века представляли собой значимый административный центр Одессы. Трудно себе представить, что Пушкин здесь не бывал, тем паче этот центр примыкал непосредственно к Соборной площади. Почему? Потому что до середины XIX столетия территория этой площади была гораздо большей, и лишь затем часть ее застроена К.Ф. Папудовым: получился

как бы отдельный квартал. В итоге сказанная застройка отрезала от Соборной площади другую, небольшую Полицейскую площадь, на которой функционировал водопой.

Современник (1822) так описывает интересующие нас объекты: «Побеленное здание с зеленой крышей, стоящее около собора и украшенное колоннами, имело внушительный вид и вызвало наши расспросы. Нам сказали, что это Полицейское управление, но мы нашли, что управление занимает только часть здания, а другая, большая часть, занята тюрьмой. Какой контраст между экстерьером здания и его внутренним содержанием! В тюрьме находилось 264 заключенных, мужчин и женщин, судьба которых была жалкой. Всюду грязь, можно сказать, «как в свинарнике». Мы поспешно сбежали от его насыщенных и опасных испарений».[175]

Есть и более раннее, конца 1819 года, сообщение другого британского путешественника, эмиссара Библейского общества: «Получив разрешение графа Ланжерона обследовать тюрьму, я пошел туда с офицером, согласившимся быть моим проводником, и моим знакомым джентльменом, греком. Общественное здание, расположенное около полицейского управления, используется в качестве тюрьмы еще до решения правительства! Граф не очень хотел, чтобы я шел туда, и это неудивительно, поскольку места более убогого я никогда прежде не посещал. В трех помещениях на первом этаже содержались 131 преступник и должники. Спали они на деревянных скамьях, стоящих вдоль стен, где им было столь тесно, что ночью они укладывались поближе друг к другу. В четвертой комнате мы нашли четырнадцать преступников с кандалами на ногах, воздух здесь был очень спертым. В помещении для женщин содержались лишь три заключенные и мальчик, остальные были на работе. Мы увидели грязные пол и стены, больных и оборванных женщин. Затем нам показали комнату должников. Их было приблизительно двенадцать, несколько из них евреи. Но и это помещение было столь тесным, и воздух столь спертым, что мне трудно было остаться в нем даже на несколько минут. Я настойчиво убеждал графа, что был свидетелем плохого обращения с людьми в Карантине, а еще хуже – в тюрьме, с несчастными заключенными. Он обещал сделать что-нибудь для облегчения их положения и гарантировал мне,

что следующей весной будет начато строительство новой тюрьмы, разработанный план которой уже одобрен, место выбрано, и деньги для этой цели выделены».[176]

Насколько было облегчено положение заключенных, неизвестно, а вот строительство нового тюремного замка, как мы видели, затянулось надолго. По крайней мере один из персонажей настоящего издания, растратчик казенных денег, молодой коллежский регистратор Локотников (см. ниже), умер в этой жуткой старой тюрьме, так и не дождавшись окончательного юридического вердикта по своему делу. Поразительно, но он точно был среди тех, кого здесь наблюдал доктор богословия из Британии.

Продложение следует

Примечания

[105] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 237-268.

[106] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 282-287.

[107] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 265, л. 388.

[108] Там же, д. 267, л. 150-152.

[109] Там же, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 175-176; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 791. – 5 л.

[110] Новороссийский календарь на 1837-й год, с. 163.

[111] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 789, л. 1, 8, чертежи № 4, 6, 7.

[112] Список домам и прочим строениям, состоящим в I-IV частях города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 7.

[113] А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 111.

[114] Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 592.

[115] В.А. Яковлев. К истории заселения Хаджибея. – Одесса, 1889, с. 20, 57.

[116] Одесский вестник. – 1889, 21 августа, № 222.

[117] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 284, л. 1-7.

[118] А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 138-139.

[119] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 120-124.

[120] Там же, ф. 37, оп. 6, д. 3, л. 39.

[121] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 278, л. 157 об. – 158.

[122] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 663, л. 87, 88.

[123] Одесский вестник. – 1832, 29 июня, 2 и 9 июля, № 52, 53, 55.

[124] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 435. – 8 л.

[125] Там же, ф. 895, оп. 1, д. 182.

[126] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 272, 279, 280, 287, 306, 307, 308, 353, 359, 363-365.

[127] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 145, ч. 2, л. 20–22; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 275, л. 332.

[128] А.В. Макидонов. Персональный состав административного аппарата Новороссии в XVIII веке. – Запорожье: Просвіта, 2011, с. 239.

[129] ГАОО, ф. 17, оп. 1, д. 55, л. 17-18.

[130] Там же, ф. 37, оп. 4, д. 16, л. 47 об., 48 об., 50 об.

[131] Там же, ф. 44, оп. 1, д. 15, л. 25-26.

[132] Там же, ф. 37, оп. 6, д. 3, л. 93.

[133] Одесский вестник. – 1833, 23 августа, № 69.

[134] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2430, л. 3.

[135] Там же, л. 1, 4-5.

[136] Там же, л. 10.

[137] Там же, л. 11.

[138] Там же, д. 663, л. 139.

[139] Там же, л. 139 об.

[140] Там же, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 103-104.

[141] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 431. – 42 л.

[142] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 226 об. – 227 об.

[143] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 222-224.

[144] Інна Чорноіваненко. Остання воля Б.Б. Скадовського. – Міждисциплінарні гуманітарні студії. Серія: Історичні науки. Випуск 1. – Київ, 2014 / Національна Академія наук України, Відділення історії, філософії та права, відділення літератури, мови та мистецтвознавства Інституту історії України / Гол. ред. Г.В. Боряк. – С. 130-135.

[145] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 271-274.

[146] ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 215, ч. 1, № 53.

[147] Там же, ф. 59, оп. 3, д. 439. – 28 л.

[148] Там же, ф. 37, оп. 6, д. 3, л. 93.

[149] Там же, л. 146 об.

[150] Список домам и прочим строениям, состоящим в I части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 7.

[151] Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 593.

[152] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 61. Дело не сохранилось, однако его название и датировка вполне описывают ситуацию.

[153] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 399.

[154] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 24. – 45 л.

[155] Греки Одессы. – Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 362-363.

[156] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 34. – 12 л.

[157] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 269.

[158] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 36. – 35 л.

[159] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 364; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 41. – 47 л.

[160] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 50. – 31 л.

[161] Там же, оп. 1, д. 118. – 485 л.

[162] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 275, л. 287.

[163] Там же, л. 555-556.

[164] Там же, д. 284, л. 357-361, 489.

[165] Там же, д. 286, л. 14.

[166] Там же, л. 435.

[167] Там же, л. 442-443.

[168] Там же, д. 287, л. 424-425.

[169] Там же, л. 612-613.

[170] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 104. – 547 л. Утрачено.

[171] Там же, д. 107. – 308 л. Утрачено.

[172] Там же, оп. 1, д. 773. – 202 л.

[173] Там же, оп. 2, д. 251. – 246 л.; Там же, оп. 1, д. 1595. – 86 л.; Там же, д. 1802. – 124 л; Там же, д. 1939. – 65 л.; Там же, д. 2119. – 22 л.; Там же, оп. 2, д. 519. – 93 л.; Там же, д. 1116. – 302 л.; Там же, д. 1282. – 702 л. Утрачено.

[174] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 283, л. 25-26, 401-402, 651.

[175] Одесса глазами британцев. – Одесса: Optimum, 2012, с. 158.

[176] Одесса глазами британцев. – Одесса: Optimum, 2012, с. 198-199.

Сергей Котелко

Шахский дворец

В этой статье речь пойдет об одной из жемчужин архитектуры Одессы, прочно вошедшей в память одесситов как Шахский дворец. Но, вглядываясь в архитектуру дома, вы не найдете в ней ничего персидского – скорее какая-нибудь загородная английская усадьба XIX века. Копнув поглубже историю, вы, наверно, узнаете, что с этим домом связано имя шаха Ирана. Но не он его построил и никогда им не владел! Кому же мы обязаны появлением этого дома в Одессе, и чей он был в действительности? История его появления довольно интересна. Вначале хочу сразу оговориться – я намеренно буду в основном употреблять слово «дом» в своем рассказе вместо слова «дворец», так как дворцом он стал называться только после того, как в нем поселился пусть и бывший, но шах Ирана: до этого же он был либо домом, либо двором.

Выстроили и большую часть его истории владели этим домом дворяне Белина-Бжозовские (*пол*. Brzozowski z Brzozowa h. Belina). Здесь сделаю еще одну оговорку, по поводу написания фамилии: в польском языке буква «z» или сочетание «rz» читаются практически одинаково, и, скажем, на диктанте в польской школе вы никогда на слух не отличите, «z» или «rz» сказал преподаватель, и напишете «z» (пишу это со слов консультировавшего меня поляка), поэтому написание фамилии Бжозовский совершенно правильно, а Бржозовский, на мой взгляд, или простое переписывание по буквам, или вкусовщина, потому что «r» в польском не читается отдельно. К тому же, встречается множество других вариантов написания, вплоть до «Березовский»,* и это

* Например, в первом издании подробного городского справочника Висковского «Путеводитель по г. Одессе с подробным планом». – Одесса, 1875, с. 42.

тоже можно считать правильным, просто «brzoza» по-польски не что иное как «береза», так что такое написание – просто перевод этой фамилии на русский язык. Хотя, надо признаться, что в дореволюционное время в документах встречается именно Бржозовский, но правда и то, что звучание при прочтении данного варианта по буквам будет неправильным. В общем, дело вкуса.

Род Белина-Бжозовских не принадлежит к особо знатным дворянским родам польского происхождения. Фамилия происходит от шляхетского герба Белина из Бжозова, города в Польше, откуда берет свое происхождение эта семья. По существующей легенде, первым из Бжозовских, кто переселился из Польши на Русь, стал Войцех, панцерный хорунжий, служивший польскому королю Яну III Собескому. В начале XVI века Войцех переселился в так называемую Червоную Русь – ныне это западная часть Украины и юго-восточная – Польши. Его сыновья основали две главные ветви рода – галицкую и подольскую. Зенон Карлович Белина-Бжозовский, о котором пойдет речь у нас, принадлежал к подольской ветви и был праправнуком Войцеха, основателя ветви. В Подольской губернии Бжозовские осели в имении Соколовка. По одной из существующих версий, эту деревню приобрел внук Войцеха, Феликс, в 1795 году.[**]

Феликс Белина-Бжозовский стал основателем того могущества, которого этот род достиг в XIX веке, и которое, собственно, позволило ему так красиво обосноваться в нашем городе. Он арендовал или скупал в Подольской губернии множество имений с весьма плодородными почвами, введя на них довольно передовые способы возделывания и управления. Бжозовский учредил сберегательные кассы для служащих своей экономии, ввел опекунские отношения между барином и крепостными, создал крестьянский банк, госпиталь, в котором оплачивал постоянного доктора. На своих полях Феликс выращивал самый ходовой товар той эпохи – пшеницу, которую на волах свозили в Одессу и отправляли на экспорт в Европу. Торговля шла очень успешно, это было золотое время и Одессы, и Белина-Бжозовских. Он имел в Одессе и так называемые магазины – амбары для привезенной пшеницы, откуда потом ее вывозили уже непосредственно в порт

[**] Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. – Том 10, с. 361.

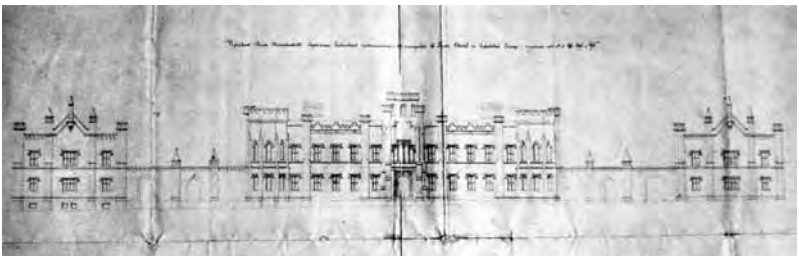
для погрузки на корабли. Но деловые интересы потребовали иметь возможность длительного присутствия в Одессе, и встал вопрос об устройстве здесь своего дома, который, к тому же, мог подчеркнуть новый статус семьи.

Вернемся немного назад. Окончательно твердо стать на ноги Феликсу Белина-Бжозовскому очень помогла удачная женитьба на Текле Собанской (1754-1812), в приданом которой значилось 180000 польских злотых – целое состояние. Собанские в это время уже были весьма могущественным родом в Подолии, и Бжозовские пересеклись с их семьей весьма серьезно, как брачными, так и, вероятно, дружескими и деловыми узами. По одной из легенд, сын основателя подольской ветви Бжозовских, Игнатий, или Игнаций, как это звучит по-польски, переселился в Подолию благодаря Матеушу Собанскому, а затем Игнаций женил своего сына Феликса на Текле Собанской. Брат Теклы, Иероним, или Героним, как тогда говорили и писали, должен быть хорошо известен одесситам как неудачливый муж прекрасной Каролины Собанской и тот, кому иногда приписывают строительство Собанских казарм. На самом же деле их построил его племянник Александр Собанский. В Одессе на улице Карантинной в самом начале XIX века появился дворец Собанских, одно из первых сооружений такого рода в нашем городе вообще. К середине века доходы Собанских достигли такого уровня, что возникла необходимость постройки гораздо более масштабного дворца. Место было выбрано подходящее – на Софиевской. В ту пору это был своеобразный «дворцовый» район Одессы – в начале улицы красовались дворец Нарышкиных* и дворец Александра Потоцкого, позднее «Архиерейский дом»**. Сам Иероним Сабанский не успел ничего построить (он умер в 1845-м). А в начале 1850 года, а именно 25 марта,*** в одесский Строительный комитет от поверенных наследников Иеронима на утверждение поступает план на постройку на Софиевской улице на углу с Торговой грандиозного по размерам дворца в неоготическом стиле с английским уклоном. Автором

* Ныне Художественный музей, Софиевская, 5а.

** Софиевская, 7, ныне Одесский ювелирный завод. Был конфискован у Александра Потоцкого за участие в польском мятеже 1831 года и передан церкви, после чего стал именоваться Архиерейским домом.

*** Даты по старому стилю.



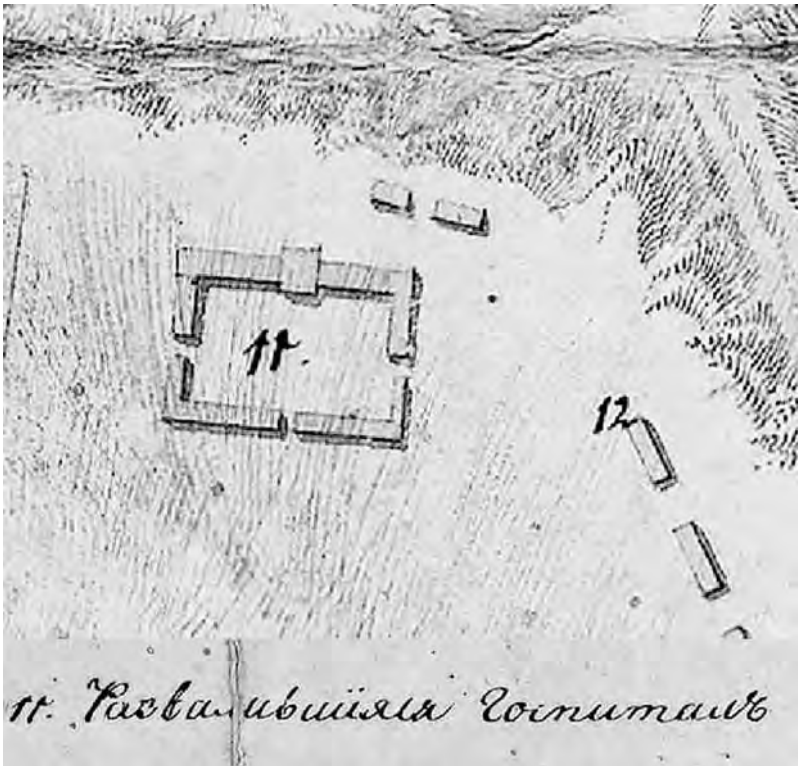
Общий вид предполагавшегося к постройке на Софиевской дворца Собанских

был доселе никому в Одессе не известный 35-летний архитектор Феликс Викентьевич Гонсиоровский. Дворец планировался весьма масштабным в длину, по Софиевской улице он должен был занимать участок от Торговой до Конной, а по Торговой в сторону моря – еще полквартала. Дворец должен был быть двухэтажным и представлять собой центральный корпус с тремя башнями и два флигеля, соединенных переходами с главным корпусом. Перед дворцом предполагался газон овальной формы.

Как пишет Олег Губарь, Гонсиоровский, возможно, прибыл в Одессу около 1848 года.**** Вполне можно предположить, что его пригласил сюда кто-то из Собанских, которому он что-то строил в Подольской губернии, так как довольно сложно предположить, что неизвестному архитектору сразу заказывают столь грандиозный дворец. Строительным комитетом проект был одобрен, но Одесса так и не увидела его осуществления. Почти не увидела…

Неизвестно точно, почему, но Собанские отказываются от строительства своего дворца в Одессе. Но уже через год, в 1851 году, Зенон Карлович Белина-Бжозовский (Zenon Izydor Antoni Brzozowski h. Belina, 12.IV. 1806 – w Sokolowce – 5.IV.1887 – Warszawa), внук Феликса Бжозовского и Теклы Собанской, о которых я рассказывал выше, совсем не далеко от Софиевской и Торговой начинает строительство своего дома. Бжозовский приобрел там два участка, по существовавшей в то время системе нумерации – в LXXV квартале за номером 779 и 780. Участок с видом на море, в самом начале тогдашней Надежной, позднее –

**** Олег Губарь. «Легенда о «Шахском дворце».



Здание военного (морского) госпиталя на месте, где в будущем разместится дом Бжозовского. Фрагмент Генерального плана местоположения гавани и города Одессы, 1802

Надеждинской улицы, ныне Гоголя. Как упоминает в одной из своих работ Ростислав Александров, участок, который приобрел Зенон Карлович для устройства одесской резиденции, «...до этого отведенный под военный госпиталь. Несмотря на протекцию Франса де Волана, госпиталь для доблестных защитников южных границ Новороссии, начатый в 1794 году, вскоре превратился в почти советский «долгострой» и на рубеже XVIII и XIX веков был разобран».* Госпиталь все же был построен,

* Статья Ростислава Александрова без названия, посвященная Шахскому дворцу. http://odesskiy.com/ulitsi-v-istorii-odessi/shahskiy-dvorec.html

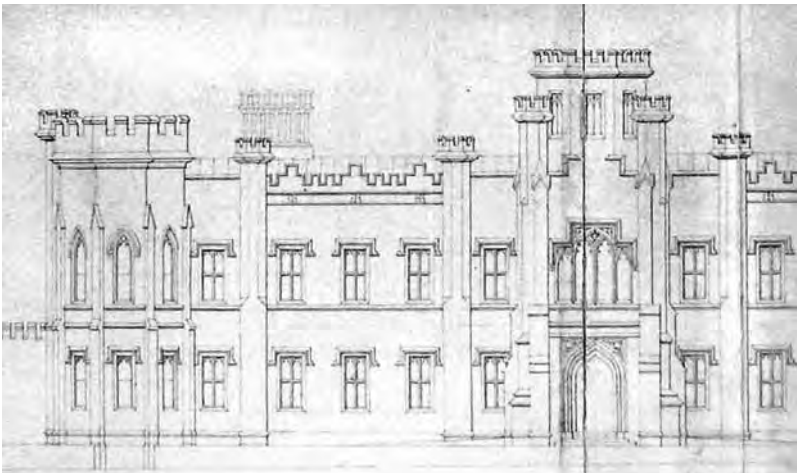
об этом говорит изучение карт конца XVIII века – начала XIX. На них видна судьба здания: на карте 1796-го года оно показано как «Прожектируемая гофшпиталь», на карте 1798 года – как «гошпиталь морская», а в 1802 – «развалившаяся госпиталь».** Надо сказать, огромное и интересное было сооружение.

Каких-либо прямых документов, в которых зафиксировано само приобретение земли под будущую резиденцию Зеноном Карловичем Бжозовским, не найдено, но сохранились ссылки на них из более позднего документа от 1886 года (к нему мы еще вернемся). Там говорится: «Вышепрописанное недвижимое имущество досталось […] Зенону Карловичу Бржозовскому покупкою от дворянина Феликса Павловича Машевского и князя Романа Евстафьевича Сангушко по трем купчим крепостям, совершенным в Одесском коммерческом суде; первая – шестнадцатого июля тысяча восемьсот сорок девятого года, за № четыреста восемьдесят четвертым, вторая – восьмого мая тысяча восемьсот пятьдесят первого года за № сто …десят пятым, и третья – шестнадцатого марта тысяча восемьсот шестьдесят шестого года за № семьдесят восьмым».***

Итак, мы видим, что Бжозовский начал покупать тут землю до того, как Собанские утвердили в Строительном комитете проект своего дворца. Подробности находим в Сенатских объявлениях (там подтверждались все сделки по недвижимости в империи): 16 июля 1849 года «дворянин Феликс Павлович Машевский продал дворянину Зенону Карловичу Бржозовскому (Березовскому) участки № 779, 780». Это два одинаковых параллельных друг другу участка земли, на которых теперь стоит сам дом Бжозовского: 779 – фасадный вдоль Гоголя, 780 – параллельно за ним. 8 мая Бжозовский выкупает соседний участок – у того же Машевского, и здесь речь идет об участке, идущем вниз по обрыву к Приморской улице, «в семьдесят четвертом квартале под литерою «А». К третьему участку, о котором говорится в документе, мы вернемся позднее, так же, как и к князю Сангушко, у которого он был куплен.

** Изучение карт проведено Анатолием Изотовым.

*** ГАОО, 35-1-33772. О продаже двор. Владиславом и др. Бржозовскими графу Иосифу Шембеку двора в I части г. Одессы. Лист 17 об. – 18. Документ: Выпись из крепостной Одесского нотариального архива книги по первой части города Одессы на 1886 год, часть 1, № 1.



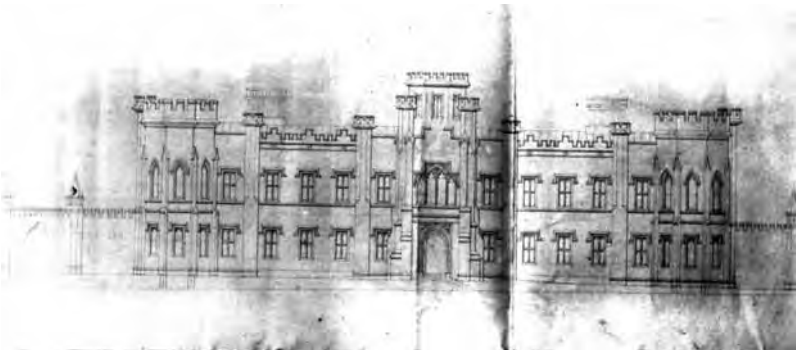
Фрагмент дворца Собанских крупным планом

Получив от Гонсиоровского проект и утвердив его 9 марта 1851 года в Строительном комитете, Зенон Карлович приступает к строительству. Вводный лист – то есть документ на право владения вторым участком, был получен 16 июня 1851 года. Если предположить, что строительство началось сразу после получения вводного листа, то есть в июне-июле 1851, а строительный сезон в Одессе обычно заканчивался в октябре, то скорее всего, закончена постройка дома была не ранее осени следующего года.

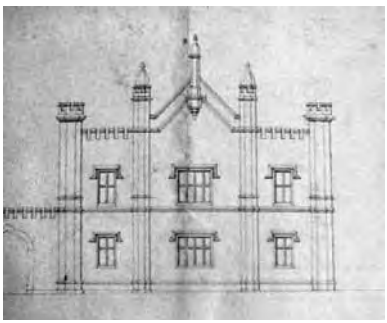
Глядя на архитектуру дворцов Собанских и Бжозовского, легко можно увидеть полное сходство практически всех деталей! Стиль построек один и тот же – неоготика. Вероятнее всего, Собанские рекомендовали своим родственникам Бжозовским известного только им архитектора Гонсиоровского и в качестве доказательства его таланта продемонстрировали проект их предполагавшегося одесского дворца. Впервые мне эту легенду – о том, что корни «Шахского» дворца растут из не построенного дворца Собанских, рассказал граф Михал Собанский, когда приезжал в Одессу. Причем он до этого никогда не видел чертежей проекта дворца Собанского. Он знал только, что «дворец свой Бржозовский построил

Современный вид дворца Бжозовских. Единственное отличие боковых башен от проекта дворца Собанского – наличие панно с розетками под стрельчатыми окнами второго этажа

такой же, какой хотели строить наследники Иеронима, только маленький – денег у него было не так много». Когда глядишь на оба дворца, создается впечатление, что архитектор просто немного перетасовал детали, двигая их с одного места на другое. Такие большие детали, как угловые башни, одинаковы практически до мельчайших подробностей. Форма окон, наличников и первого, и второго этажей – идентичны. Различия же связаны скорее с адаптацией дворца к новому месту расположения. Участок, купленный Бжозовским, был меньше того, который был у Собанских, и имел другую форму – это, конечно, потребовало переосмысления проекта. Здесь нужно пояснить, что купленное Бжозовским место – это один из двух краев Военной балки, на противоположной стороне которой тогда уже стоял прекрасный Воронцовский дворец с его колоннадой, так что архитектору предстояло подумать и об украшении морского фасада Одессы – ведь



Архитектор Гонсиоровский. Особняк Бжозовского. Фасад.
Державна наукова архітектурно-будівельна бібліотека ім. Заболотного, інв. № 267013



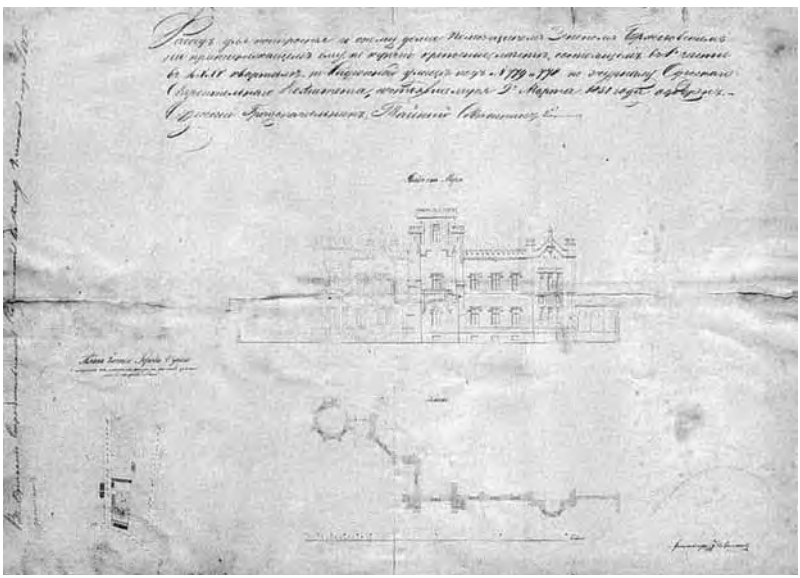
Правый флигель дворца Собанских,
его треугольный фронтон стал центральным
ризалитом фасада дома Бжозовских
по ул. Гоголя

это первое, что видели приплывавшие сюда в большом количестве торговые корабли. А покупали они здесь, в том числе, и пшеницу Бжозовского. Именно поэтому главный акцент сместился в сторону моря, чего не было в проекте дворца Собанского. Украшая «морской фасад Одессы», центральная башня – ризалит дворца Собанских, в построенном варианте для Бжозовских переехала в сторону моря, на угол, немного сменив детали. Например, вместо тройного готического окна второго этажа сюда поместили одинарное, аналогичное рисунку других окон здания, стрельчатые двери были заменены окнами. Главный вход переместился на южный, боковой фасад, где устроен двухэтажный портик с фонтаном перед ним. Из-за размеров участка дворец лишился двух флигелей, соединявшихся с главным корпусом посредством галерей, но тем не менее элементы этих утраченных частей нашли свое применение и в новом дворце. Их средняя часть, с треугольным фронтоном

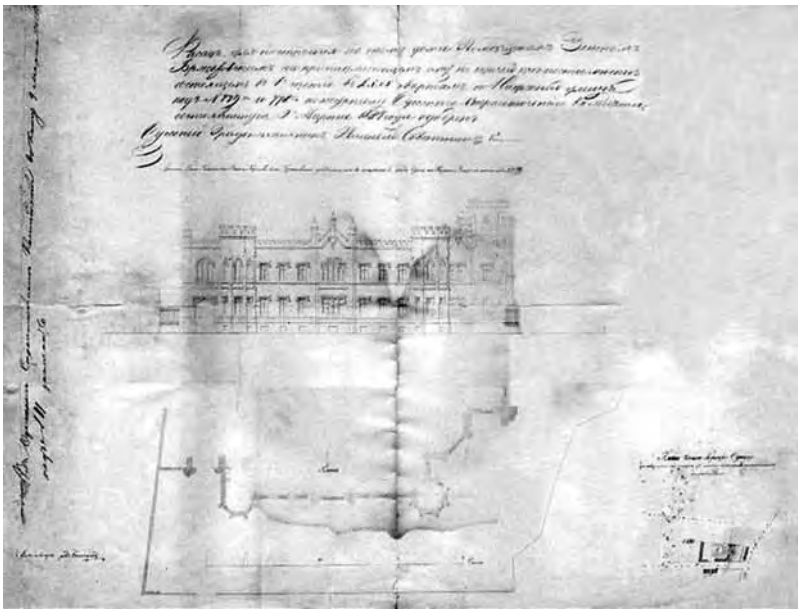
и двумя башенками, использована в центральном ризалите фасада по улице Гоголя, здесь же было использовано и тройное готическое окно, взятое из центрального ризалита дворца Собанских. Эти же детали боковых флигелей, но с добавлением эркера, находим на правом углу морского фасада.

Одно из забавных подтверждений того, что Гонсиоровский построил уменьшенную копию дворца Собанского, нашлось в библиотеке имени Заболотного в Киеве – там хранится копия плана фасада дворца Собанского, но атрибутирован он как план дворца Бжозовского…

Кстати, несколько слов о «морском фасаде Одессы». Конечно, это в первую очередь Приморский бульвар, заканчивавшийся Воронцовским дворцом. Вниз к Военной балке спускался сад князя Воронцова, а вот дальше в те годы был довольно большой разрыв – вплоть до дворца Нарышкиных, впрочем, скорее его сада. А могло быть совсем иначе. Место прямо напротив дома



Архитектурный план дворца Бжозовского, 1851 год. ГАОО 895-1-384 и 404



Фасад и ситуационный план для построения дворца Бжозовского, 1851 год

Бжозовского с 1832 года по 1847 принадлежало «действительному камергеру графу Петру Разумовскому», и там был построен некий «дом со службами», а как мы знаем, тогдашний «дом» – ныне это дворец. Кроме того, тот самый Феликс Машевский, у которого Бжозовский приобрел участки земли для постройки своего дома, писал в Строительный комитет, что, «имея все нужные материалы и значительные средства», он желает на противоположном Воронцовскому саду углу Военной балки (на пересечении Военного спуска и Приморской улицы) «построить красивое каменное здание, крытое железом в два этажа».* Был бы еще один дворец, но не сложилось. Но Феликс Павлович Машевский построил себе дом, правда, выше по Гоголя, зато даже на год раньше, чем Бжо-

* ГАОО 59-1-3195. Об отводе дворянину Феликсу Машевскому места подле спуска Военной балки. Л. 16.

зовский (в 1850-м), и кстати, с помощью того же архитектора Феликса Гонсиоровского.

Сын Феликса Бжозовского и Теклы Собанской Карл Феликсович настолько преумножил свое состояние, что приданое его дочери Ксаверии исчислялось уже миллионом. Он также продолжал заниматься экспортом хлеба через Одессу, причем к этому занятию всячески стимулировал и своих крестьян, помогая им, в том числе, деньгами.[**] Его единственным сыном как раз и был строитель дворца в Одессе Зенон Карлович Белина-Бжозовский, или просто Бжозовский. Кем был Зенон Карлович Бжозовский? Родился 12 апреля 1806 года в своем родовом имении Соколовке, тогдашнего Ольгопольского уезда Подольской губернии, сейчас это юг Винницкой области. Его образование было типичным для его круга – вначале это домашнее образование, затем подкрепленное обучением в Волынском университете, что в Кременце. И наконец длительное путешествие по Европе, чтобы «увидеть мир». Во время этого путешествия в 1835 году он познакомился со своей кузиной, Анелией Мощинской. Молодой человек сразу влюбился, но все попытки добиться ее руки были безуспешны. Безутешный Бжозовский прибыл в 1836 году в Вечный город, где познакомился сразу с двумя великими польскими поэтами – графом Зигмунтом Красинским и Юлиушем Словацким, которые наряду с Адамом Мицкевичем являются одними из самых значимых польских поэтов. О том, как Адам Мицкевич связан с нашим городом, думаю, известно многим, а вот о Юлиуше Словацком известно меньше. Зенон Карлович находился с ним в приятельских отношениях. Интересно, что сам Словацкий в своих письмах упоминает о нем как о художнике: «Przejezdzal tedy (przez Florencye) malarz Brzozowski z Rzymu, jadac do kraju…».[***] Видимо, там же Зенон поделился со Словацким историей своей любви, и она впечатлила поэта – считается, что Словацкий вывел образ возлюбленной Зенона Карловича Анели Мощинской в своей поэме «Бенёвский». Бжозовский и Словацкий затем вместе совершили экспедицию

[**] Roman Aftanazy, Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. Том 10, с. 363.

[***] Dziela juliusza slowackiego objasnil dr. Henryk Biegeleiseij . Tom II. Lwow, Nakladem ksiegarni polskiej . Z drukarni i litografii Pillera i Spolki. 1894, с. 458.

на Восток. Это путешествие было в духе того времени. Сравнительно недавняя наполеоновская экспедиция в Египет, когда вместе с армией Наполеона прибыли ведущие французские археологи, ученые, художники, плюс в 1822 году были прочитаны древние иероглифы – все это невероятно подогревало интерес к Востоку.

Восток тогда был овеян славой страны бедуинов, первобытных и свободных сынов пустыни. Путешествия в эти сказочные по тогдашним европейским представлениям страны совершили Джордж Байрон и Франсуа Шатобриан, Адам Мицкевич отправился в Иерусалим в качестве паломника. Не избежал восточной лихорадки и Оноре де Бальзак. Это увлечение проявлялось и в моде – в Европе запросто носили халаты и тюрбаны. Поэтому нет ничего удивительного, что два молодых человека также решили отправиться на Восток. Эта экспедиция очень широко освещена в польской литературе, о ней издано немало книг и работ. Я остановлюсь на некоторых моментах, которые понравились мне.

Путешественники отправились в путь 24 августа 1836 года. Они побывали в Греции, Египте, Сирии. Экспедицию, вероятно, финансировал Зенон Карлович. Об этом пишет в письме своей сестре дядя поэта, Теофил Янишевский: «У него достаточно денег на всю поездку… потому что от попутчика (Зенона Бжозовского) его почти заставили взять тысячу рублей с условием, что он вернет их ему за 4 года, так что с этой стороны… спокойно».* Путешествие, которого Словацкий несколько опасался, без приключений не обошлось. Так, в самый канун Рождества на море был сильнейший шторм. Бжозовский играл на чекане (этакая чешская или венгерская народная разновидность флейты) и пел колядки, а Словацкий мечтал поскорее оказаться дома. Оба путешественника во время поездки делали многочисленные наброски и этюды увиденного. У Словацкого их набралось на два альбома, в них рисунки карандашом и акварелью с натуры, и среди них также портрет Зенона Бжозовского. Я его тщетно искал, но, увы, нашел только описание – карандашный портрет, на котором изображен Зенон Бжозовский в дорожном головном уборе, сидящий у стены и пишущий либо рисующий что-то. А вот рисунки, сделанные Зеноном Бжозовским, не так известны, кроме одного: это набросок,

* Там же, с. 53.

подписанный «Kolega Podróży Juljusz Slowacki», изображает Словацкого на лошади. Бржозовский, видимо, сам ехал сзади на лошади, когда делал этот, надо сказать, совсем не плохой набросок.

Zenon Brzozowski. Kolega podróży Juliusz Słowacki

Существует, конечно же, и конспирологическая версия путешествия из разряда шпионских. Так, в «National Geographic» пишут, что «Недельное пребывание Словацкого и Бжозовского в Александрии заставляет некоторых исследователей выдвигать тезис о том, что поездка была также своего рода политической разведкой на Ближнем Востоке по заказу князя Адама Чарторыйского». Помните этого персонажа? Еще недавно друг Александра I, член «Негласного комитета», да в придачу министр иностранных дел всей Российской империи, по совместительству последний частный владелец крепости Меджибож, что в Хмельницкой области.** Затем – один из главных участников польского мятежа 1830-31 гг. Теперь же он тоже сражается за независимость Польши, но уже не на поле битвы, а в эмиграции. Так вот, якобы «Словацкий будет искать оставшихся там поляков и исследовать их возможную пригодность для роли агентов князя. Известно, что поэт провел несколько политических переговоров, относительно легко добирался до людей высокого уровня». Так ли это на самом деле, не знаю, мне это довольно сомнительно: например, каких таких поляков собирался найти в Египте или Сирии князь Чарторыйский? Что они там делали, и сколько ж их там должно было быть, раз целую экспедицию снарядили на их поиск, – непонятно. Но нас не так интересует это, как то, участвовал ли в этом каким-то образом

** national-geographic.pl, Juliusz Slowacki. 2011-02-09

наш Зенон Бжозовский. Но это тоже неизвестно, как и то, принимал ли Зенон Карлович участие в польских мятежах, в которых, как видно из текста в уважаемом журнале, принимал участие его приятель Словацкий. Во всяком случае, Бжозовский оружия в руки точно не брал и армию из своих крестьян не снаряжал, как делали многие другие польские дворяне, и потому имения у него, как у других участников мятежа, не конфисковывались. Кроме того, его отцу Карлу Феликсовичу события 1830-31 гг. совсем не помешали предъявить имущественные претензии тому самому князю Адаму Чарторыйскому – в архиве в Петербурге хранится «Дело о претензиях графов Браницких и помещиков Евстафья Собанского и Карла Бржозовского к имуществу мятежника (князя) Адама Чарторийского», датированное 1852 годом.* Но в какой-то степени участие Зенон Карлович мог принимать, скажем, тайным финансированием. Во всяком случае, после событий 1831 года он выехал надолго за границу – может, от греха подальше?** Но если выехал, значит, ему дали подорожную и дали паспорт, а раз дали – значит, не подозревали. Да и он не в Париж отправился на встречи проигравших, а поехал в большое путешествие по Европе и на Восток, куда мы опять вернемся.

Среди «людей высокого уровня», которых посетили приятели в своем путешествии, самым важным, пожалуй, был наместник Египта Мохаммед Али. Он был албанцем, который во время египетской кампании Наполеона сражался с ним как командующий албанцами в турецкой армии. После ухода французов он смог получить определенный суверенитет от султана. Умный, амбициозный, жестокий, он завоевал значительную часть Аравийского полуострова, Судана, Сирии, Палестины и Киликии. Сумел наладить отношения с Россией и Францией. Открыл Египет для европейского влияния. Этот неграмотный человек был великим реформатором во всех сферах жизни Египта, взявшего на себя роль независимого государства и гегемона в арабском мире. Мохаммед Али встретил наших путешественников «очень вежливо, долго просидел с ними, беседуя об изменениях, которые он проводил в Египте». Об этом

* РГИА, ф. 1152, оп. 4, 1852 г., д. 210.

** Вікторія Колесник. Відомі поляки в історії Вінниччини: біографічний словник. С. 45.

посещении мы узнаем из воспоминаний о Зеноне Карловиче Бжозовском, написанных его сестрой Ксаверией Грохольской.[***]

В Египте Словацкий посвятил Зенону стих, который назывался «Поздравление с Новым годом, или К Зенону Бжозовскому». На самом деле это скорее стихотворный тост, совсем не большой.

Wielmozny Panie!
Powinszowanie
Nowego Roku,
Co peta w kroku
Na tej pustyni,
Niech cie uczyni
Bardzo wesolym…

Скажем так, мелочь, но приятно.

Впрочем, каковы были настоящие отношения между Словацким и Бжозовским, тоже вопрос открытый. Например, вот что пишет об этом сам Словацкий: в одном из писем к своей матери он назвал Зенона Бжозовского «непоэтичным» попутчиком, с которым «мы никогда не понимали друг друга». И тут, конечно же, мы должны упомянуть о модной нынче в Европе теме – я писал выше о том, что среди знакомых Зенона Бжозовского помимо Юлиуша Словацкого был также и Зигмунт Красинский, поэт и известный любитель древностей. Возможно, он-то и вдохновил Словацкого на это путешествие – они дружили еще до знакомства с Бжозовским, но Юлиуш поехал не с ним. И, конечно же, биограф Словацкого Ян Зелинский идет в духе новых веяний и утверждает, что это была не просто дружба, и в доказательство приводит раздраженную реакцию Красинского на отъезд своего друга из Италии: «Я удивлен, что задница Бжозовского отправилась в Египет». В другом письме он пошел еще дальше – он был возмущен тем, что Словацкий выбрал себе в попутчики «величайшего дурака под солнцем и луной, одаренного золотом и глупостью».[****] Может, и вправду ревновал… Как бы там ни было, но вскоре в Сирии путешественники разделились –

[***] Доктор Мечислав Рокош (UJ Краков)? «Sliczna podroz» Slowackiego na Wschod (1836-1837).

[****] national-geographic.pl. Juliusz Slowacki. 2011-02-09.

видимо, «одаренность золотом» сделала свое дело: Зенон Карлович удачно прикупил арабских лошадей ценных пород и повез их в Константинополь, чтобы переправить в Одессу, а затем в Соколовку, а Словацкий остался в Дамаске.

Зенон Карлович Белина-Бжозовский. Человек, подаривший Одессе одну из ее архитектурных жемчужин

Через некоторое время Словацкий напишет: «Зено (Бжозовский), мой спутник, женился, но он не писал мне, он, должно быть, забыл меня».*

Конечно же, Бжозовский, прежде всего, был предпринимателем. Его владения кроме упоминавшейся Соколовки включали Чеботарку, Левков, Цибулевку, Крикливец, Ракуловский Ключ, а также Жабокрич, Попелюхи, Козинцы, Китайгород, Савинцы и Куничье. В наследство от своей матери он получил Ломачинский Ключ. В Польше ему принадлежали Вогунь, Липков и дворец в Варшаве. Всего в имениях Зенона Бжозовского проживало около 30000 населения! Хозяйство в имениях Бжозовского было организовано образцово, с использованием тогдашних передовых методов ведения хозяйства. Чего стоит метеорологическая станция при открытом в Соколовке сахарном заводе, которую он организовал уже на склоне своих лет, в 1874 году? Будучи католиком, построил две православные церкви в своих имениях. Был предводителем дворянства сначала Балтского уезда, а затем и всей Подольской губернии, участвовал в заседаниях Подольского губернского дворянского комитета для улучшения быта помещичьих крестьян (1858-1859 гг.). Польские источники пишут, что он, как дед и отец, еще до освобождения

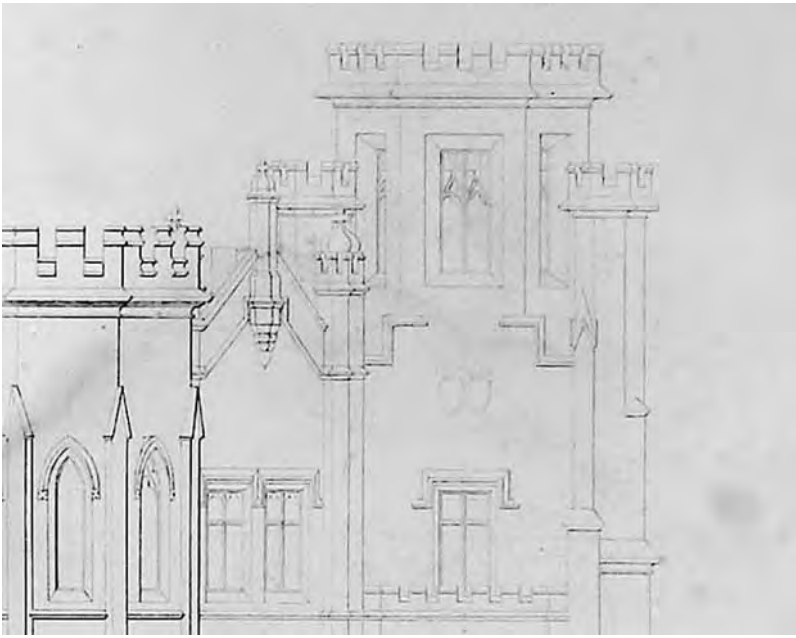
* Dzieła Juliusza Słowackiego – Objaśnił Dr. Henryk Biegeleisen. Tom II. Lwów, Nakładem księgarni Polskiej. Z drukarni i litografii Pillera i Spółki. 1894, c. 460.

крестьян реформой 1861 года отпускал на волю всех, кто этого желает. Так это или не так, а также каково было количество этих отпущенных на свободу крестьян, я не знаю. Но как бы там ни было, для своих крестьян он организовывал школы, больницы, приюты, награждал за старания, способных обучал за свой счет, некоторых даже посылал учиться за границу.

Среди тех, кому он помог в этом, был Зигмунт Фелинский (Zygmunt Szczęsny Feliński). Он оплатил его обучение в Московском университете, а затем в Париже. Позднее Фелинский стал архиепископом Варшавы, а потом был канонизирован римско-католической церковью. Другой пример – крестьянин Иван Соколенко, вошедший в историю как художник-портретист Ян Заседатель. Он был помощником при буфете в имении Бжозовского, по рассказам, все свободное время посвящал рисункам, которые делал на клочках бумаги. Это заметил Зенон Карлович и сразу определил его в школу. Затем через некоторое время Зенон Карлович обратился к своему родственнику в Виннице, Тадеушу Грохольскому, который собирался в Париж, попросив его взять Ивана с собой. В Париже его определили в мастерскую к знаменитому Бонна, где он вскоре стал заниматься копиями картин старых мастеров. Вернулся на Подолье он уже Яном Заседателем, успешным и известным мастером.

Неудачное сватовство на долгие шесть лет отвадило Зенона Карловича от создания семьи, пока наконец в 1841 году он не женился на графине Елизавете Замойской (Elżbieta hr. Zamoyska h. Jelita, 1818-1857), соединившись таким образом с высшей польской аристократией. После свадьбы молодые поселились в Соколовке, где Зенон Карлович плотно занимался хозяйством своих многочисленных имений (на 1842 год их насчитывалось 16) и, конечно, привезенными с Востока лошадьми.[**] Но описанное выше путешествие на Восток было отнюдь не единственным, он часто ездил в Европу, где собрал богатую коллекцию картин, скульптур, книг и других произведений искусства. Можно предположить, что часть этой коллекции украшала и одесский дом Бжозовских. Вернемся туда.

[**] Вікторія Колесник. Відомі поляки в історії Вінниччини: біографічний словник. С. 46.



Фрагмент архитектурного плана дворца 1851 года с отличающимися от построенного элементами: треугольного фронтона и картушей с гербами на построенном дворце нет

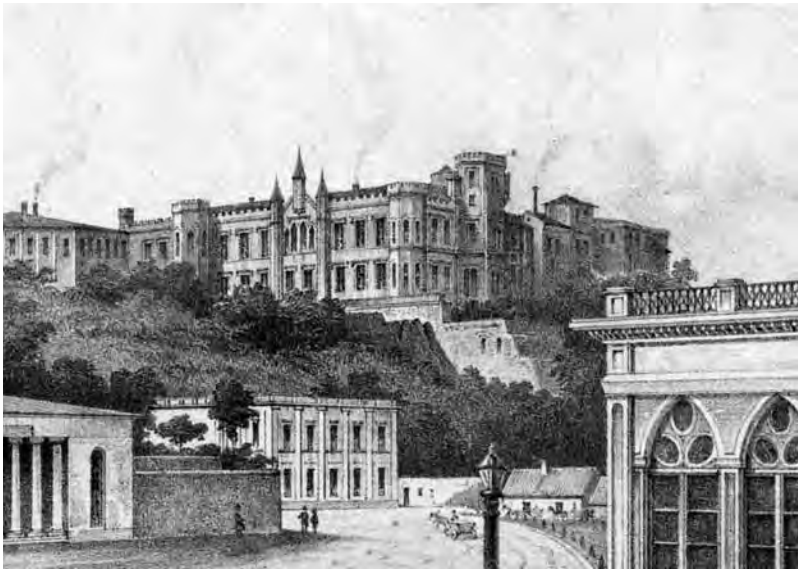
Строительство одесского дома закончилось в 1852 году. Он, безусловно, стал значимым архитектурным объектом молодого города и был в числе немногих помещен в одном из первых одесских путеводителей, изданном в 1867 году в известной типографии Людвига Нитче. Но выглядел он, конечно, не так, как сейчас, после «евроремонта», сделанного на рубеже XX и XXI веков, – дворец был не таким! Он еще лет 20 назад сохранял свой оригинальный внешний вид, остававшийся неизменным практически со времен переворотов 1917 года. Дворец не имел никакой штукатурки, никогда не был такого цвета, как сейчас, а был построен по популярной в Одессе технологии шлифованного камня ракушняка, так же, как построена всем известная кирха на Новосельского. Перед «евроремонтом» он по цвету напоминал знаменитый Воронцовский дворец в Алупке, построенный, кстати,

Литография. Гросс. Вид Одессы, снятый близ Практической гавани. 1860-е. Слева Воронцовский дворец, справа дворец Бжозовского. Из собрания ОИКМ, Г253

по такой же технологии, но, конечно, из другого, крымского камня. Дворец имел отличия и от изначального архитектурного плана Гонсировского, что я приводил выше. Это касается в основном морского фасада. Главное изменение – отсутствие треугольного фронтона на косом фасаде, соединяющем две башни: вместо него сделан прямой, с зубчиками, так же, как и на всем фасаде вдоль улицы Гоголя. Зубчики эти, кстати, тоже слегка изменились, став крупнее, и уменьшились в количестве. На главной башне морского фасада, со стороны Гоголя, на проекте также видны два картуша для родовых гербов (Бжозовского и, вероятнее всего, Замойских). Вместо них было сделано слуховое окно.

1866

В 1866 году Зенон Карлович выкупил у своего соседа смежный участок земли. Я очень люблю читать старые документы. В них дух эпохи со всеми ее достоинствами и недостатками. Например,



Фрагмент другой гравюры, 1860-х гг. Дворец тут изображен несколько искаженно.
Из собрания ОИКМ, Г268

вот эта купчая крепость* (само название чего стоит!) на покупку участка земли Бжозовским. Начало – «Лета тысяча восемьсот шестьдесят шестого марта в шестнадцатый день, одесский II-й гильдии купец Исаак Давидов сын Красносельский…» – красиво ведь! А дальше мы узнаем, что сей Красносельский получил доверенность на продажу земли, но не у ее хозяина князя Сангушко, а у другого господина, по имени Тит Фомин сын Михаловский, которому князь Сангушко еще в апреле 1859-го доверил свое владение продать, но тот в октябре 1860-го передоверил это дело купцу Красносельскому. Красносельский тоже, как мы видим, не сильно спешил: сделка состоялась лишь через шесть лет. При этом и Бжозовский тоже не сам покупал эту землю – от его имени сделку совершил «Балтский купец Роман Станиславов сын Шулеминский», а документы на право собственности были отданы третьему

* ГАОО 35-2-289. Крепостная книга Одесского нотариального архива по Первой части г. Одессы. Часть I. № 1-й, на 1885 год, с. 160-163.

Роман Евстафьевич Сангушко (Roman Adam Stanisław Sanguszko). Портрет кисти Тадеуша Грохольского. 1875 год

лицу, коллежскому секретарю Викентию Звиноградскому… Невольно вспоминается «Все хорошо, прекрасная маркиза».

Участок, приобретенный Зеноном Карловичем, обозначен как состоящий в «Херсонской губернии в г. Одессе, I части LXXIV квартала под № 5» площадью в 245,76 кв. саженей, что примерно равняется 1120 кв. метрам. Сам князь Роман Евстратьевич Сангушко приобрел эту землю еще в 1859 году, видимо, с целью ее продать. Бжозовский купил у него, однако не все его здешние владения, а «из двора»; в другом месте пишется, что представитель Сангушко «за ту часть пустопорожней земли из двора князя Романа Сангушко денег серебром пять тысяч рублей» получил, то есть за часть его земли. При этом участок, как мы видим, был «пустопорожний», то есть без каких-либо построек или обзаведений. Весь же участок земли Сангушко «по городской оценке» был оценен в 17000 рублей.

И тут обещанные несколько слов о самом князе Сангушко. Роман Евстратьевич, или Евстафьевич, – встречаются оба написания – Сангушко имел за плечами богатую историю: вот он-то как раз принимал активное участие в польском мятеже 1830-31 гг., за что был лишен княжеского титула и даже вовсе дворянства, сослан в Сибирь, причем в кандалах, пройдя путь до каторги пешком. Но затем он был переведен на Кавказ, в действующую армию, где показал себя храбрым военным и после контузии был освобожден. Княжеский титул ему вернули в 1857 году.

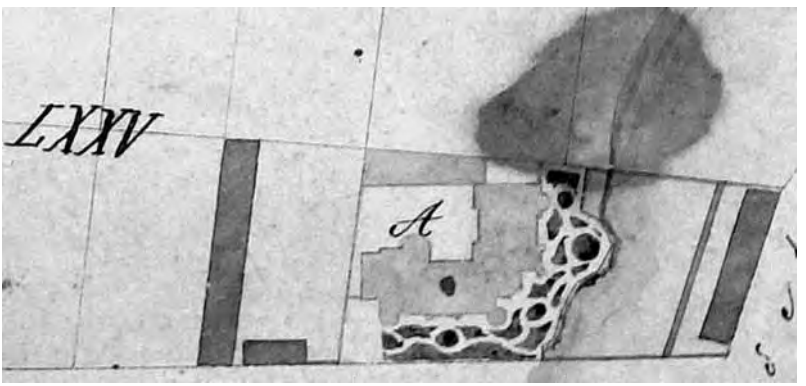
В документе под общим названием «Раскладочные ведомости», который выпускался практически ежегодно, и в котором определяли стоимость каждого частного строения в городе для

исчисления величины налога на недвижимость, за 1867 год говорится следующее: дом Бжозовского стоит 45000 рублей – состояние в те времена. Владения князя Сангушко оценены в 17000 рублей, и последний раз князь Сангушко упоминается в качестве владельца земли на Надеждинской улице в 1872 году, его участок был оценен в 20000 рублей.

Видимо, Бжозовский приобрел у князя этот участок с целью расширения двора – на нем сейчас находится собственно сам двор по Гоголя, первые ворота и привратницкая – всего этого не было на плане Гонсиоровского.

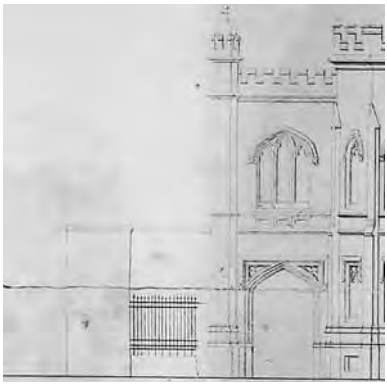
1867

Бжозовский, как я рассказывал, вел весьма активный образ жизни, много путешествовал и много работал, ведя огромное свое хозяйство в шестнадцати имениях, пусть, конечно же, через управляющих. Поэтому в Одессе он не жил долго, приезжая сюда по необходимости или с целью отдохнуть у моря. А чтобы большой прекрасный дом не пустовал, он сдавал его в аренду. И среди его постояльцев мы уже в 1867 году находим представителя довольно легендарного рода – Унгерн-Штернберг. Об этом нам



Фрагмент архитектурного плана участка Бжозовского, 1851 (обозначен литерой «А»)

говорит тот же «Путеводитель по Одессе… и ее окрестностям. 1867 год»: «Главный директор по устройству железных дорог на юге России – д. с. с. барон Константин Константинович Унгерн фон-Штеренберг – проживает на Надеждинской улице, в доме Бржозовского». Через полвека другой барон Унгерн станет одним из лидеров Белого движения на Востоке…



Фрагмент архитектурного плана дома Бжозовского, 1851 год, с изначально планировавшейся решеткой

Там же, в «Путеводителе…», среди комиссионеров хлебной торговли указана контора Бжозовского – по ул. Тираспольской, в собственном доме.

1872

«Раскладочная ведомость» на 1872 год сообщает: «Бржезовский Зинон, двор 50000 руб.». Как видим, варианты написания фамилии множатся и множатся, как и растет оценка дома. В 1873 указана та же сумма, а оставшаяся часть участка князя Сангушко перешла к Рафаловичам.

1874-1875

В 1874-1875 гг. налоговая оценка дома возросла до 58800 рублей. Эта сумма будет актуальна до 1878-го, а возможно, и немного позже. Интересно, что теперь среди соседей Зенона Карловича – городской голова, тайный советник Николай Александрович Новосельский с недвижимостью, оцененной в 17550 рублей. Упоминаю об этом еще и потому, что именно ему в итоге досталась остальная часть владения князя Сангушко, которую Новосельский

Старая решетка вдоль дворца Бжозовских

выкупил у Рафаловичей. Кстати о Рафаловичах. Одесский краевед Ростислав Александров в своей статье о Шахском дворце писал, что Бжозовские решили «взять на постой в начале 70-х годов XIX века потомственного почетного гражданина Одессы Федора Алексеевича (Абрамовича) Рафаловича, главу знаменитого торгового дома «Федор Рафалович и К», который проживал во дворце несколько лет вплоть до переезда в дом Катакази на Екатерининской площади, 5».

Сегодняшняя, пусть и красивая, и очень качественно сделанная решетка, опоясывающая дворец с двух сторон, в действительности – новодел, появившийся здесь в начале 2000-х. Изначально, согласно плану Гонсиоровского, ее тут и вовсе не было. Лишь небольшая решетка на каменном цоколе соединяла портик главного въезда и каменный же столп на границе с соседним участком, ограждая тем самым внутренний двор. Другая небольшая решетка, видимо, должна была соединять башню с обрывом. Перед домом планировался некий сад или скорее клумбы.

В построенном доме решетка дворца была, но совсем другой, нежели сейчас, – гораздо ниже, и тянулась только вдоль фасада по Гоголя, изолируя дворец со стороны улицы, – существующего ныне прохода вдоль морского фасада дворца тогда не существовало. Решетка шла немного ближе к дому, нежели нынешняя, продолжаясь до самого угла террасы на подпорном сооружении перед морским фасадом дворца. Таким образом, решетка не поворачивала, как сейчас, за угол, ее там просто не было. От соседнего дома по бульвару (адрес – Преображенская, 2) участок Бжозовского был отделен ступенчатой стеной, которую тоже давно разобрали.

Если посмотреть на эту фотографию, то, конечно, без труда можно увидеть и еще одно различие – в оформлении имеющихся ныне ворот, особенно главных, сделанных довольно монументальными, трехарочными, хотя и выдержанных в стиле постройки. В оригинале было двое небольших ворот, без каменных столбов и арок.

Старая решетка крупным планом

Въездные ворота ко дворцу Бжозовских

Кадр из фильма «Страницы былого», 1957 год. Здесь видно сложное строение арки. В арке справа видна металлическая колонна, на которую навешивалась калитка, внешне похожая на стойки ограды вдоль усадьбы

На этой фотографии видно, где именно стояла арка Бжозовских (слева)

Но монументальные ворота все же были, правда, совсем в другом месте и намного больше, чем сейчас, – они перегораживали улицу Гоголя огромной аркой с воротами в центре и с двумя калитками справа и слева. Сооружение имело сложную форму с выступавшими в сторону улицы арками-контрфорсами. На кадре из фильма «Страницы былого» (1957 год) это хорошо видно. Сделаны они были из нашего ракушняка и так же, как и дворец, не оштукатурены. Сами ворота и калитки были металлическими. Рисунка ворот мы не знаем, но наверняка он перекликался с рисунком ограды дома – например, и на верхней фотографии, и на ряде других изображений арки хорошо видны металлические колонны, на которых были навешаны ка-

Колонны с цветами в арке калитки разрушенных въездных ворот дворца Бжозовских. Фотография до 1963 года

Фрагмент из фильма «А был ли Каротин», 1990 год, с оригинальной привратницкой дома Бжозовского

литки справа и слева, они в точности повторяют те членящие ограду дворца металлические столбы, только выше, но с той же верхушкой в виде вазы.

Слева на этой фотографии – дом уже советской постройки. С тем домом, что здесь был до него, по одной из легенд, дворец сыграл злую шутку – якобы его взорвали румыны, так как он мешал им любоваться окружающим пейзажем из окон дворца, но скорее всего, дворца Воронцовского, который румыны переделали под резиденцию губернатора Транснистрии. Не думаю, что это правда, судя по имеющимся снимкам августа 1944, там еще были следы разрушенного дома, и вряд ли вид взорванного дома ласкал взор румынских офицеров. Другая легенда рассказывает о судьбе арки: ее снесли примерно в 1963 году – якобы один из уже советских руководителей, живший в доме № 4, был крайне недоволен тем, что вид из окна ему загораживало это никчемное,

Подпорная стена – терраса перед морским фасадом дворца Бжозовских, современный вид

на его взгляд, сооружение.* Так или иначе, но арку снесли. Я думаю, что нынешние арочные главные ворота – это некий реверанс в сторону той самой главной арки, вписанный в новую ограду.

Находясь на краю крутого склона к морю, дворец нуждался в гарантии того, что однажды он не съедет в море, как это не раз бывало в Одессе. Решение было найдено весьма изящное и вместе с тем практичное – мощные подпорные сооружения в виде каменной стены, выдававшейся далеко вперед склона, у которого стоял дворец, образовывали террасу перед ним, увеличивая тем самым площадь участка. Именно практически до угла этих подпорных сооружений тянулась старая решетка.

Попасть на террасу с прекрасным видом на море и прогуляться вдоль главного, морского фасада можно было через дверь, находившуюся несколько в глубине между угловой башней и ризалитом. На фотографиях, где можно ее разглядеть, видно и изящно

* Сообщение от polvnic, http://odessa-history.livejournal.com/116792.html?view=643640#t643640

Снимок сделан в 1977 году, и на нем видно отсутствие здесь решетки. А также видна изначальная обработка стен без всякой штукатурки

расширяющуюся к низу лестницу. Спустившись по ней, ты попадал на собственную террасу, огороженную с одной стороны металлической решеткой, о которой мы говорили выше, а с другой – стеной и террасой соседнего особняка Липковских.

Продолжение следует

Александр Сурилов

Памяти растоптанного кладбища

Согласно постановлению Верховной Рады Украины «О 70-летии трагедии Бабьего Яра», начиная с 2012 года в Украине ежегодно 27 января на государственном уровне отмечается Международный день памяти жертв Холокоста.

В Одессе об этой скорбной дате молчаливо напоминает безжалостно уничтоженное 2-е Еврейское кладбище по Люстдорфской дороге.

...Весна уже далекого от нас 1970 года. Общее собрание студентов V курса лечебного факультета в Большой актовой аудитории посвящено культовой дате – 100-летию со дня рождения «вождя всех времен и народов». Колченогий предводитель институтского комсомола с пафосом призывает нас 22 апреля, аккурат на столетний юбилей «дорогого Ильича», ударно отметить сие эпохальное событие студенческим ленинским субботником.

И поскольку субботник приходился, помнится, тогда на среду, это обстоятельство означало отмену занятий и день на весенней природе. При этом известии студенты-медикусы заметно оживились, вспоминая прошлогодний субботник на морских склонах санатория Чкалова, который завершился дружеским пикником на пляже со всякими свойственными молодости затеями и забавами, подогретыми обильным распитием легкого вина и даже кой-чего покрепче.

Однако энтузиазма заметно поубавилось, когда выяснилось, что на сей раз нас посылают обустраивать какой-то никому не ведомый «Артиллерийский парк» на задворках Фонтанской дороги.

Однако я со своим другом Володей Рембезом, сыном знаменитого в свое время в Одессе профессора от акушерства

Ворота на Втором еврейском кладбище. В 1873 году отцы города отвели место под Новое еврейское кладбище, и это составляло добрых 10 десятин городской земли на так называемом Скаковом поле. С лета 1876 года по распоряжению городской управы кладбище принялись ограждать каменной стеной, завершив работы только в 1884 году

и гинекологии, наверняка знаем – этот так называемый парк не что иное, как закрытое властями Еврейское кладбище на Люстдорфской дороге. Ведь Владимир со своим отцом Иваном Николаевичем обитал в окрестностях Среднефонтанской площади, за которой и доживал свой век этот, как оказалось, уже обреченный на снос старинный погост. Именно там, в буйных кладбищенских дебрях, мы, бывало, прихватив с собою дюжину пива, казенили в погожие дни постылые циклы лекций по общественным дисциплинам или пресловутой организации здравоохранения.

Заброшенное, захваченное в плен самозваной флорой и фауной, в следах разнузданного вандализма, оно даже в таком жалком виде привлекало к себе внимание своей особенной траурной красотой. Особенно поражало тогдашнее еврейское кладбище своими великолепными памятниками на Аллее почетных граж-

дан Одессы, где встречались имена людей, не забытых даже в реалиях воинствующей социалистической идеологии. Находили мы там роскошные склепы негоциантов и промышленников, гласных Городской думы и пароходчиков, воротил одесской биржи и банкиров. В соседстве с ними располагались могилы знаменитых в свое время врачей и инженеров, адвокатов с европейскими именами, известных художников и артистов, поодаль, уже как дань советским временам, – революционеров и летчиков, полярников и военных. Разумеется, более всего там в семейных оградах покоилось представителей нескольких поколений обыкновенных одесских обывателей, трудами которых был внесен столь заметный вклад в дело созидания одесского чуда времен золотого века Южной Пальмиры.

Это о них вел речь старик, призреваемый в 1920-х годах в богадельне при Втором еврейском кладбище в одном из «Одесских рассказов» Исаака Бабеля: «Он показал своему начальнику столетнюю историю Одессы, покоящуюся под гранитными плитами. Он показал ему памятники и склепы экспортеров пшеницы, корабельных маклеров и негоциантов, построивших русский Марсель на месте поселка Хаджибей. Они лежали тут – лицом к воротам – Ашкенази, Гессены и Эфрусси, – лощеные скупцы, философические гуляки, создатели богатств и одесских анекдотов. Они лежали под памятниками из лабрадора и розового мрамора, отгороженные цепями каштанов и акаций от плебса, жавшегося к стенам…».

À propos! – Кстати! Среди преданных земле на том заповедном кладбище был и Мануил Ицкович Бабель – отец Исаака.

Монументальным символом кладбища был величественный надгробный мемориал, с виду настоящий мавзолей, окружавший с четырех сторон света братские могилы жертв погрома 1905 года.

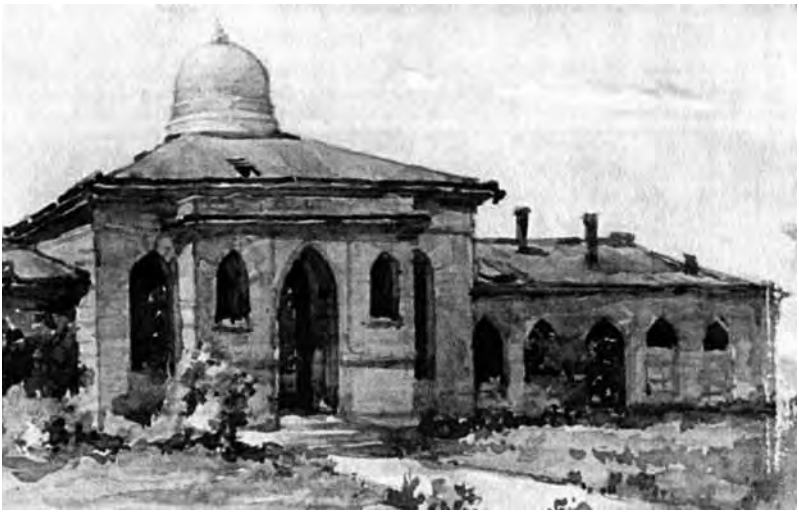
На каменных скрижалях памятника, вырубленного из светлого гранита и созданного на средства банкира Ротшильда и православной общины Одессы, увенчанного шестиконечной звездой, были изображены вязью букв иврита их имена. Тревожно настораживало, что иные из стел носили на себе явные отметины от пуль и, несомненно, были в лихую пору мишенями для вандалов.

Мемориал Жертвам 1905 года на задворках Третьего еврейского кладбища

Как последний страж погибавшего на глазах всего города кладбища «Мемориал 1905 года» стоял до последнего уже посредине огромного пустыря, являя собою немой укор совести одесситов. Ввиду своей монументальности, а он и сейчас остается самым большим надгробным памятником Одессы, мемориал разобрали в последнюю очередь, да и то с применением специальной строительной техники, и отправили на задворки Третьего еврейского кладбища.

Запомнилась и случайная встреча с последним смотрителем этого погоста. Как утверждал Рембез, водивший дружбу со всеми местными знаменитостями, седовласый старец с выразительным ликом ветхозаветного пророка был в лучшие для сего скорбного места времена служителем в кладбищенской синагоге.

Оскверненная и заброшенная, она также доживала свои последние дни как склад под памятники, сорванные со своих мест и приговоренные к продаже, даже невзирая на свежие надписи краской «Посетили!!!» с недавними датами, тщетно взывавшие



Кладбищенский ритуальный зал

к милосердию. Правда, бойкая торговля кладбищенскими реликвиями, нередко созданными известными в Одессе скульпторами из ценных пород мрамора и гранита, все же заслуженно довела до тюрьмы одного из партийных хозяйственников тогдашнего завода. Но то было скорее исключение из правил.

Старик, его здесь запросто звали Нолик, знавал еврейское кладбище «с раньшего времени» и помнил немало занимательных историй из лучшей для этого, как он называл, «одесского цвинтера», поры. Узнав, что мы будущие врачи, он рассказал, как здесь весь город прощался в 1930 году с профессором Яковом Бардахом, и даже показал его могилу.

Показал он у Среднефонтанского входа и скромное надгробье с проникновенной эпитафией:

Прохожий! Ты идешь, я дома – ты в гостях,
Но ляжешь, как и я… Подумай о себе…
Остановись, сорви былиночку,
Вспомни о судьбе.

Здание синагоги в 1970-х годах

Также Нолик утверждал, что именно на кладбищенских задворках, обращенных к военному городку артиллерийского училища, во время оккупации румыны расправлялись как с уголовниками, так и с политическими заключенными, евреями и заложниками. С его слов выходило, что якобы именно там, а не на Аллее славы парка Шевченко, в безымянной могиле и покоится прах героя-разведчика Молодцова-Бадаева. Сейчас там проходит скоростная трасса…

То, что нас, студентов, отправляют уничтожать старинное кладбище, мои родители однозначно назвали вандализмом. Отец при этом еще и невесело пошутил, мол, мало того, что у нас есть Первое христианское кладбище имени Ильича, так теперь и Старое еврейское, видимо, следует переименовать в парк имени Ленинского субботника. Бабушка же Евдокия, из тех «бывших», кто никак не желал изживать в себе «родимые пятна» старорежимного прошлого, перекрестившись, выразилась проще: «Пусть там и упокоились люди иной для нас веры, но они наши, одесситы, и не будет мне прощения от Господа, ежели я по недомыслию возьму на душу столь тяжкий грех, как участие в сей сатанинской затее. Негоже, – молвила она, – тревожить души умерших».

На общегородской коммунистический субботник ни я, ни Володя, разумеется, так и не вышли, за что были вызваны с остальными «уклонистами» на расправу в деканат. К моему удивлению, декан Драгомирецкий распекал нас не рьяно, а скорее для проформы, и потому отделались мы устным от него выговором, но суровым порицанием со стороны комсомольского актива курса.

А вот пророчество моей бабушки действительно сбылось. Пройдут годы, и не иначе как промыслом Господним судьбы тех из наших однокурсников, кто на том субботнике по уничтожению Еврейского кладбища особенно изгалялся в разных непристойностях и куражился на могилах омерзительными выходками, сложились так, что и злейшему врагу не пожелаешь…

Абрам Аронович Владимирский

Один из немногих просвещенных одесситов, кто пытался отважно отстоять в партийных органах старое кладбище, был известный в Одессе искусствовед, общественный инспектор Городского общества охраны памятников, видный деятель знаменитого краеведческого общества «Одессика» Абрам Аронович Владимирский.

Увы! Спасти сей исторический одесский пантеон ему не удалось.

Тогда он с находчивостью истового одессита прибегает в интересах дела… к оружию его же идеологических оппонентов, а именно – к махровой партийной демагогии. В начале 1980-х он обращается в Киев, в аппарат ЦК компартии Украины, с письмом, где с «праведным гневом» старого коммуниста и ветерана войны клеймит позором одесских чиновников, уничтоживших памятник, установленный на месте расстрела борцов за родную советскую власть во главе с культовой интернационалисткой Жанной Лябурб у стены Второго еврейского кладбища. Правда, родной советская власть для Абрама Ароновича и его супруги Рашель Аббовны, одного из ведущих архитекторов послевоенной Одессы, отказалась быть с того времени, когда документы на выезд в Америку подал старший сын Владимирских.

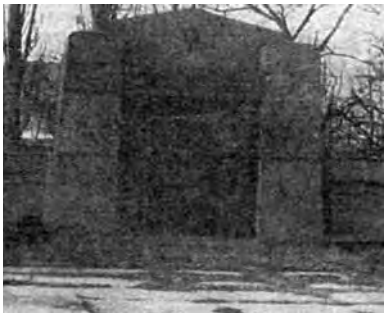
Реплика ворот Второго еврейского кладбища

Однако письмо сыграло свою роль. Из Киева последовал грозный окрик, и местные партократы с великого перепуга чуть ли не за день восстановили фрагмент якобы былого ограждения Старого кладбища в виде бетонной реплики уничтоженных левых ворот. Этот топорный новодел и по сей день является, разумеется, не памятником революционерам, этим борцам за народное несчастье, а уничтоженному еврейскому кладбищу как одному из пантеонов исторической Одессы…

В начале 2000-х годов в Одессе неоднократно проводились телемарафоны по сбору средств на сооружение Спасо-Преображенского собора. Участвуя в подготовке сюжетов, я вместе с телеведущей Татьяной Захарян готовил сюжеты с мест, где некогда были исторические кладбища города. Я предложил навестить тогда и бывшее еврейское кладбище. Напомнил о стоявшем там еще в начале 70-х величественном мемориале жертвам 1905 года. Дабы довести эту мысль до конца, мы отправились на Третье ев-

рейское кладбище, где на околице его были выставлены во фрагментах части былого пантеона.

Печальное это было зрелище, но благодаря телевизионному сюжету я познакомился с замечательным человеком Леонидом Моисеевичем Дусманом, заветной и, увы, не сбывшейся мечтою которого было возрождение мемориала на его прежнем месте в окружении монументов памяти евреев – жертв оккупации.



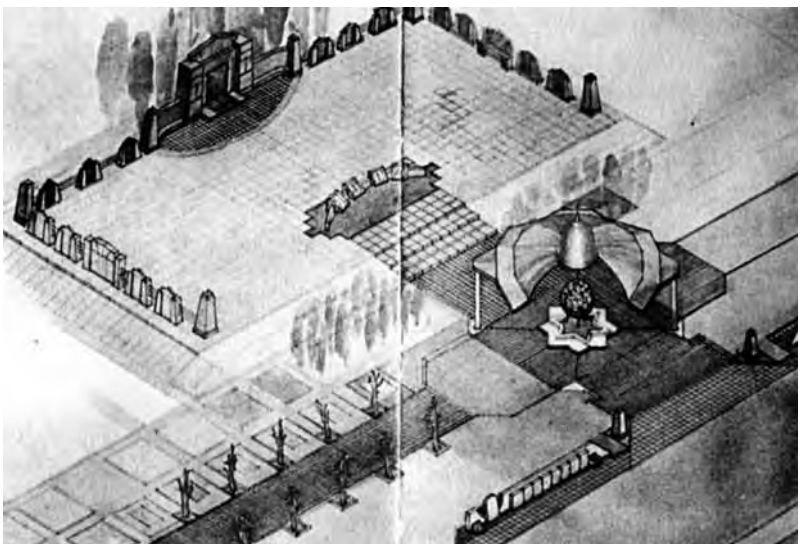
Фрагменты памятника-мемориала жертвам 1905 года. Демонтирован в 1975 году

Известный в Украине общественный деятель, публицист и правозащитник, коренной одессит Л.М. Дусман (1930-2009), сам бывший узник гетто, в 1991 году по личной инициативе на общественных началах занялся увековечиванием памяти жертв Холокоста. С помощью единомышленников проводил работу по установке памятников и памятных знаков в местах массового уничтожения евреев. Всего им и на начальном этапе с Б.А. Гидалевичем установлено 26 (!) памятных знаков на территории Одесской и Николаевской областей.

В содружестве с заслуженным архитектором Украины С.М. Гольдваром являлся соавтором проекта Мемориала евреям – жертвам Холокоста, который должен располагаться на территории бывшего Второго еврейского кладбища. Эскизный проект мемориала согласован с Градостроительным советом Одессы. Символический первый камень на символическом метре Земли обетованной, с которого должно начаться строительство, был установлен еще 6 мая 2001 года…

«В лютые дни оккупации Одессы более 120 тысяч евреев – мужчин, женщин, стариков и детей – приняли мученическую смерть. В Транснистрии – междуречье Днестра и Буга, центром которой была Одесса, погибло около 800 тысяч евреев, – говорил Леонид Моисеевич. – Увековечить имена жертв и героев, уничтоженных, только потому что они были евреями, – святой долг уходящих поколений, переживших Холокост, святой долг всех людей доброй воли на земле».

Леонид Моисеевич Дусман



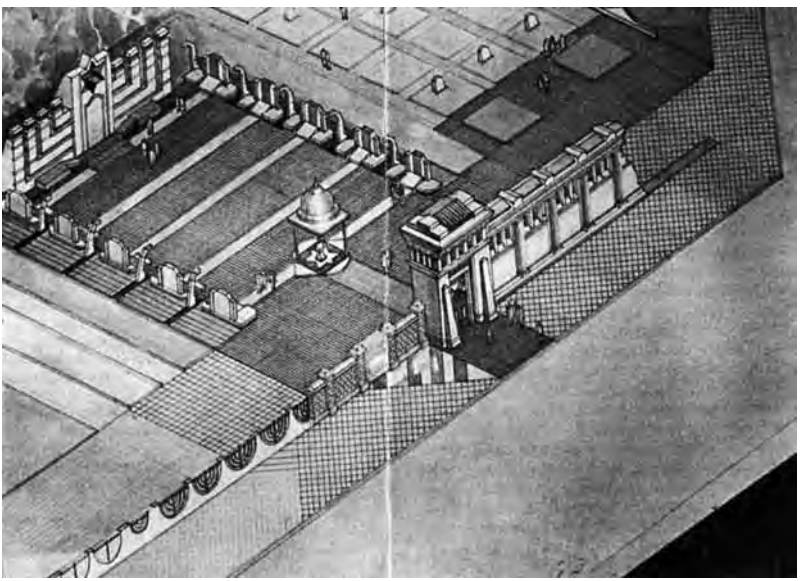
Фрагмент парка. Реставрированный мемориал жертвам погромов 1905 г., шатер «общности религий и народов»

Местом возведения мемориала выбрана была территория бывшего Второго еврейского кладбища, поруганного и разрушенного в период 1950-1978 гг. при попустительстве городской администрации.

В недрах этого кладбища и ныне покоятся останки людей, одесситов, внесших свой весомый вклад в развитие Одессы, мировой культуры, жертвы погромов, Холокоста и политических расстрелов. Эта земля священна для одесских евреев.

В основу проекта положена концепция, построенная на исторических материалах, сакральных заповедях Торы. Эскизный проект одобрен главным раввином Одессы и Юга Украины Авраамом Вольфом.

Проект рассмотрен на сессии Городского совета 28 апреля 2000 г. По решению совета оставшаяся территория разрушенного кладбища закреплена за Всеукраинской ассоциацией евреев – бывших узников гетто и фашистских концлагерей, инициаторов создания мемориала.



Фрагмент парка. Мемориал «Жертвам Холокоста 1941-1945 гг. Транснистрия»

Храмовая стена кладбища. Арх. А.Б. Минкус

Увы, разрешение на строительство памятника было получено от городских властей в 2011 году, уже после ухода из жизни одесского гуманиста…

Лет десять тому назад в Интернете был выложен фильм 1930 года «Беня Крик». Можно спорить о его художественных достоинствах, но то, что в фильме сохранилась отснятая на пленку с документальной точностью тогдашняя заповедная Одесса, не подлежит сомнению. Есть там и сцена похорон на тогдашнем Еврейском кладбище, содержащая и панорамные виды сего погоста, в том числе и обозрение упомянутой стены. Завершает эпизод выезд из центральных ворот Еврейского кладбища на шикарном авто самого короля одесских налетчиков.

Фильм был реставрирован на Одесской киностудии в начале 1980-х годов, когда компьютерной графики еще не существовало в природе, и в этом кропотливом труде принимала самое деятельное участие и моя покойная жена Лидия Гусева.

Завершаю очерк воспоминанием о знаменитом одесском библиографе и краеведе В.С. Фельдмане. Узнав, что я помогаю отцу

Лидия Гусева

Виктор Семенович Фельдман

в сборе исторических материалов к его роману «Омут», посвященному событиям Гражданской войны в Одессе, Владимир Семенович, например, рассказал немало интересного о «пламенных одесских революционерах», братьях Кангунах, которые, успев «социализировать» отца родного, навсегда успокоились на Втором еврейском кладбище, невзначай нарвавшись в революционном угаре на гайдамацкую пулю. Притом, что их именем были в советские времена переименованы как улица Польская, так и Польский к порту спуск, их бедное расколовшееся надвое надгробье удивляло нас тогда своей неухоженностью.

Очень многое рассказывал Виктор Семенович моему отцу, и как память о тех встречах храню его факсимильное воспроизведение из журнала «Красная панорама» за 1929 год широко известного очерка «Одесса» журналиста Петра Рыжея, укрывшегося под псевдонимом «Братья Тур».

Белла Кердман

Похожая фамилия

Это знакомство состоялось в нулевых годах нынешнего века. По цепочке знакомых и незнакомых одесситов поступила информация, что в одном из хостелов Израиля проживает наш земляк, который может представить для меня профессиональный интерес. Я тогда еще легка была на подъем «ради нескольких строчек», жив был приятель, всегда готовый сесть за руль своего старенького авто, и мы пустились в путь.

Григорий Львович Чоклин родился в 1921 году. Из его сверстников-мужчин не многие оставались к тому времени в живых: двадцатилетние к началу войны, они сразу попали в ее мясорубку. Гриша на тот момент был второкурсником Одесского мукомольного института, и его мобилизовали на оборону города, как и прочих студентов. Он помнит, как они сбрасывали в море камни, а зачем это делалось, уже забыл. Когда же оборону решено было прекратить (самим товарищем Сталиным решено, защитники города готовы были и дальше держаться), Чоклин пристроился к морским пехотинцам, уходившим в Севастополь. А что ему еще оставалось: свою скрипку, а потом и балалайку он променял на хлеб, родители живут в Виннице, что с ними – неизвестно, там уже немцы, да и сюда они вот-вот заявятся… Уходить надо из Одессы, пока не поздно! Ребята морпехи были на подбор высокие, а он ростом не вышел – маленький, щуплый, даже винтовка ему непомерно велика. Но коротышка Чоклин нашел себе короткий кавалерийский карабин и встал в строй замыкающим.

Не успели отплыть – несутся на них то ли румыны, то ли немцы! Без единого выстрела. Чоклин за огромным валуном спрятался, но его тот румын (или немец) штыком достал, прямо в грудь пыр-

нул. «Вот!» – Григорий Львович распахивает рубашку и показывает белесую скобу шрама на заметной вмятине в центре груди.

Повезло тогда, что ранение не было проникающим. Заштопали медики, и в Севастополе вчерашний студент снова встал в строй. И защищал тот город-порт, пока не наступил момент его оставить. Воевал не хуже иного богатырской стати бойца: два ордена Отечественной войны (первой и второй степени) и медаль «За отвагу» – это память о Севастополе. И еще память: пуля в левой ягодице до сих пор сидит, хирурги изымать ее не рискуют – в какой-то важный кровеносный сосуд уперлась.

А в чем же его отвага была – та, что медалью отмечена? Ведь такую медаль солдату за личный подвиг давали. А это и было личное Чоклина отличие! О котором он рассказывать почему-то не хочет. Мнется, отнекивается. Потом, когда его удалось уговорить, и он с явным смущением раскрыл этот свой секрет, становится понятно, в чем там было дело. Группе ребят перед уходом из Севастополя было приказано взорвать немецкую пушку, которая поливала огнем подступы к порту. Подползали, сколько можно было, поближе. Но нет, не достать: мешает неглубокая канава, по которой стекают нечистоты из сортира. Старший группы говорит: «Вот тебе, Чоклин, две гранаты и – вперед, по канавке, рвани эту сволочь к растакой немецкой матери! Другого кого сразу заметят, а ты у нас самый маленький, проберешься». Он и подобрался по нечистотам к пушке на близкое расстояние, и обе гранаты бросил, и разнес ту вражескую огневую позицию в куски!

Самому герою тоже досталось, так что на катер, вывозивший раненых из города, врач внес его на руках. Но в это самое время в не успевший отойти катер ударило бомбой, он стал тонуть. Тот же врач подхватил своего пациента на руки и двинулся с ним к крейсеру. На боевой корабль никого не пускали, но перед врачом в белом все расступались. Он поднялся на палубу и уложил свою ношу – раненного бойца Чоклина – под пушкой. А сам вернулся на берег – помогать, кому еще можно было помочь. Через пару дней доктор, спасший Грише жизнь, застрелился, чтобы не попасть в руки немцев. Его звали Марк Ефимович Шарапан, он был евреем.

А потом были тыловые госпитали, где рядового Чоклина восстанавливали. В армию он вернулся, только уже не на передовую.

Определили его как человека грамотного и аккуратного при штабе Харьковской дивизии: выдавать и принимать военные карты. Эта дивизия, между прочим, стояла после войны в Одессе, на Ближних Мельницах. Там он и обретался при своих секретных картах вплоть до демобилизации в 1971 году. Тридцать лет военного стажа за спиной человека!

Вернемся, однако, в те роковые сороковые. Повезло тогда выжить не только ему, Грише Чоклину, а и его родителям, хотя шансы на то были близки к нулю. Брану, его маму, которая была дочерью винницкого раввина, прятали от оккупантов поляки-католики в костеле. И спасли еврейскую женщину, рискуя своими жизнями. А отца отправили из города до того, как туда вошли немцы: группе мужчин, в их числе и Лейбе Чоклину, поручили угонять собранный по колхозам-совхозам скот на Краснодон, чтоб врагу не достался. Они и погнали, степями. Вышли к Дону, а город уже бомбят, и через переправу беженцев не пускают: армия отходит. Лева предлагает мужикам-погонщикам перебраться на другой берег вплавь. Нет, они боятся. А он, человек отважный, схватил попавшую под руку доску – и в воду! И переплыл Дон. В одиночку!

В какой-то шахте сперва затаился, потом вышел, осмотрелся. Попросился в будку к сапожнику – погреться. И стал тому кустарю помогать, за кормежку. Он же, Лева Чоклин, был классным сапожником, даже заготовщиком. Однажды зашел в ту сапожную будку полковник, спросил: не могли бы ему сапоги по мерке сделать? «Нет, – ответил хозяин будки, – это невозможно». «Да!» – вызвался его приблудный помощник, он это умеет. И сапоги полковнику стачал, да такие, что тот забрал Леву аж в Челябинск и определил там на предприятие, где делали обувь для высоких чинов Советской армии…

В Израиль ветеран приехал в 91-м, вдовцом. Дочь и сын со своими семьями отправились в Штаты. Григорий Львович ездил к ним в гости, дважды. А оттуда к нему приезжал один из внуков, Дима. Он спортсмен, тренирует в Нью-Йорке футбольную команду. Дед подарил парню кое-что из своих военных наград. Пусть, если человек интересуется… Другой его внук, Юрий, совершил алию вместе с дедом и определился в полицию Израиля. У него своя семья.

Поселили репатрианта Григория Чоклина в благоустроенном хостеле города Лода, он стал получать пенсию инвалида войны. Держится молодцом: каждое утро – пробежка, потом 30-40 приседаний, вес его в течение многих лет не превышает 52 килограммов. Он закатывает штанины, демонстрируя икры ног: ни пятнышка, ни прожилки на коже. Маленький, пропорционально сложенный атлет. В 86, напомню, лет!

Он стал своего рода знаменитостью в среде обитателей хостела: играет на нескольких инструментах, знает множество песен, причем помнит все слова, чем похвастать может не каждый! Однажды к ним с концертом пожаловали самодеятельные артисты из другого хостела. Стали исполнять «Катюшу» и… на середине забыли текст! Из зрительного зала делегировали Гришу Чоклина, который слова знал и помог допеть песню…

Григорий Львович берет в руки свой инструмент. «Мандолина?» – спрашиваю. «Нет, мандолина – пузатая такая, а это мандола». Он говорит, что знает множество одесских песен, штук сто, наверное. Кое-что напевает. Ну, там у него всякое собрано, не столько одесское, сколько дворовое, вагонное, а то и забытое советское или из народного еврейского творчества. Ах, эти песни! Ему бы с ними в «Нашу гавань», вот бы сорвал аплодисменты!

«…Сирота я и калека, мне пятнадцать лет. Укажите, люди, кто мне даст совет…»; «Наш Абраша был завхозом и творил дела на ять…»; «Нельзя сравнить прибой с арыком…»; «На всех врагов тахрихим надеваем, Привет, Одесса, родина моя!». В таком духе, словом. К сожалению, ничего у него из этих песен не было записано. Возможно, там нашлось бы и что-нибудь, представляющее серьезный интерес.

…Ловлю себя на том, что всякий раз вместо «Чоклин» так и тянет написать «Чонкин». Возможно, не случайно это. И тут не просто созвучие фамилий. Маленький солдатик, по сточному отводу добравшийся до немецкой пушки в Севастополе и рванувший ее к долбаной матери, чем-то напоминает знаменитого героя Владимира Войновича из повести «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», хотя я не уверена, что он это читал. Такой еврейский вариант Чонкина. Человек, кстати, похожий на свою фамилию…

Стоп! Я припоминаю, о ком так говорили в редакции одесской «Вечерки», где я проработала десять лет. При фотокорреспонденте Михаиле Рыбаке одно время обретался некто вроде ассистента или помощника. Вне штата, фотолюбитель. Маленького роста, щупленький, похожий на подростка. Что-то с ним вечно приключалось, из-за чего шеф Миша Рыбак гневался… О нем еще говорили, что похож на свою фамилию. Да, точно: его звали Саша Чоклин! И этот Саша, оказывается, – сын ветерана войны Григория Львовича Чоклина, с которым я познакомилась в хостеле города Лода. Надо же: тот самый сын, что живет теперь в Америке…

Феликс Кохрихт

Как это делается в Одессе…

К двадцатилетию меценатской деятельности АО «ПЛАСКЕ»

В дни своей южной ссылки (1823-1824 гг.) в одесской главе «Евгения Онегина» молодой Александр Пушкин писал о нашем городе, которому тогда не было и 30 лет: «Здесь все Европой, дышит, веет…».

Что же побудило Поэта к такому выводу? Чем он был удивлен, что произвело на него столь сильное впечатление и привело к такому выводу? Почему он считал, что место его южной ссылки – европейский город? То, что в Одессе он находил в книжных магазинах новинки отечественной и иностранной литературы, что дамы щеголяли здесь в нарядах от французских кутюрье, что в ресторанах потчевали шампанским мадам Клико и устрицами? Все это было ему знакомо по столице Российской империи Санкт-Петербургу, да и по Москве, где он родился.

В Одессе Пушкин впервые окунулся в жизнь города, в котором уже в начале XIX века зародились и развивались базовые черты демократического европейского общества. Здесь вольно и комфортно чувствовали себя все сословия, представители различных конфессий и этносов. Со всех концов – не только империи, но и света, сюда съезжались, пробирались энергичные, деятельные, свободолюбивые люди и находили применение своим способностям и талантам.

С первых дней истории Одессы ею руководили выдающиеся государственные личности – де Рибас, герцог Ришелье, Ланжерон, а в бытность здесь Пушкина – граф Воронцов, В городское самоуправление входили деловые образованные состоявшиеся активные представители разных сословий и национальностей. Негоцианты, мореплаватели, промышленники, банкиры озаботились тем, чтобы в городе открылся первый театр, возникали учебные заведения, музеи, храмы, больницы. Так родились традиции благотворительности и меценатства, благодаря которым Одесса в XIX и в начале XX века опережала и превосходила многие города огромной страны.

Михаил Жванецкий поздравляет Олега Платонова со вступлением во Всемирный клуб одесситов

Заманчиво назвать здесь славные имена, но это лучше меня делает сегодня в своих трудах Олег Губарь. Кстати, он нашел в архиве среди тех одесских деловых людей, кто много лет назад внес средства на сооружение памятника Пушкину, и моего прадеда – купца и ювелира Исаака Кохрихта.

Как эта традиция возрождается в наши дни – такова тема беседы с председателем наблюдательного совета АО «ПЛАСКЕ» Олегом Исааковичем Платоновым и директором Одесского литературного музея Татьяной Ивановной Липтугой.

Ф. К.: Сегодня мы будем не раз обращаться к Грамоте на бессмертие – так образно и с некоторым понятным пафосом определяют одесскую главу «Евгения Онегина» и другие произведения, созданные Пушкиным в нашем городе. Вот как описывает Поэт утро морского, портового, торгового города на Черном море:

Глядишь – и площадь запестрела.
Все оживилось; здесь и там
Бегут за делом и без дела,
Однако больше по делам.
Дитя расчета и отваги,
Идет купец взглянуть на флаги,
Проведать, шлют ли небеса
Ему знакомы паруса…

Пушкин точно и прозорливо на долгие годы вперед увидел главную составляющую процветания Одессы: море, связываю-

щее ее и всю страну со всем миром. Одесса изначально была важнейшим коммуникационным центром, а с появлением железных дорог и авиационного транспорта является и уникальным транзитным узлом.

Олег Исаакович, прежде всего, расскажу читателям о том, что несколько лет назад в Одессе ожила и ярко проявилась традиция скидываться всем миром на добрые дела. Тогда тысячи наших земляков внесли деньги на создание памятника Исааку Бабелю, инициированное Всемирным клубом одесситов, членом которого вы являетесь. Тогда «ПЛАСКЕ» внесло (в решающий, практически критический момент) весомую сумму. Я же, следуя примеру щедрого прадеда, – свою скромную лепту…

Позволю себе, перефразируя название рассказа Исаака Бабеля, спросить: «Как это делается в Одессе?».

Ваше детище АО «ПЛАСКЕ», которому недавно исполнилось 20 лет, занимается масштабным и разнообразным объемом деятельности, связанной с современными транспортными перевозками. Вы ведь тоже в XXI веке – «дитя расчета и отваги» научного, делового подхода к решению сложнейших вопросов и смелостью в решении возникающих проблем.

О. П.: И все же «ПЛАСКЕ» создавалось, как и все то в Одессе, что достойно упоминания, скорее не столько по расчету и отваге, сколько творчески, что отвечало и характеру, и генотипу жителей города, и требованиям времени. Более двадцати лет назад новое дело требовало от нас современного и эффективного подхода к организации транспортных перевозок, что и во времена Пушкина, и вчера, и сегодня является приоритетным предназначением нашего города и региона в системе хозяйствования страны.

Если говорить о прошлом, то это экспорт зерна в Европу морем, а позднее – и первая железная дорога «Одесса – Балта», по которой оно доставлялось с полей в порт. Сегодня мы принимаем участие в межгосударственном проекте «Один поезд – один путь», наше АО специализируется в области экспедирования, международной торговли, подготовки персонала. Эти задачи с годами приобретают все большую актуальность. Сегодня мы принимаем активное участие в работе международных организаций,

к примеру, Центра ООН по упрощению процедур торговли и деловых электронных операций.

Ф. К.: Уникальным является и Одесский литературный музей, о чем я прошу рассказать его директора Татьяну Ивановну Липтугу, которая работает в нем с первых дней.

Т. Л.: Идея создания такого музея именно в Одессе была буквально выношена несколькими поколениями наших замечательных предшественников и осуществилась благодаря уникальной личности – Никите Алексеевичу Брыгину, его первому директору. В чем уникальность? Раннее никогда на всем огромном пространстве СССР не было подобного музея. Во-первых, открытого не в столицах (Москва, Ленинград, Киев), а в областном центре. Во-вторых, посвященных одному писателю было много, но только наш рассказывает о литературной школе – одесской, известной во всем читающем мире. Удивительно – музей открылся в 1977-м, а уже через год мы создали первую экспозицию. И это притом, что, в отличие от других собраний, в основу которых входили уже существующие коллекции, наш фонд создавался, как говорится, на пустом месте.

Сегодня я вспоминаю, как мы, вчерашние студентки, ходили по одесским адресам, ездили в другие города и привозили ценные, порой уникальные экспонаты: рукописи, документы писателей, свидетельства времени – прессу, личные вещи утварь. Значительную часть музею тогда дарили. Сейчас у нас восемьдесят три тысячи единиц хранения. Они составляют постоянную экспозицию и экспонируются на тематических выставках. За эти годы у музея появились четыре филиала в Одессе и области.

Ф. К.: «ПЛАСКЕ» и Литературный музей связывают особые отношения – творческого партнерства. Они основаны на Концепции социальных проектов, созданной О.И. Платоновым и его командой. Известно, что бизнесмены руководствуются в своей деятельности планами по разным направлениям деятельности. К примеру, полагаю, у вас есть производственный, финансовый, по развитию… Как возникла идея создать еще и социальные проекты, и какую цель вы ставите перед собой?

О. П.: Можно было бы подробно рассказывать об этом, но в формате журнального интервью скажу коротко. Когда у нас

появилась возможность помогать добрым и важным делам, мы определили несколько стратегических объектов культурной и общественной жизни Одессы. У каждого из наших коллег-бизнесменов – свои приоритеты. Мы же выбрали те, которые тесно связаны с прошлым, настоящим и нацелены в будущее.

Признаюсь, что иногда на первый шаг, приводящий к многолетней дружбе, нас подталкивает случай. Вспоминаю, как лет десять назад студент-экономист, проходивший практику в «ПЛАСКЕ», пригласил меня в Сад скульптур Литературного музея. Я был поражен тем, что композиции из камня и металла на своем языке говорят о том же, что и книжные тома, содержащие мысли и чувства знаменитых писателей…

Т. Л.: Так случилось, что Олега Исааковича привел сюда мой сын Иван – ровесник музея. Разумеется, его шеф поднялся в залы, ознакомился с экспозицией, и мы сразу стали единомышленниками, для которых важно как можно полнее и интереснее представить городу и миру своеобразие и значение для отечественной и мировой культуры не только нашей литературной школы, но и всей Одессы и ее многонациональной общности.

Вскоре оформилось наше творческое партнерство. За эти годы в саду из семнадцати скульптурных композиций девять созданы под патронатом «ПЛАСКЕ», и первым стал памятник Сашке-музыканту, герою рассказа Куприна «Гамбринус». Мы благодарны и другим меценатам, С.Р. Гриневецкому, В.С. Филипчуку, В. Бондаренко, семье Казавчинских и многим нашим друзьям. Сейчас Сад скульптур – не только важная и заметная часть нашего музейного пространства, но и место проведения выставок, презентаций наших и не только изданий, проведения научных конференций.

О. П.: Для нас важно, что Сад скульптур стал одним из тех знаковых мест, где можно увидеть практически все составляющие проявления одесского своеобразия – характера, нрава, стиля жизни в образах, созданных авторами композиций «Душа Одессы», памятник Одесскому гению, Рыбачке Соне, Сашке-музыканту, персонажам романов Ильфа и Петрова, а также выдающимся одесситам – Дюку де Ришелье, Михаилу Жванецкому…

Т. Л.: Благодаря «ПЛАСКЕ» мы дважды издали фундаментальные сборники, посвященные истории музея, рассказали в них о нашем первом директоре, о наших учителях, о научных открытиях, о меценатах.

Ф. К.: Если разговор пошел об издательской деятельности, то самое время и мне в нашем разговоре отложить (на время) статус интервьюера и представить читателям еще один социальный проект. Этот материал, как и весь этот, 79 номер альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», – продукт (но уместнее – плод) сотрудничества с «ПЛАСКЕ», которое началось десять лет назад. Нетрудно подсчитать, что при ежеквартальном выходе нами издано уже 40 выпусков – половина всех вышедших начиная с 2000 года.

И раннее нам помогали деловые люди и структуры, простые (но не простые) одесситы, к которым мы полны благодарности, но именно «ПЛАСКЕ» в трудный для нас момент не только взяло на себя все редакционные и издательские расходы, но и стимулировало процесс обновления и внешнего облика, и концепции нашего издания. При этом важно: никак не влияя на содержание, характер и тональность материалов. Тот, кто читает нас с первых номеров, знает, что альманах стал толще, а верстка, печать – современными. Концепция дизайна была разработана вице-президентом АО «ПЛАСКЕ» Иваном Липтугой, тем самым, что студентом когда-то привел Олега Исааковича в Сад скульптур. Уже несколько лет он – самый молодой член редколлегии альманаха. Вот так создаются, вернее, продолжаются традиции одесских семей, родов, сообществ.

«ПЛАСКЕ» и Всемирный клуб одесситов стали соучредителями «Одесской библиотеки», издающей книги, разумеется, об Одессе. Некоторые уже давно стали библиографической редкостью, к примеру – сборник фельетонов Власа Дорошевича, проза Ефима Зозули (составитель Евгений Голубовский) и произведения наших современников – Олега Губаря, Сергея Рядченко. Среди изданий особое место занимает том, в котором впервые (!) собрано все, что за всю жизнь написал об Одессе Константин Эдуардович Паустовский. Есть такое суждение, и я его разделяю: Паустовский, который, как и Пушкин, не был уроженцем Одессы, в своих произведениях продлил Грамоту на бессмертие, данную ей вели-

кими. Том озаглавлен, как и его – наша – культовая повесть: «Время больших ожиданий».

О. П.: Само ее название, вернее, имя, глубоко символично. Эту книгу можно перечитывать всю жизнь, ее можно и нужно дарить не только тем, кого мы любим и уважаем, но и тем, от кого зависит сегодня и завтра Одессы, всей страны, к примеру – нынешнему президенту… Время больших ожиданий, по сути, никогда не прекращается, но сегодня эти ожидания наполнены особым смыслом и остротой.

Т. Л.: Мы гордимся тем, что этот том Паустовского создан в содружестве партнеров – Литературного музея (Алена Яворская, Ростислав Александров), Всемирного клуба одесситов (Феликс Кохрихт) и «ПЛАСКЕ». Для меня жизнь и творчество Константина Эдуардовича – не только предмет читательского интереса и любви, но и тема поисковой и научной деятельности, которую я начала с первого дня работы в музее. Вспоминаю командировки в Москву и Харьков, где я познакомилась с сыном писателя, бывшими журналистами легендарной одесской газеты «Моряк», с которыми в 20-е годы работал Паустовский. Они подарили музею ценные и редкие материалы, которые сегодня представлены в экспозиции.

Ф. К.: Готовясь к нашей беседе, я собрал материалы и о других социальных проектах, которые «ПЛАСКЕ» заключило и выполняет уже несколько лет. Среди них – Одесский национальный театр оперы и балета, Одесская национальная научная библиотека и духовные центры. Собирался пригласить для этого разговора и их руководителей, но вовремя понял, что он занял бы пол-альманаха, а то и больше, но мы его, надеюсь, продолжим в будущих номерах.

Но вот о недавних событиях не только в жизни театра, но всего города сейчас упомяну. Почему так коротко? Потому что в этом же номере альманаха содержится моя статья о Пятом фестивале искусств «Бархатный сезон», и она озаглавлена опять же пушкинской строкой: «Пора нам в оперу скорей…».

И в заключение нашего разговора вернемся к еще одной книге с эмблемой «Одесской библиотеки» на обложке, которая также является уникальной и уже стала редкостью. Мы опубликовали

итог многолетнего труда краеведа Якова Майстрового «История Одессы в названиях улиц». Из этого тома большого формата каждый может узнать, какое имя получили все улицы, переулки, проспекты, бульвары и даже тупики нашего города при закладке, после многочисленных переименований, и как называются на момент выхода книги (2012 г.). Эта книга стала моим путеводителем в нашем разговоре. И вот что знаменательно и символично: Литературный музей расположен в начале Ланжероновской – по соседству с памятником Пушкину на Приморском бульваре и оперным театром. Поэт жил в доме Рено – на углу Дерибасовской и Ришельевской, и в честь этого (и не только!) назван наш альманах. Офис «ПЛАСКЕ» занимает старинный дом на Маразлиевской, Всемирный клуб одесситов – на той же улице, на ее пересечении с Базарной; памятник Бабелю – на Ришельевской, практически напротив оперного.

Все это – самые знаменитые, самые первые улицы молодого города, спланированного по проекту инженера де Волана. Именно над этим ареалом кружил Genius lozi (*латынь*) – Гений места. Так римляне именовали мистическое существо, полубога, покровителя городов, которым суждено стать процветающими. Его наверняка заметили в небе будущей Одессы его зоркие фундаторы. Шелест его крыльев услышал чуткий Пушкин.

Недавно я углядел его на видео, который снял дрон, круживший над Потемкинской лестницей, где проходил концерт опен-эйр – кульминация ботвиновского международного фестиваля Odessa classics, который по традиции проходит у нас в начале июня. И осенью, когда в оперном пели великие арии из «Турандот»…

И снова – Пушкин об Одессе:

Но солнце южное, но море…
Чего вам более, друзья?
Благословенные края!

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

К юбилею Феликса Кохрихта

102 **Евгений Голубовский**
Звуковая дорожка длиной в 80 лет

108 **Олег Губарь**
Феликс

111 **Иван Липтуга**
Мы – ровесники...

113 Двадцать лет спустя...

Евгений Голубовский

Звуковая дорожка длиной в 80 лет

Интернет заполнен разысканиями о многогранном стакане. Меня, правда, куда больше интересуют многогранные люди. Об одном из них с удовольствием расскажу сегодня. Повод представился отличный. Еще один мой друг, Феликс Давидович Кохрихт, входит в наш клуб восьмидесятилетних.

У альпинистов есть сообщество тех, кто взял восьмитысячники. Честь и слава им. Но ведь и остаться в работе, в живой жизни, прожив до 80 в наших условиях, в нашей непредсказуемости, – тоже подвиг.

А теперь про грани моего друга, моего коллеги, вот уже 60 лет спутника и соратника.

Феликс Кохрихт, журналист. Для многих он начался, стал заметен в газете «Знамя коммунизма», но я помнил его еще по «Комсомольскому племени», где Феликс в отделе у Беллы Кердман вел газету в газете «Студенческие вести». Потом он стал заместителем ответсека в «Знамени коммунизма» – «Юге», а затем вновь путь наверх: заместитель редактора газеты «Слово». Следующий шаг – редактор прекрасного журнала «Одесса», вслед за которым последовал альманах «Дерибасовская – Ришельевская».

Мог бы рассказать, мне кажется, что об этом сейчас помню только я, что Феликс писал прелестные короткие рассказы. Близкие Гладилину, Аксенову. Но газетная текучка имеет и такую сторону – мешает писать в стол. Слишком много нужно написать в номер…

Работа каждого из нас как журналиста на виду. Тем более что многие годы Кохрихт ведет и на телевиденье передачи. Сейчас его проект – «Диалоги на Нежинской», два раза в месяц на Ютубе и в Фейсбуке.

Феликс Кохрихт, медик. Да-да, не шучу. Филфак университета он оканчивал заочно, но до него было военно-морское медицинское училище. И работал, фельдшером, братом милосердным не где-нибудь, а в психбольнице. Мне кажется, его сочувствие к человеческим страданиям началось именно там и тогда.

Феликс Кохрихт – общественный деятель. Он создавал, организовывал первый музей современного искусства «ТИРС» в Шахском дворце, был одним из основателей ТОХа – Творческого объединения художников, президент Центра современного искусства «Сорос – Одесса» Один из отцов-основателей Одесского джаз-клуба… Но о джазе – чуть позднее и полнее.

Феликс Кохрихт – коллекционер живописи. С начала шестидесятых мы дружили с молодыми живописцами. Чем могли помогали в устройстве квартирных выставок. Какие-то картины Феликс, чтоб поддержать друзей, покупал у них, какие-то дарили. Так сложилась коллекция, которая дает репрезентативный срез искусства Одессы.

И, наконец, Феликс собрал одну из крупнейших, а может, крупнейшую и изысканнейшую коллекцию грампластинок, да-да, еще винилов… Об этом знают меньше, поэтому тут буду рассказывать подробней.

Шестьдесят лет назад он увлекся совсем не поощряемой властями («Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст!») джазовой музыкой, а вслед за этим и собиранием пластинок. Восприняв как аксиому утверждение Леонида Утесова, что джаз родился в Одессе, он начал собирать и пластинки с записями песен Утесова, и все, что связано было с понятиями «джаз» и «в Одессе». Кстати, и сегодня Феликс Кохрихт убежден, что Леонид Утесов – выдающийся джазовый деятель, не только музыкант, но и организатор, пропагандист джаза. Те первые пластинки (некоторые – записи «на костях», то есть пластинки на рентгеновских снимках, сродни самиздату в литературе) он подарил в экспозицию музея Утесова в Треугольном переулке, 11 (ныне – улица Утесова), в доме, где родился Ледя Вайсбейн, будущий Леонид Утесов…

Открывается дверца стеллажа в квартире Феликса – и, как книги, стоят на полках сотни пластинок, уже не выпускающихся

Феликс среди друзей-художников. В центре усатый Шура Ануфриев, справа в профиль – Витя Рисович. Может быть, кто-то из тогдашних ребят узнает и себя… Фото Ильи (Дика) Гершберга

ни в России, ни в Украине, компакт-диски, магнитофонные записи. Но прежде всего, смотрим книгу – «Украинскую энциклопедию джаза», изданную в Киеве в 2004 году. Здесь многие статьи написаны Ф. Кохрихтом, есть статья и о нем, члене Международной федерации джаза ЮНЕСКО, одном из фундаторов Одесского джаз-клуба. И еще одна книга привлекла мое внимание. Изданная в США монография Фредерика Старра о советском запретном (в те годы!) джазе с надписью автора: «Дорогому Феликсу – защитнику чести и славы города Одессы и организатору фестивалей джаза в городе, где родился Леонид Утесов».

И все же что побудило молодого человека в конце 50-х годов начать собирать джазовую музыку? Встреча с удивительным человеком, собирателем, которого знала вся музыкальная Одесса, – Александром Пикерсгилем. В его квартире на углу Пастера и Петра Великого Феликс впервые увидел несметные сокровища – пластинки, записи, книги. Здесь всегда звучал джаз. Как

Феликс и Таня. Одесса, 1966 год. Фото Ильи (Дика) Гершберга

было после этого знакомства не попробовать собрать свою коллекцию любимой музыки!..

А до этого, в 1954 году, в Одессу приехал оркестр Эдди Рознера (тогда-то весь город запел «Моя родная Индонезия»), затем «Голубой джаз» из Польши (и вновь-таки – у всех на устах «Розовая гвоздика»). Вот они – пластинки с записями оркестра Эдди Рознера, Олега Лундстрема – первых ласточек, пробившихся после запрета на джаз в СССР с середины тридцатых годов.

Коллекция Феликса Кохрихта интересна еще и тем, что многие музыканты, приезжавшие в Одессу, дарили ему свои пластинки с автографами. Держу в руках диски ставших легендарными Алексея Козлова, Николая Левиновского, Леонида Чижика… А какой восторг вызвал ансамбль «ГТЧ» из Литвы, в составе которого были Ганелин, Тарасов и Чекасин! Они приезжали в Одессу по приглашению джаз-клуба и, естественно, бывали в доме Феликса Кохрихта и его супруги Татьяны Вербицкой, дарили свои записи.

Но не только гастролями приезжих джазистов жила Одесса. Кто из нас не помнит оркестр Евгения Болотинского, работавший во Дворце студентов?! В коллекции Феликса есть плакат 1963 года – выступление оркестра в Ленинграде, в программе «Как пройти на Дерибасовскую?».

Кстати, в школе Феликс учился в одном классе с замечательным одесским джазовым музыкантом, «золотой трубой Одессы», как его называли, Аркадием Астафьевым. А затем, уже в джаз-клубе, подружился с Юрием Кузнецовым. В моих руках изданная в 1980 году «Мелодией» пластинка «Свет осенней листвы». На одной стороне – записи Сергея Терентьева, а на другой – трио Ю. Кузнецов, А. Кучеревский и С. Зак. В эти же годы пришла слава к Татьяне Боевой, Ларисе Долиной. Одесская филармония по инициативе ее директора Ю. Петренко создала два джазовых абонемента. Николай Голощапов в музучилище открывает джазовое отделение, создает свой первый биг-бенд. В Одессе проводились интереснейшие джазовые фестивали памяти Леонида Утесова.

И все это отражено в пластинках, в записях. Как реликвией дорожит Феликс записью «Духовного концерта» Дюка Эллингтона в исполнении оркестра Николая Голощапова с дружеской надписью старейшины одесских джазистов. А вот совсем свежий компакт-диск: юная певица Маша Монастырская – надежда одесской джазовой школы.

Среди особо ценных пластинок – запись выдающегося джазового скрипача Стефана Граппелли, которого Кохрихт слушал в легендарном Нью-Йоркском кабачке «Блю Нот», когда тот играл Гершвина. А вот привезенные из Германии записи «вечнозеленых» джазовых пьес времен Второй мировой войны в исполнении оркестра Глена Миллера…

Во времена, когда джаз был почти под запретом, лучшие пластинки из этой коллекции звучали у Феликса Кохрихта дома на импровизированных «музыкальных собраниях», которые, как и А. Пикерсгиль, как и М. Обуховский, он с лекциями проводил для молодых энтузиастов. Сейчас эта музыка доступна всем, и диски с автографами стали частью домашнего музея музыки. О каждом из них можно рассказать занимательную историю. К примеру, вот этот лондонский диск 70-х годов минувшего века с записями группы «ГТЧ». И знаменитый ныне пианист Алексей Ботвинов, и Юрий

Кузнецов, у которых были свои великолепные коллекции, приходили в дом Феликса Давидовича переписывать эту редкую запись. А сколько пластинок он переписал у них! Так шел обмен музыкальными новинками, взаимопомощь и взаимовыручка людей, любящих джаз.

Конечно, не только джазовые пластинки есть в коллекции Ф. Кохрихта. Есть и классическая музыка. По сути, это уже тема еще одной статьи. Но одну группу пластинок не могу не упомянуть. Мать Татьяны Вербицкой Наталья Сергеевна Завалишина в одесской юности дружила, играла в четыре руки со Святославом Рихтером. Уже став всемирно известным пианистом, С. Рихтер не забывал о днях молодости и присылал ей с трогательными надписями свои пластинки. Сейчас они бережно хранятся в доме Феликса и Татьяны…

Еще раз просматриваю пластинки на стеллаже. Чего тут только нет! И как своеобразное подведение итога подвижнической работы Ф.Д. Кохрихта по возрождению джазовой жизни – награда Международного фестиваля «Джаз-карнавал» в Одессе – в виде пластинок…

Конечно же, не обо всех гранях Феликса Кохрихта я тут рассказал.

Любитель и покровитель животных. В Фейсбуке его основная тема – помогите и защитите братьев наших меньших. И сам в этом подает пример. Только я знаю, сколько времени у него занимают хождения по врачам с их кошками…

Любитель путешествий. Думаю, в Европе уже трудно отыскать уголок, куда не заглянули бы Таня и Феликс. И после каждой поездки – репортаж с фотографиями, а иногда и шуточные стихи. И это еще одна страсть Феликса. Это я пишу о нем в прозе, а он ежедневно поздравляет друзей в стихах…

Подумал, а ведь я еще ничего не рассказал про детские годы, про родителей, дедушек и бабушек, про род купцов и ювелиров Кохрихтов, про награды Феликса Давидовича… Но ведь и к его 85-летию, через пять лет, в альманахе появится статья. Оставим темы для тех, кто продолжит эту историю.

С 80-летием, Феликс! Вместе с Олегом Губарем и Иваном Липтугой мы желаем тебе счастья. Салют из всех редакционных перьев!

Олег Губарь

Феликс

Даже не припомню, кто нас познакомил. Но это знакомство не могло не состояться, поскольку Одесса – большая деревня в хорошем смысле. Возможно, это был Владимир Георгиевич Николаев, один из старших коллег Феликса, героический офицер-фронтовик, отец моей давней соратницы по историко-археологическим эскападам Тани Николаевой по прозвищу Киса. Это мог быть ученик моего Отца по 106-й школе, редактор газеты «Знамя коммунизма» Юлий Маркович Мазур или легендарный фельетонист Карп Полубаков (Александр Петрович Шнайдер), с супругой которого Мама училась в Институте иностранных языков, и с которым мы периодически общались у Николаевых. Это мог быть мой первый редактор и учитель по жизни и в журналистике Николай Трофимович Щербань. Не исключено, наконец, что нас представил друг другу Евгений Михайлович Голубовский, знавший меня несколько ранее. Все это к тому, что коренные одесситы априори немножко родствен-

ники: по крайней мере родственные души, что они гораздо ближе шести рукопожатий.

Как и Голубовский, Кохрихт тотчас же принял меня близко к сердцу: покровительствовал, продвигал, предоставлял возможность немного заработать честными гонорарами. Такая возможность более отчетливо обозначилась в перестройку, когда резко выросло число печатных СМИ. Этот газетно-журнальный бум был обусловлен острым спросом на уже неподотчетную цензуре информацию, что имело как позитивные, так и негативные последствия. Появились мощные профессиональные газеты «Гласность», «Слово», «Одесский вестник», «Деловая Одесса», «Вестник региона» и др., не говоря уже о штабелях однодневок. Вместе с А.П. Шнайдером Феликс наладил выпуск первой в городе и регионе многостраничной юмористической газеты, пригласил к сотрудничеству и меня. Ныне вся эта живая динамичная картина как-то померкла и забылась, напрочь смыты имена фундаторов, работавших буквально на износ, и притом в радость, как стерся и некий кодекс журналистской этики и солидарности.

Феликс инициировал или был напрямую причастен к инициированию целого ряда масштабных социальных проектов, причем связанных не только с учреждением новых изданий, но и, скажем, институций современного искусства, музыкальных фестивалей, всевозможных культурных площадок и т. д. и прочее. Если же вернуться к традиционному жанру, Кохрихт создавал и развивал газету «Слово», в свое время чрезвычайно солидную и качественную, привлек меня к формированию первого в городе полноцветного иллюстрированного журнала «Одесса», а затем регулярного литературно-художественного и историко-краеведческого альманаха «Дерибасовская – Ришельевская».

Втроем с Голубовским мы идем одной непроторенной дорогой очень много лет. Чудится, будто знакомы с юности, и эта юность все длится и длится, не петляя и не мельчая, и что так будет всегда. Вот уже 20 лет альманаху, а каждому из нас намного больше, и идти все труднее. Наверное, альманах и составляет пространство нашего обитания, продлевает наши дни. И это пространство, этот правильный мир отвечает тем условиям, в которых мы можем звучно и вместе совестливо существовать и в который

приглашаем созвучных нам людей. Это, по-моему, и есть подлинная гармония мира.

Мне кажется, из нас троих Феликс в наибольшей степени сохранил в себе ребенка: эмоционального, увлекающегося, подвижного, ранимого. И эта рельефная особенность невероятным образом сочетается в нем с родственными, родительскими, отцовскими чувствами, с последовательной толерантностью и обязательностью. Его, как и Голубовского, не надо оповещать о каких-либо моих неприятностях, затруднениях, он узнает о них сам, поскольку внимателен ко мне, чуток, участлив, тактичен. Тотчас же звонит и предлагает любую помощь, вплоть до переговоров с работниками Энергосбыта. Не было случая, чтобы он не одаривал меня изысканными игрушками (неизменное чувство вкуса и стиля), возвращаясь из поездок, путешествий, как и положено родителю. Не учит жить, а помогает реально и, как нынче говорят, по умолчанию. Принимая от него очередную экзотическую «склянку темного стекла», добротную картинку одесского художника, рабочий гонорар, вспоминаю присказку своего Бати: «У меня для тебя всегда что-нибудь найдется за корочкой партбилета».

Ни разу не употребил тут слова *друг*, *дружба*. Потому что наши отношения переросли дружбу: мы родные люди, мы семья. И среднего своего сына я назвал Феликсом.

Иван Липтуга

Мы – ровесники...

Феликс Давидович родился в Одессе на сорок лет раньше меня, поэтому я с ним дружу не шестьдесят лет, как Евгений Михайлович Голубовский, и не сорок, как Олег Губарь, а всего двадцать.

Мы познакомились во дворе дома на Заславского, 2, где жил Феликс с Татьяной, а я временно снимал квартиру. Кохрихт известный в Одессе журналист и телеведущий, поэтому я его узнал, мы разговорились и почти сразу нашли много общего. Так как Феликс с Татьяной большие любители путешествий, а я работал в туристическом агентстве, то регулярно помогал им оформлять визы, бронировать билеты и гостиницы. Я тоже много ездил по работе, и мы часто обменивались впечатлениями о наших путешествиях, особенно нам нравилась Швейцария. Однажды Феликс Давидович попросил меня написать небольшую заметку о путешествии, чтоб опубликовать в альманахе в рубрике «Путешествия». С того момента я писал заметки о разных странах, а компания «ПЛАСКЕ» взяла комплексное шефство над проектом Одесский альманах «Дерибасовская – Ришельевская». Мне было почетно и приятно оказаться в редколлегии альманаха среди таких уважаемых одесситов, как Кохрихт, Голубовский и Губарь. Каждый отвечал за свою часть в издании альманаха, моя задача была сделать качество дизайна, верстки и печати достойной его содержания, поэтому альманах стал таким, каким вы держите его сейчас в руках.

Феликс часто называл меня младшим сыном. Старшими были Губарь и Ботвинов, может, еще кто-то, я младший. Как отец Феликс Давидович звонил мне ежедневно. Интересовался всем, давал советы, торопил с разными заданиями, которые

я откладывал на попозже. Мне всегда казалось, что Феликс Давидович – это моя совесть, не дает свернуть с верного пути.

Мне повезло с таким другом и наставником, как Феликс, он учит меня истории, я его – современным трендам, мы дополняем друг друга, и в этом гармония нашей дружбы. Несмотря на разницу в возрасте, я считаю, что раз мы столько лет общаемся, дружим, вместе работаем, значит, мы ровесники.

Феликс Давидович как журналист и автор за свою жизнь сделал невероятное количество дел, все они созидательные, добрые и светлые, как и он сам. Поэтому я хочу пожелать Феликсу Давидовичу только морального и физического здоровья и активной жизни до 120!

Двадцать лет спустя...

В одном переулке стояли дома,
В одном из домов жил усатый Дюма,
И не ради денег он – для интересу
Писал себе сагу за нашу Одессу...

В редколлегию нашего альманаха изначально (с 2000 года) вошли ветераны журналистского движения и, как это ни удивительно, до сих пор, спустя 20 лет, там же и находимся. Приходится констатировать, что все прозвища, которые нам давали коллеги (по разным причинам), не пригодились: ни Три тополя на Плющихе, ни Три поросенка, ни Три грации, не говоря уже о Трех толстяках.

Со временем прижилось пафосное, но лестное: Три мушкетера, а двадцать лет спустя к нам присоединился и молодой перспективный гвардеец Липтуга из полка «ПЛАСКЕ».

Три мушкетера и д'Артаньян –
Его у нас зовут Иван.

Атос: Друзья мои, удачен наш союз.
Арамис: Он, как Дюма, неповторим и вечен!
Портос: Порукой в том Одесса – и в веках!
Д'Артаньян (*пылко*)**:** Таков, друзья, наш Альманах!
Атос (*задумчиво*)**:** Ну, разумеется…
Все хором: Конечно!

На этом снимке, сделанном в Одесском дворике Литературного музее в 2017 году
на презентации 70 номера альманаха, временно отсутствует д'Артаньян. Он помчался к кабатчику
за бургундским. Для Атоса

Одесский календарь

Старопортофранковская улица

116 **Евгений Окс**
Мой друг Ильф. Одесса, 1919-1921 годы
Публикация Алены Яворской

Евгений Окс

Мой друг Ильф. Одесса, 1919-1921 годы

Евгений Окс. 1930-е гг.

Один из одесских авторов, как всем известно, родился дважды. «В первый раз автор родился под видом Ильи Ильфа» в 1897 году. В «Двойной автобиографии» Ильфа и Петрова улица не указана, лишь год. Но есть подсказка. Как известно, первая половина «лазила через забор на кладбище, чтобы рвать сирень». Улица Старопортофранковская заканчивается у Первого христианского кладбища. Вернее, заканчивалась до середины 1930-х.

Как бы то ни было, именно в двухэтажном доме на Старопортофранковской, 137, родился Илья Файнзильберг, он же Илья Ильф.

Мы мало что знаем о детстве и юности Ильфа. Но все же есть воспоминания об одесской молодости.

Их автор – художник Евгений Окс, близкий друг И. Ильфа.

Алена Яворская

Мы познакомились в столовой университета.

Высокий, в длинном узком пальто. «Мое пальто называлось когда-то фасон «коммод».

За толстыми стеклами пенсне, ибо в то время, да и позже, он носил этот старинный оптический прибор, было трудно угадать выражение его глаз. Это требовало напряженного внимания. Улыбка едва касалась уголков рта. Едва скользила. Но что поражало – это чувство собственного достоинства. Достоинство и невозмутимость. Он нам казался англичанином. Быть может, лордом. Это сразу внушало уважение.

Первый разговор, первое знакомство, разговор, конечно, зашел об искусстве, сразу обозначилось сходство вкусов. Поразила его начитанность. Дружба завязалась сразу, через час, через два. Мы жили близко, встречались ежедневно, иногда по два раза в день.

«Вы можете звать меня Иля», – это было доверие, но «Вы» оставалось до конца. Так к нему обращались все, включая жену и близких друзей. Он сам как бы устанавливал границу близости, переступить ее не мог никто.

<…>

Книги в то тревожное время добывались с трудом, в библиотеках, у друзей, у случайных знакомых, увиденные случайно, под мышкой, мимоходом они выпрашивались, вымаливались на день, на два, иногда на одну ночь. Была книга «Денди и дендизм», ее давали буквально на три часа. Так же Стендаль, «Письма о любви». Поражали его суждения, необычайно меткие, свежие. Его мысли, их самостоятельность, оригинальность и полное отсутствие даже намека на банальность.

И кроме всего, и лучше всего замечательный юмор.

Если он видел нечто, заслуживающее осуждения, – подлость, злобу, унижение, – его слова были особенно метки и совершенно уничтожительны. О местных профессорах – «знаменитые лысины», о завсегдатаях прежних кафе – «пикейные жилеты».

По поводу одного юноши, теперь бы сказали, стиляжного стиля, он сказал: «не приводите ко мне этого юношу, он плохой мальчик».

Он говорил: «Я хочу спать, хочу читать книжки, а они топают у меня над ушами, не дают спать. Понимаете, топают!». Это по поводу вооруженных банд, которые вырывались время от времени…

<…>

Ильф писал стихи, которые мы называли «произведениями оригинального ума». Он их называл «торгово-промышленной поэзией». Помню одну поэму, где были образы города, магазинов, закрытых шторами, там была некая фирма, не то Гарвест Компании, не то Катерпиллер. Написана была белыми стихами. Говорилось об обществе жатвенных машин. Была фраза «выньте лодочки рук из брюк». <…> Читал он прекрасно. С отчетливой дикцией и без всякого нажима. Позже в клубе поэтов эта поэзия была встречена восторженно, особенно молодежью.

<…>

Была одна полночь. Он меня провожал. Почти у самого дома на Торговой улице в полной темноте фонари не горели, что-то уперлось мне в грудь твердое, непонятно. Вспыхнул фонарь, ослепил глаза: «Кто такие? Документы!». У меня в кармане – просроченная отсрочка от воинского начальника. У Ильфа дела обстояли не лучше. <…> Стали убеждать, что мы студенты университета. Живем рядом. Вот наши дома. И, о чудо, белый патруль нас отпустил. Это называлось «понт». Розыгрыш, умение пустить пыль в глаза. Ах, какой чудесный «понт». Говорили – он «знаменитый понтовщик». О ком-то.

<…>

Жизнь сводилась к простым формулам, к экономике, к примитиву. Еда и топливо. И того, и другого было ужасающе мало. Летом были огурцы и помидоры, но хлеба почти не было. Наш друг Сема Гольдверг достал где-то куски гашиша или опиума. Это сбивало аппетит и давало сон. Все выдумывали небывалые сны. Ильф сказал: «А мне снились только море и волны прибоя, и так всю ночь»…

Он ненавидел всякую вычуру, красивость, ложную мишуру. Его врагом смертельным было мещанство, во всех его масках и обличиях.

Муза Черного моря
(о поэтессе Аделине Адалис).

Между тем судьба приблизилась к той бурной полосе рифов, что грозила разбить вдребезги нашу столь дорогую мне дружбу, тем более что на рифах нас подстерегала Сирена. Сирена была поэтессой и в данный момент находилась в студенческой столовой. Естественно и то, что Сирена имела зеленые глаза и пепельно-голубые волосы. Это было существо враждебного и коварного пола. Пока что она поражала непонятным высказыванием своих мыслей вслух. Это создавало положения до крайности рискованные и, мягко говоря, бестактные. К этому было трудно привыкнуть. Мысль о недостатке воспитания была отброшена, когда позже стало известно о ее происхождении из семьи известного издателя большого научного труда. Илья говорил: «У Вас природное и уродливое отсутствие некоторых качеств». В самом деле, общепринятое как бы отвергалось заранее. Одному нашему знакомому она говорила: «Вы красивый и толстый». Такое соединение эпитетов ей безумно нравилось…

Она жила в маленькой комнате-коробочке. Там были кровать, столик и колченогий стул. Мы трое садились на кровать. Все трое курили, большею частью в пальто, так как было холодно. Беседы длились долго, до позднего часа. Потом мы двое шли пустынными улицами. Светила луна. Когда мы входили в тень деревьев или дома, нервы были напряжены, можно было встретить патруль, а может быть, и еще похуже. Помню длинную тень Ильи в кепке, надвинутой до ушей. Шаги гулко отдавались от старинных плит тротуаров.

<…>

Пока же нас всех объединяла великая страсть к кино. Шел фильм во многих сериях «Парижские тайны». Мы садились в первых рядах среди одесских мальчишек-«папиросников». Это была публика восторженная и благодарная. Она так вживалась в экран, что предупреждала героиню о приближении злодеев: «Бетина, тикай!». Или напоминали: «Эй, гитару забыл». Весь фильм состоял из непрерывной погони, похищений

и освобождений. Изредка появлялся главный герой «Железный коготь» – у него был, в самом деле, протез в виде когтя. Лица его никто не видел. Позже «Железного когтя» великолепно имитировал Эдуард Багрицкий. Поднимал воротник пиджака, нахлобучивал козырек кепки на глаза и даже умудрялся изображать железную руку. Импровизировались кадры кино. Илья также играл отлично разные роли.

Новый, 1920-й год мы встречали у подруги Музы, девушки с профилем Луны. Нос и подбородок у нее сходились под странным углом, действительно напоминавшим рисунок луны в последнюю четверть, и, однако, все это было у нее гармонично и мило, включая черные, как смола, косы и странное имя Муня.

В отличие от солнечной Музы, она была, конечно, олицетворением ночи. Я чувствовал, что мое сердце начинает раздваиваться, так же, как и глаза, что было ничуть не удивительно, так как на столе было обильное угощение, включая изюмное вино собственного изготовления и самогон, результат ловкой обманной операции родных Муни. Как тогда пелось в известной песне «Свадьба Шнеерзона»: «…на столе стояло угощение, что стоит крупный капитал…». Там упоминалась и «…мамалыга с видом, точно кекс…». Все это было похоже. Молодежь, многочисленные гости и родственники уничтожали быстро все это великолепие, детали которого трудно упомнить; помню только, что к этому времени я различал именно только детали сидящих рядом, вроде пряди волос, прилипшей ко лбу, или одно стеклышко Илиного пенсне, но целое совершенно ускользало от меня.

Помню 12 часов, когда начались тосты, окна осветились странным заревом, сквозь открытую форточку послышалась дробь ружейных выстрелов, прерываемая раскатами взрывов ручных гранат «лимонок». Казалось, в городе началось мощное и внезапное восстание.

И тут же стало ясно. Это одесский гарнизон встречал новогоднюю ночь бешеной стрельбой. Мы вышли во двор, на галерею нашего одноэтажного дома. Весело щелкали винтовочные выстрелы и звонко ухали «лимонки». На дворе было пусто, в углу стояла

бочка с водой. «Только не надо делать резких движений, – говорил Иля, – а главное, не заглядывайте в бочку…»

Каюсь, я заглянул в бочку. На дне ее плавала голубая звезда. Расплата последовала быстро, мне стало плохо.

Илья Ильф, 1920 г.

Вскоре после Нового года как-то утром пришел Иля и с некоторой таинственностью посвятил меня в планы создания кружка или ассоциации, поставившей задачу ни более ни менее как борьба с бездарностью, со всякой надутой посредственностью, пустозвонством и вычурностью. Кружок должен был, действуя тайно, выявлять и высмеивать бездарность во всех ее проявлениях. Основным оружием избирался смех. Однако нужна была эмблема для этого сообщества, нужно было имя. Мне предстояло изобразить этот символ. Иля предложил в виде эмблемы силуэт свиньи и тут же его нарисовал, как всегда, очень легко, одной линией, не отрывая руки от бумаги.

Я предложил для большей таинственности расчертить силуэт квадратами, получилась «Шахматная свинья». Это название осталось.

Основателями были Муза, ее подруга Муня, Илья Файнзильберг и я. Собирались привлечь еще несколько близких друзей. Была намечена первая жертва – некий молодой поэт. Ему был послан анонимный вызов на свидание. Свидание состоялось в одном из скверов. Незнакомкой был переодетый девушкой один молодой юноша, подходящий для этой роли. Он был снабжен шляпой с полями и вуалеткой, принадлежавшими Музе.

Первое свидание прошло благополучно. Но на втором пылкий поэт довольно восторженно обнял незнакомку и – о, ужас – грудь, конечно, искусственная, стала грозить падением. Нашему доверенному пришлось спасаться бегством от своего пылкого поклонника, он успел нас предупредить о грозящей катастрофе, и пришлось нам, поскольку мы были поблизости, выступить на сцену. Все кончилось общим весельем и смехом.

* * *

Так в Одессе начинался Илья Ильф, замечательная мемориальная доска которому работы Александра Князика украшает приземистый дом на Старопортофранковской, 137.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Проза

124 **Тая Найденко**
Охота со смыслом

132 **Александр Бирштейн**
Плата за все

139 **Эвелина Шац**
Хвала лености

143 **Анна Михалевская**
Титко Йон

147 **Вадим Чирков**
Субстаныч

Тая Найденко

Охота со смыслом

На бабу Серега охотился впервые, хотя был уже опытным добытчиком.

И на зеленого медведя ходил, и на огненного ежа бывало, и на лису-тирамису силки расставлял удачно. Однажды завалил даже целого дельфина в лесу – сохатого, на каждом роге не меньше пяти отростков! А вот на бабу ходить пока не случалось.

Старшие мужики объясняли, что охотиться на бабу не опаснее, чем, к примеру, на волосатую кобру. То есть риск для жизни есть, а иногда и выжить получается. Но вся штука в том, что вот ту же кобру изловишь, сложишь в камин, разожжешь хорошенько – всю зиму тепло! И смысл понятен. И баба должна быть также – со смыслом. А иначе бери себе девку ручную да и не страдай ерундой зря!

Серега был мужик хоть и молодой, но с понятиями. Зря не страдал. Но и брать девку душа у него не лежала. Всю зиму он ходил по соседским сараям, присматриваясь к девичьим выводкам. Предлагали ему и рыжих, и черных, и золотистых, даже одну полосатую – из гибридных. Хорошенькие девки, ручные, к ногам льнут, ластятся, а все не то.

– Ну что тебе, дураку, не подходит?! – ругался дядя Галыч, сердито сплевывая чух-чух-кору. – Возьми уже первую, какая на тебя посмотрит, и воспитай под себя! Характера у девки все равно же нет – разница только с мордочки.

– Вот, может, мордочки мне и не нравятся… – бормотал Серега, и сам не особенно понимавший, в чем тут загвоздка. – Все они лисьи какие-то…

– А тебе что же – как у медведя харю надо, с пятаком и шипами?

– Не надо, как у медведя. Бабу хочу! – ответил однажды Серега решительно.

И сам тут же поверил. И понял, что не переубедится уже, пока хотя бы одну не изловит.

– Ого! Бабу ему, значит! – ответил тогда Галыч и покрутил верхнюю пару усов свирепо. – А смысл?!

– Ну на кой мне смысл, Галыч? А вот девку вашу мне точно не надо! Ни породистую, ни пятнистую, ни полосатую…

– На кой, на кой! А чтоб не рукой! – передразнил Галыч. – Дурак ты хвойный, Серега… Баба без смысла – как член без коромысла!

– А член без коромысла – как сопля повисла! – бодро отозвался Серега.

С дядей Галычем он сдружился давно, знал все его прибаутки назубок, мог и сам часами травить. А то и песню затянуть дня на три. Сказку с продолжением мог три года рассказывать – не пробовал пока, но знал точно, что смог бы. А вот без бабы, которую придумал себе по рассказам охотников, и даже место отвел ей мысленно в доме – на пушистой подстилке, у самой постели, – без этой выдуманной бабы Серега уже не мог.

Ясное дело, что Галыч, как ни противился дурной затее, но отпускать его на опасную охоту в одиночку не стал. Прихватил мешочек чух-чух-коры побольше, луковое ружье, сеть конструкции «мать-перемать» – да и двинулся на рассвете в лес вместе с Серегой. Сам Серега гордо вышагивал впереди налегке, с одной только дубиной.

На пятый день охотничьих поисков задора у них поубавилось – охота не шла. Хотя по пути и удалось защекотать пару ценных мыльных бобров, что само по себе было редкой удачей. Их ароматные тушки Галыч аккуратно уложил в свой мешочек, без сожаления распихав чух-чух-кору, над которой так трясся обычно, по грязным карманам. И тут же предложил поворачивать обратно к дому.

– Сам видишь, Серега, не идет баба, не сезон… Да и ты – без смысла, с дубиной одной! Вернемся, а там на следующий год попробуем…

Вопреки его ожиданиям Серега не спорил, не огрызался и не укорял. Просто кивнул молча и зашагал дальше.

– Да куда ж ты, еж-поймешь! – крикнул Галыч с досадой. – Давай хоть бобра поделим!

– Да забирай все, – процедил Серега сквозь зубы.

Дядя Галыч забежал вперед него, ухватил за плечи, остановил – и отступил, смутившись. По щетинистой щеке Сереги бежала слеза. Не скупая и прозрачная, мужская, которую прилично испустить в компании, а стыдная – личная, с теплым фиолетовым блеском.

– Эх, дурак ты хвойный… Ну ничего! Если рожа скисла – уже полсмысла! – подбодрил Галыч, отводя растроганно взгляд. – Ну, не реви! А то и я сейчас тут… что мы!… как фиолетовые эти, что ли…

И тут он присвистнул тихонько:

– Слышь, Серега?.. А мы ведь прямо на бабьей тропе и стоим! След старый, но водопой у них тут поблизости, ус даю!

– Ты б не разбрасывался усами, Галыч! Всего-то шесть штук и осталось… – пробурчал Серега, украдкой отирая щеку рукавом.

Но дядя Галыч уже не слушал его, а увлеченно шел по тропе, вглядываясь в одному ему понятные приметы. Вдруг замерев, он поманил Серегу рукой и забормотал сосредоточенно:

– А теперь слушай всерьез! Самое опасное у дикой бабы – ядовитое жало под языком. Его мы, если повезет, уже дома вырвем. А пока нужно хватать покрепче и сразу пасть ей заматывать плотно. Когти ее тоже страшные, но после них рана хоть и долго, да заживает. А вот жало – ядовитое до жути, понял?

– Понял! – кивнул Серега, чувствуя, как от азарта и страха волосы на затылке становятся колом.

– И баба должна быть дикая, чисто дикая. Если крикну, что одичалая это, – беги, не связывайся!

– Так вроде ж все они дикие, Галыч?

– Все – как дерьмо в овсе! – ухмыльнулся дядя Галыч. – Один срет, а все тянут в рот!

– Понял. Не все, значит…

– Вот то-то же! Та, которую уже ловили, а потом она опять в лес попала, – одичалая считается. И эти – как собаки лесные, опаснее волков! Хитрые до жути и мужиков уже не боятся. Ловить станешь – не поймаешь, а поймаешь – до дому не доведешь, в дом за-

тащишь – не уснешь от страха, а уснешь – не проснешься больше! Ты вообще кумекай, что не зря у нас на три сотни мужиков только у кузнеца Зверя баба и есть…

Серега припомнил мысленно кузнеца и его суровую грудастую бабу. Девки в сараях выли и закрывали глаза от страха, когда она шла мимо, порыкивая и щурясь на прохожих. В узде ее бешеный норов держал только кузнец. И если девка после смерти хозяина покорно и радостно шла в новый дом, то про кузнецову бабу все знали: случись с ним что – бед с ней не оберешься. Хорошо, если сдохнет сама с тоски. А могла и взбеситься. Или сбежать в лес обратно, забыв своего кузнеца, как страшный и сладкий сон. И если однажды вдруг появится в ее дикой привольной жизни другой мужик, то припомнит она ему и все плохое, что было с кузнецом, и все хорошее, чего она с его смертью лишилась…

– Двум бабам не бывать, а одной не миновать! – гаркнул Серега, отгоняя мрачную мысль. – Давай, Галыч, веди по тропе!

Дядя Галыч молча кивнул и повел его за собой. Бывалый добытчик, он тоже, хоть и нехотя, но поддавался азарту охоты на редкую дичь. Вот поредели немного деревья, а вот тропа, и правда, сбежала с уклоном к реке – на водопой. Тут позади послышалось шуршание с треском веток, и Галыч ухватил Серегу за ворот, увлекая за собой в укромное место за поваленным деревом.

И на тропе показались бабы. Укутанные в длинные волосы, они казались крупнее и выше привычных девок. А может – и вправду были. Взгляд Сереги пробежался по цепочке из десятка стройных фигур и разочарованно заметался. Бабы были интересны, по-своему хороши, но ни одна из них не стоила ни пятидневного похода, ни долгих ночевок на сырой весенней земле, ни даже прорвы чух-чух-коры, употребленной за время этой охоты. Хорошо хоть, что попался тот мыльный бобер, и домой теперь идти не с пустыми руками!

И тогда появилась она. Не выше и не толще других, те же руки да ноги, а только – другая. И за то, чтобы именно эта лежала на его пушистой подстилке, казалось простым и разумным отдать всех мыльных бобров этого леса и пол-Галыча в придачу. Серега прикрыл глаза и понял, что не может вспомнить ни масти ее, ни цвета глаз, ни хорошенькой мордочки. А только вся она стояла

у него перед глазами – как лес, как весеннее солнце над лесом, как мир – целиком.

– Берегись, Серега, я одичалую вижу… – прошипел Галыч, и стало ясно, что он давно уже тормошит младшего охотника, пихая в плечо.

– Не страшно, Галыч… Все путем… – откликнулся Серега рассеянно. – Главное, что свою бабу я приметил! Она! Ус даю…

– Нет у тебя еще усов!

– Твой ус даю, Галыч, – она!

– А ну, ткни пальцем, которая…

– Эта! – указал Серега радостно.

И тут Галыч, забыв про все, как новичок в первый раз на охоте, встал во весь рост и крутанул ладонью у виска, проорав с досадой:

– Дурень ты хвойный! Одичалую бабу он приметил! Тьфу! Ты еще медведем камин растопи, а бобрами будем воду носить, да?!

Спугнутые криком бабы сбились в стайку у воды и взволнованно зашипели, поправляя длинные волосы. И только одичалая – та самая, его лес, солнце и мир – вышла вперед, сердито оскалив белые клыки и щуря злые глаза.

– Эта! – снова сказал Серега, прямо глядя охотнику в лицо и чувствуя, что не сможет и не захочет отступить.

– Мать-перемать! – завопил Галыч. – Да мать-перемать!!!

Серега не сразу понял, что то не обычная прибаутка, а команда подать немедленно хитроумную сеть. А одичалая баба тем временем уже мчалась на них с оскаленной пастью, выставив длинные когти, и он, несмотря на весь страх, любовался ею с почти хозяйственной гордостью. Как хороша была посадка головы, как упруго перепрыгивала она препятствия и ловко приземлялась, как завораживал свет расширенных в ярости глаз, как блестели густые роскошные волосы…

А все же Серега был опытным охотником. И успел растянуть сеть «мать-перемать», и перехватить дубину в руке поудобнее. Но и баба оказалась хитра, безошибочно выбрав Галыча как жертву попроще. Прыгнув на охотника, она повалила его наземь и впилась острыми зубами в открытую шею. Галыч рычал и брыкался, пытаясь оторвать ее от себя, но баба держалась крепко, как жручий репей. Пожалуй, тут бы и оборвалась славная жизнь

лучшего в этих краях шутника, не подоспей Серега вовремя набросить сеть…

«Мать-перемать» делалась из кукожи и была хороша тем, что выбраться из нее не мог никто. Кроме, конечно, самого охотника, вязавшего сеть и точно знавшего, в каких укромных местах крепкие кукожные узлы соединены обычной кожей. Надрежь там и сям – и сеть слетит, как и не было. Впрочем, случалось и охотнику попадать в собственную «мать-перемать» так крепко, что и тайных узлов не найдешь, и со стыдом звать на помощь товарищей.

Но только никто не спешил одичалой бабе на помощь, и скрутившая ее сеть держалась крепче, чем нос на лице, – не сорвешь. Сообразив это, баба перестала кататься по земле, зато исхитрилась и на редкость метко плюнула Галычу в глаз, чем напугала его до полусмерти.

– Ах ты ж ядовитая тварь! – взвыл охотник. – Серега, помру я теперь! Век волка не видать – сдохну! Дай хоть зубы ей напоследок выбью, гадине!

– Ну дай гляну… ну какого ежа ты воешь, Галыч? Глаз цел, не течет, не краснеет… ни следа яда не вижу!

– Тогда, может, и выживу… – смирился Галыч внезапно, но тут же дернулся и ухватился рукой за свою в кровь искусанную шею. – Давай теперь зубы ей бить!

– Не дам, – ответил Серега так тихо, что сразу стало ясно: не даст.

– Ну так дай хоть посмотрим, что за дичь ты тут на меня добыл, как на приманку! Ах, хорошо, крепко ее сетью скукожило!

– Вроде крепко, – согласился Серега. – Ослабить бы…

– Ты слабину не давай раньше времени, успеешь еще! Вон, смотри, говорю же тебе – одичалая… и ошейник на ней, и браслет на ноге хозяйский…

Обойдя кругом сеть с пойманной одичалой, Галыч поморщился и сердито зажевал горсть чух-чух-коры, добытую из кармана. Затем обернулся к реке, где по-прежнему стояли дикие бабы. Часть из них с любопытством и беспокойством поглядывала на мужиков, будто волнуясь, что будет дальше. А остальные уже плескались в воде, и длинные пряди волос плыли за ними, как ленивые змеи.

– Так, выходит, я все-таки со смыслом ходил – раз баба споймалась? – спросил Серега. – Старшие мужики ведь учат, что без смысла – никак… Дядь Галыч, когда же смысл нашелся?!

– Смысл, смысл, – передразнил Галыч. – Выеживаются мужики перед молодежью. Из всех нас бабу-то один кузнец Зверь изловил… А ты его спрашивал про этот смысл?

– Нет… – растерялся Серега.

– А я вот – спрашивал!

– И что кузнец говорит?

– Что нет никакого смысла. И не было никогда. Ни в чем вообще. И что когда понимаешь вот это – будто пустая дыра в тебе появляется, аккурат размером с тебя. А потом – если не сопьешься, конечно, и если зеленый медведь не заест! – заполняешь эту дыру, чтобы как-нибудь опять… быть, что ли… Бабой заполняешь себя и Делом, которое для людей! Нет, постой… Или людьми для Дела?.. Запутал меня чертов кузнец!

– Так, значит, смысл – в бабе? – неуверенно переспросил Серега.

– Да откуда в бабе смысл?! В ней смысла не больше, чем в мыльном бобре! Или в тебе вот… Ты мыльным бобром когда моешься – пена идет?

– Ну…

– Воот! Это значит, что ли, что в бобре – пена?

– Да ну… нет пены в бобре, Галыч!

– Ага! В тебе, значит, пена-то?

– Да и во мне нету…

– А откуда берется? Девается куда? Как запасти ее?

– Да как пену запасешь?!

– Воот! Никак. Вот и нет пены. Смысла то есть. Иногда только бывает.

– От бобра?

– Когда от бобра, когда от бабы, но чаще от Дела случается... Так что давай, пока эта одичалая в сети надежно спутана, делом займемся – дубина у тебя крепкая, осмыслим ею нормальную бабу какую-нибудь!

– Нет уж! Я – эту хочу.

– Я те яйца кручу, потому что хочу! – взвился Галыч. – Вот заладил! Нормальные ж бабы вон на водопое, девки почти! А ну, тресни одну, какая на тебя смотрит!

– Ни-на! – закричала вдруг одичалая баба и снова задергалась, как бешеная. – Ни-на… на!

– Собачья похоть, зуб мне в локоть! – проорал Галыч то ли с ужасом, то ли с восторгом. – Еще и говорящая! Ну тебе везет – как лишай ползет! Видно, и кличку свою помнит – Нина…

– Ни-на-да! – повторила баба чуть тише и четче, мотнув головой.

Серега сделал осторожно пару шагов, опустился перед ней на колени и медленно протянул руку ладонью вверх. Маленькая ладонь, протянувшаяся навстречу сквозь сеть, оказалась мягче и легче пены. Баба положила свою руку поверх Серегиной, и он кивнул Галычу:

– Эта!

– Не надо, значит, – усмехнулся Галыч, расправляя усы. – Значит, эта… Так вот что я тебе скажу, дурак ты хвойный!..

– Ну?

– А скажу я, что весь мыльный бобер, что мы с тобой добыли, – теперь мой! Порадую свой старый зад и другие печенки! А ты теперь пену вон из бабы своей добывай!..

Серега улыбнулся, готовясь ответить Галычу в тон, но тут все трое вздрогнули одновременно и втянули головы в плечи от дикого рыка и стона, разнесшегося над лесом. Мощному первому голосу вторил другой – не менее звериный, а все же тоньше и звонче.

– Зеленый медведь по весне гуляет, – пояснил Галыч, выдыхая спокойно. И подмигнул, ухмыляясь: – Похоже, со смыслом!

Александр Бирштейн

Плата за все

В зале ожидания кучковались священники. Их было человек пятьдесят. Баулы и сумки служителей культа стояли как бы в очереди подле дверей, через которые пускают на таможенный и прочие досмотры. Но дверь была закрыта. Рейс задерживался.

«Интересно, а что попам в еврейских местах делать?» – подумал он. А потом все же сообразил.

Прочие пассажиры, в основном евреи, тихонько прощались с родственниками. Некоторые из них имели вполне нормальный вид. «Никогда б не подумал, что евреи!» – решил он.

Стали пускать. У стойки таможенника он попытался расслабиться. Кажется, ему это удалось, ибо тот, скользнув наметанным глазом по полупустой сумке, разрешил:

– Проходите!

Он облегченно вздохнул. И… поступил в распоряжение молодого человека, стоящего за пюпитром с какими-то бумагами. И началось!

– Куда конкретно едете? Кто паковал багаж? Как добирались в аэропорт? Кем вам приходится пригласивший?

– Лучший друг! – ответил он и нехорошо усмехнулся.

Лучший друг… Еврей – лучший друг! Дожил! В страшном сне такое не увидишь. Нет, что-то в этом мире перевернулось!

С Генрихом, соучеником по институту, приславшим гостевой вызов, он в Израиле видеться не планировал. Еще чего не хватало! Специально взял билеты так, чтоб пробыть в Израиле не больше одного дня.

– Вы ж ничего посмотреть не успеете, а такие деньги потратите! – ужасалась мымра из турфирмы.

– Разберусь! – глупо ответил он тогда этой дамочке.

– Цель поездки! – тем временем не отставал въедливый молодой человек.

– Посещение могил родственников! – ответил он, как учили.

Ответ понравился, и молодой человек налепил зеленые квадратики на обложку паспорта и сумку.

– Проходите, пожалуйста!

Сдав сумку, он прошел паспортный контроль, потом рамку. Все! В накопительном зале уже имелось довольно много народу. Причем объем, занимаемый евреями, показался очень большим. Священники просто в нем терялись.

«Вот племя!» – неодобрительно подумал он.

Потом купил чашечку эспрессо и сел за столик.

* * *

Цель поездки… Если б он ее знал… Встретиться. И… Сказать, сказать… Он представил ее глаза, полные слез, и в душе что-то запело.

А ведь двадцать пять лет прошло! Нет, двадцать пять будет завтра! Серебряная свадьба! Кстати, и штамп в паспорте имеется. Паспорт менялся, а штамп он оставил. Зачем?

Евреев он не любил! Всегда! Не ненавидел – больно жирно им будет, а именно не любил! Как назло, их было довольно много. Особенно в их группе в институте, куда он поступил, приехав из маленького городка в той же области. Его раздражало то, что эти самые нелюбимые евреи все время лезли со своей дружбой. Как этот, как его, Герка, приславший вызов.

Уходил он, уходил он от любого сближения. Даже учиться хорошо стал и ходил на все лекции, чтоб не просить конспекты!

На работе в режимном институте, куда попал по распределению, евреев, слава Богу, не было. Да-а, закрытый почтовый ящик – это здорово! Плюс зарплата, плюс блага… Через три – три! – года он получил квартиру, еще через три смог купить машину!

Родители по-прежнему жили в своем городишке. Виделся с ними редко. Но деньгами помогал. А что, жалко? Деньги-то были.

Вообще-то, жил довольно скучно. Случались, конечно, какие-то женщины. Но они хотели замуж. И он с ними расставался.

Единственным местом, куда ходил регулярно, был стадион. Глядя футбол, он отдыхал, и даже сил вроде набирался.

Там-то и Лену встретил. Ух, как она болела! Залюбуешься! Он и залюбовался. Даже на поле забывал смотреть!

«Какая красивая!» – подумал тогда. И еще подумал, что, кажется, еврейка. И отмахнулся сам от себя.

На следующий матч, сам не зная почему, взял билет на ту же трибуну. И увидел ее. И обрадовался. Место его было на два ряда ниже. Так что приходилось оглядываться. Часто… Он ловил себя на этом и сам на себя сердился.

А на третьем матче они познакомились. И он пригласил ее отметить победу «Черноморца».

Через месяц Лена переехала к нему.

И началось… счастье!

Счастье? Но она же еврейка!

– Я прощаю ей это! – говорил он себе.

Что прощаю? Зачем прощаю? Что за чушь, вообще? И он сам понимал, что это чушь. И все путалось. И он отмахивался от себя.

Что вы знаете? Он даже жениться хотел! Он! Хотел! Жениться!

А она отказывалась!

Главное, любила, любила его! Но отказывалась. А когда он настаивал, начинала плакать.

* * *

В самолете место оказалось у иллюминатора – повезло! – он сел, сразу же пристегнулся и закрыл глаза. Евреи расползались по салонам, поглотив священников, шумя и суетясь.

Они не давали думать-вспоминать, и это злило.

Наконец самолет взлетел, все как-то успокоилось…

Разносили напитки. Он отказался. Потом привезли еду. Он отказался тоже. Не хватало еще есть их еду… Хотелось одного – покоя. Но покой не приходил.

* * *

Когда Лена забеременела, он обрадовался.

«Теперь никуда от ЗАГСа не денется!» – ликовал.

Лена же ребенка не хотела. Почему? Отчего? Он кричал, шептал, угрожал, переставал разговаривать…

Наконец она призналась, что собирается уезжать. Дважды уже подавала документы, дважды отказывали, но она очень надеется на третий раз. Времена-то меняются.

– А я? – поразился он. – А как же я?

– Тебя тогда не было! – плача, оправдывалась она.

Тогда он ушел из дома. Оставил все ей и ушел. Ночевал у знакомых…

Неделю спустя она дождалась его у проходной. Условием своего возвращения поставил поход в ЗАГС. Жена сотрудника была в районном ЗАГСе какой-то начальницей. Так что их расписали в три дня.

* * *

Самолет слегка запрыгал по бетонным плитам.

– Мы прибыли в аэропорт Бен-Гурион… Температура воздуха… +34 градуса…

Пассажиры, все, кроме него и священников, загалдели на каком-то непонятном, и оттого еще более чужом языке. Их вроде как бы больше стало…

Длинные-предлинные переходы, ожидание багажа…

Наконец все позади. Он вышел в немного душную, но яркую ночь.

– Как попасть в Иерусалим? – спросил он у первого попавшегося еврея. Тот объяснил быстро и толково. Он поблагодарил, отошел и только тогда понял, что разговор шел на русском языке.

«Воистину «на четверть бывший наш народ»! – усмехнулся. И тут же выругал себя: – Наш… Какой там наш?»

Поменяв доллары на шекели, сел в автобус. Вскоре автобус тронулся.

«А светло-то как!» – поразился, глядя в окно. Честно говоря, он рассматривал эту поездку еще и как акт мужества.

«Там стреляют, бросают касамы и взрывают!» – рассказывала дома пресса.

Но что-то никто не стрелял. И взрывов не наблюдалось…

Он успокоился и закрыл глаза.

* * *

Через двадцать два дня после того, как их расписали, она получила разрешение на выезд.

– Уеду одна, – сказала Лена, – а там нас станет двое!

– А я? – закричал он.

– Поедь, поедь, поедь с нами! – взмолилась она.

– Ни за что!

Дни превратились в войну!

– Оставайся! – молил он.

– Я тут жить не могу и не буду! – отвечала она.

Постепенно – а может, это только казалось? – любовь становилась ненавистью.

– Ненавижу! – кричал он.

Она молчала. Только смотрела на него темными сухими глазами. И говорила о том, что убьет плод.

– Давно пора! – кричал он. Сгоряча! Разве он соображал тогда что-то?

Как-то он не застал ее дома. На столе лежал пакет, а в нем драгоценности. И те, что у нее были, и те, что он ей дарил.

«Плата за все!» – было написано в записке. И он понял, что она уехала.

* * *

Гостиница оказалась рядом с автовокзалом. Дорогу показал какой-то солдатик с автоматом. Странно, но и он говорил по-русски.

Номер оказался вполне приличным. Он умылся, потом взял сумку и достал пакет, спрятанный в донышке.

«Завтра! – билось в голове. – Завтра я швырну ей это!»

Он, не раздеваясь, прилег на кровать и положил руки под голову. Самое смешное, что все-таки уснул. А очнулся, когда было уже светло. Торопливо схватив пакет и бумажку с адресом, выскочил на улицу.

«По Яффо до короля Георга, потом повернуть…» – конечно же, он наизусть знал то, что написано в бумажке.

Вот и скверик, где она гуляет каждый день. Но там пусто…

«Как же так?» – отчаялся он, а потом глянул на часы. Шесть утра…

Он сел на скамейку и облокотился на спинку.

* * *

Пакет вместе с запиской тогда положил в шкаф и попытался о них забыть. А заодно о ней. Получилось? Как сказать… Он ведь так и не женился с тех пор…

Вскоре после развала страны институт закрылся. Это не очень его огорчило. Имелись некоторые бизнес-планы, которые стал воплощать. Миллионером не стал, но на жизнь, можно сказать, хватало. Несколько раз хотел поменять квартиру – в его положении жить в однокомнатной хрущобе было неприлично. Но почему-то это не сделал.

Отдыхать ездил только на европейские курорты. Италия, Франция, Испания… Собственно, в Коста-Брава и встретил он Генриха. Тот почему-то обрадовался, приставал с воспоминаниями об институтских годах. К счастью, Генрих с семейством назавтра отваливал в свою Израиловку.

– Слушай! – сказал Генрих, уже садясь в такси. – А я твою бывшую жену каждый день встречаю!

– Как? – опешил он.

Дело в том, что Генрих действительно знал Лену. Он сам их познакомил, стремясь показать, что у него есть и еврейские друзья.

– Где? – спросил он, жарко глядя на Генриха.

– По дороге на работу! – пояснил Генрих.

– Где?

Воистину он тогда мог говорить только короткими словами…

И Генрих написал адрес сквера на бумажке. И ее адрес. Она жила рядом со сквером. А на другой стороне бумажки, на всякий случай, свой телефон.

Прилетев домой, он стал мечтать, как кинет пакет с цацками ей в лицо вместе с той запиской и уйдет. Навсегда!

О, как ему нравилась эта идея! Он даже унизился до того, что позвонил Генриху и попросил вызов…

И вот он тут…

* * *

Она вошла в сквер, толкая перед собой коляску. В коляске сидел жизнерадостный мальчишка.

Она почти не изменилась. Издали ведь не видны морщинки и седина в волосах… Но не это взволновало его.

«Ребенок! Она замужем!»

Вблизи мальчишка в коляске ему кого-то напомнил. Но кого, он от волнения вспомнить не смог.

– На! Ты! Забыла! – швырнул он к ее ногам пакет.

– Ты… – опешила она. И хотела что-то сказать, но губы не слушались, и она только показывала, показывала рукой на мальчика.

– Не прощу! – фальцетом прокричал он и убежал.

Это, наверное, выглядело смешным.

Выглядело… Смешным…

Автобус. Аэропорт. Контроль…

Наконец самолет.

Лицо пылало. Он вошел в туалет, пустил воду и приложил мокрые ладони к горящему лицу. Стало чуть легче, и он осмелился глянуть на себя в зеркало. А там он увидел лицо мальчика из коляски.

– Как же так… – растерянно бормотал он.

И тут, как возмездие или милость, пришло понимание того, что у него внук. И еще есть… он даже не знал, кто: сын или дочь…

А самолет летел, летел…

Эвелина Шац

Хвала лености

Лидерами станут страны, которые лучше других сумеют создать новый стиль жизни, включить паузу созерцания в череду дел, избавиться от лихорадки деятельности, от «блуда труда, который у нас в крови» (Мандельштам).

Григорий Померанц

«Все человеческие несчастья имеют один корень: неумение спокойно оставаться у себя в комнате», – говорил Паскаль.

Сказать *хвала недеянию* – сказать не точно. В официальном недеянии скрывается или пробуждается активное творческое мышление. Есть ли это недеяние? Преодолеть лень, чтобы воздать хвалу лени.

Хотя один художник (Младлен Стилинович, югославский концептуалист, 1947-2018) думал иначе. «Лень – это отсутствие движения и мысли, это время бездействия – амнезия. Это еще и безразличие, вглядывание в ничто, импотенция. Это и просто тупость, мука, бесполезное напряжение. Все эти добродетели лени важны для искусства. Знать о лени – этого мало, ее надо практиковать и совершенствовать».

Удивительно, как мир порой бывает насыщен иррациональными проявлениями жизни, опытом несказуемого, в котором будущее уже случилось, а прошлое можно изменить, вглядевшись *ленно* и *медитативно* во вдруг опустевшее вокруг пространство.

Западные художники (их Стилинович называет *производителями*) могли бы приобщиться к добродетелям лени, но не стали.

И это вопреки тому, что Дюшан и Малевич обращались к лени как в художественной практике, так и теоретически.

Впрочем, Дюшан не говорит о *лени*, а скорее – о бездействии. На вопрос, что доставляло ему самое большое удовольствие в жизни, Дюшан ответил: «Мне посчастливилось никогда не работать ради получения средств к существованию. Трудиться для заработка – с экономической точки зрения – занятие самое идиотское. Хочу надеяться, что когда-нибудь жизнь не будет принуждать нас трудиться. Большая удача, что я себя этим не замарал».

В свою очередь, Малевич: «Ленью перепуганы народы и преследуемы те, кто приемлет ее, и все происходит потому, что никто не понял ее как истину, заклеймив «матерью пороков», когда она – мать жизни»… Его предложение – сделать ее не матерью пороков, а матерью совершенства. Да, главный враг лени – чувство вины.

Работа – это болезнь, так думал Карл Маркс. Памфлет «Право на леность» французского марксиста, зятя Карла Маркса Поля Лафарга, весьма оригинален. Лафарг мыслит парадоксально… Кто еще из марксистов отстаивал право… на лень, отвергая при этом необходимость борьбы за… право на труд?

Я читала эту книгу лет 30 тому назад в оригинале. Но вот что я вычитала в русском Интернете о Лафарге.

«В памфлете «Право на леность» Лафарг показал причины формирования общества потребления, о котором так много написано и сказано: «Ввиду этого двойного безумия трудящихся, ввиду того, что они надсаживаются над чрезмерным трудом и прозябают в воздержании, – великая проблема капиталистического производства заключается не в том, чтобы найти производителей и удесятерить их силы, но в том, чтобы открыть потребителей, возбудить их аппетит и привить им искусственные потребности». «Все наши товары подделываются для облегчения их сбыта и сокращения их существования, – отмечает Лафарг. – Наша эпоха будет названа веком фальсификации, как первые эпохи человечества получили названия каменного века, бронзового века от характера их производства». Если 130 лет назад в Европе наступил «век фальсификации», то в какой век живем мы, когда кажется, что в мире нет ничего настоящего?

Так что же видим? В то время как машины совершенствуются и с непрерывно растущей быстротой и силой вытесняют человеческий труд, рабочий, вместо того чтобы соответственно продолжить свой отдых, удваивает усердие, точно он собирается соперничать с машиной. Лафарг считал лень «матерью искусств и добродетелей».

На французском языке памфлет Поля Лафарга впервые был напечатан в 1880-м году. Он стал еще более актуальным после того, как президент капиталистической России Владимир Путин 29 марта 2013 года подписал указ о возрождении в России звания «Герой труда».

Тут же возникает прообраз Обломова – самого обаятельного мифологического героя русской культуры. Кстати, о Штольце никто и не поминает. А у самого Гончарова было прозвище «маркиз де Лень».

Бертран Рассел писал в эссе «Похвала праздности» (*In Praise of Idleness*): «Я хочу со всей серьезностью заявить, что изрядное количество вреда в современном мире приносит вера в добродетельность работы, и что дорога к счастью и процветанию лежит через организованное сокращение работы».

А ведь о пользе лени знали дзен-буддисты и философы. Высший философский принцип даосизма – у-вэй, или «недеяние»: «человек, обретший истинное духовное просветление и мудрость, проходит по жизни, прикладывая минимум усилий».

А сколько книг написано во славу лени и праздности, и *ведь не самыми ленивыми людьми*, пишет в своем эссе «Мне лень…» Маша Слоним.

В Англии уже много лет выходит или выходил журнал The Idler («Бездельник»), названный вслед за серией эссе Сэмюэля Джонсона, который составил *Словарь английского языка,* написал огромное количество стихов, прозы и критики и… восхвалял праздность: «Праздностью… можно наслаждаться без ущерба другим, а потому ее не остерегаются, как Мошенничества, которое ставит под угрозу личное имущество, или как Гордыни, которая по природе своей ищет удовлетворения в принижении другого. Праздность – тихое и мирное качество: оно не возбуждает ни зависти – хвастовством, ни ненависти –

противостоянием, а потому никто не удосуживается ограничивать или преследовать ее».

Интересно было бы побеседовать на эту тему с Татьяной Черниговской. Ведь нейрологи утверждают, что в состоянии безделья мозг испытывает чувство покоя и освобождает какие-то связи и сети, давая нам возможность мечтать и творить. И быть счастливыми.

Анна Михалевская

Титко Йон

Моя квартира – это вокзал. Отсюда уезжают, сюда приезжают, и здесь все время чего-то ждут.

Так думала я, затыкая уши по самые барабанные перепонки и пытаясь готовиться к экзамену по геометрии. Остался один билет, я никак не могла понять аксиому и решила вызубрить. Но где там!

Звонок разрывался, глуховатая бабушка Ирина пускать гостей не спешила. Взахлеб лая и буксуя на поворотах, на звук уже мчалась болонка Сильва, а за ней пятеро щенков. Но те двери открывать пока не умели.

Аксиому придется отложить. Я захлопнула тетрадь и пошла встречать гостей.

На пороге стояла тетя Франя в кокетливой шляпке и наброшенном на плечо шарфе-марабу. Она кивком поздоровалась и, задрав подбородок, прошла в кухню – дефиле безбожно портила Сильва, которая то бросалась в ноги, то норовила лизнуть ладонь.

– Франю! – бабушка заулыбалась и засуетилась.

На вылинявшем, некогда голубом кухонном столе оказались все запасы холодильного шкафчика, включая малосольные огурцы и свежее клубничное варенье.

– Титко Йон, мушу тоби росповисты… – начала Франя, и обе бросили на меня заговорщический взгляд.

Ну и ладно. Я поплелась в свою комнату и с обидой дернула ролик. Мы готовились к ремонту года два – старые дверные ручки сняли, а в дырки продели веревку, на обоих концах болтались колесики детских роликов. Друзья посмеивались над нашим

ноу-хау, я смущалась. Тогда мы еще не понимали, каким живым и настоящим бывает все временное.

Я привычно заткнула уши, но аксиома не давалась. Пришлось подслушивать. Это было нетрудно – громкий шепот тети Франи и бабушки разносился далеко в соседний двор…

У бабушки семь братьев и сестер, у дедушки – десять, и семья каждого прошла через нашу квартиру. Титко Йон, так прозвали бабушку острые на язык домашние, первой обустроилась в довоенной Одессе. И потянулась сюда родня из Студеной, затерявшегося на границе с Молдавией украинского села. Все останавливались у Ирины. Спали на сундуках, жили в тесноте, пировали варениками с жареным луком, учились, влюблялись в одних соседок, женились на других, рожали детей. Уезжали. Приезжали. Вместе радовались, вместе скорбели. И говорили – обо всех, – протягивая ниточки к самым дальним, самым слабым…

Микиту, старшего брата, кулачат – отбирают дом и нехитрое хозяйство. Взрослые возвращаются с поля, а дети сидят на пороге уже чужой хаты. И надо сниматься с места, куда-то ехать, все начинать сначала. И уехали, и начали, и потеряли детей в эпидемию «испанки», и родили еще двоих. Микита живет на чужбине и мечтает вернуться в Студеную, а когда на старости лет садится в поезд, не успевает доехать – заболевает в дороге. «З Микиты мае буты вчэна людина, а з Данило – одэський жулик», – говорит священник в Студеной. И оказывается почти прав. Талантливым учителем становится сын Микиты, Алексей. А второй брат, бесшабашный Данило, колесит по всей Украине, только на склоне жизни оседает в Белоруссии…

Одноглазая сестра Варвара, уперев руки в боки, говорит мужу Йосипу: «Лэжы, лэжы! За лэжы не дають одэжы!». Йосип отмахивается и снова берется за Библию. Один из немногих грамотных на Студеную, он толкует Писание и читает молитвы за всех, кто просит… Про «одэжу» печется одинокая сваха Федора: она собирает котомку и едет в Минск – торговать, в дороге ест один хлеб, пирожки не покупает, дорого.

Дочь третьего брата Прокипа, Сулуния, еще только строит дом на опушке леса – кругом пшеница и васильки. Она потеряет мужей в войне – первого на фронте, второго в тылу. И останутся

дочери – Люба и Франя. Спасая детей от голода, Сулуния украдет сноп пшеницы – ее осудят на семь лет. И Люба будет справлять свадьбу без матери…

Коля, младший брат, женится на самой красивой девушке Студеной, Мане. Разводится. Вторая жена – самая некрасивая в селе, Вера. Живут душа в душу, пока Коля не уходит на фронт. Навсегда. Бездетная Маня опекает семью Коли. Когда нет забот по хозяйству – ездит по большим городам. Идет босая по заснеженному Ленинграду, восторженно смотрит на дворцы и мосты. Люди жалеют ее, дают обувь, а она с улыбкой отвечает: «Мэни не холодно, мэни нэ трэба!»…

В общем вагоне не протолкнуться – Оксиния и Степан, уже дедушкина родня, возвращаются в Студеную. Их обкрадывают, забирают одесские гостинцы: рубашки, платочки, конфеты – в селе такого не сыщешь… Сходят с поезда, идут через лес. Дорога долгая, украденного не вернешь. И они делают то, что делали всегда. Степан играет на сопилке, Оксиния пританцовывает и подпевает…

Голоса на кухне переплелись с воспоминаниями, и я уже не понимала, что слышала раньше, а что сейчас. «Надо выучить этот билет», – вяло подумала я, глазея на желтые шары цветов за окном, – их семена бабушка привезла еще из Студеной. Надо. Но не получается…

– Ирина! – вдруг истошно закричала тетя Франя.

Я вскочила, выбежала в коридор. Раскрасневшаяся Франя в сбитом набок марабу лихорадочно рылась в сумке.

– Грòшы украли!

И мы все – бабушка, я и пять щенков – бросились искать деньги. Бабушка со страхом, а вдруг не найдем, я с облегчением – есть повод забыть про геометрию, щенки – за компанию. Перерыли квартиру вверх дном – ничего нет. Ну как ничего, кроме нашего гармидера.

Франя вскинула голову и обиженно поджала губы. Весь ее вид говорил: «От вас, титко Йон, я такого не ожидала!». Я в растерянности принялась бродить по кухне. Наткнулась на странно притихшую Сильву. Та, понимая, что ее застукали с поличным, замерла, зажимая между лапами недоеденный кружевной платок.

Из платка торчали свернутые трубочкой новенькие пятерки и двадцатки. Еще пока целые. Не давая собаке опомниться, я выхватила деньги. Челюсть Сильвы клацнула в миллиметре от пальцев.

В общем, грòшы мы тете Фране вернули, но уехала она недовольная. Может, Сильве надо было извиниться, но собака даже не вышла прощаться… Впрочем, тетя Франя быстро оттаяла. Каждый Новый год она присылала в дождливую декабрьскую Одессу огромную елку. А с ней – запах леса и праздника. Елки оказывались слишком высокими даже для наших сталинских потолков – тетя Франя делилась всем с лихвой…

На экзамене мне выпал билет с той злополучной аксиомой. Как ни странно, сдала его на отлично – повторив вызубренное… Тогда казалось, что гости нашей квартиры и их разговоры – это фон к моим важным делам: книгам, влюбленностям, учебе и дискотекам. Хотелось сосредоточенности и самостоятельности. Но что можно знать в пятнадцать о важных делах?

Ролики давно заменили обычными ручками – квартира пережила не один ремонт. Но временами, когда вхожу на кухню, я вижу стол с голубой столешницей, бабушку в ситцевом платке, она сидит в самом теплом углу, положив руку на радиатор. Босоногая Маня хлопочет у плиты. На пороге неловко топчется сгорбленная под тяжестью мешка Федора – никто уже не вспомнит, сколько ей лет, и сколько из них она тащит этот мешок. По коридору летит суматошная Франя, с шиком перебрасывая через плечо шарф-марабу. Нараспев, как Йосип Библию, читает древняя Варвара газету. А в зале пляшет Оксиния – мелькает из-под рясной юбки вышитый подол… На вокзале всегда так. Одни ждут, другие уезжают, третьи приезжают. Через нашу квартиру до сих пор проходят поезда – в прошлое и будущее большой бабушкиной семьи.

Я слушаю стук колес, гомон тысяч голосов и все еще пытаюсь понять аксиому. Хоть к геометрии она не имеет никакого отношения.

Вадим Чирков

Субстаныч

В том южном Городе, который я в одном рассказе назвал Веселым, все-все-все пишут стихи. Стихи в нем пишут:

Повар, врач, художник, пекарь,
Слесарь, токарь и столяр,
И учитель, и аптекарь,
Гробовщик, портной, маляр,
Банщик, мэр, швея, сапожник,
Часовщик и музыкант,
Парикмахер и пирожник…
И, в надежде на талант,
Пишет их официант
На салфетке, на бегу,
К трем столам неся рагу…

Я потому перечислил стихотворцев в рифму, что и сам, конечно, как все, стал писать там стихи. Это – писание стихов – было обязательно. Если бы я не начал писать их, меня б там в упор, что называется, не видели, ни в каком доме не принимали, ведь поговорить-то, в сущности, со мной было бы не о чем.

О погоде в том Городе, конечно, тоже говорили, но предпочитали стихотворной строкой:

Как Вия веки, тучи тяжелы,
И Солнца взгляд и зол, и искрометен…

Такова этого города особенность. Вполне вероятно, из глубины земли под ним идет какое-то излучение, что вызывает у его жителей стихотворный зуд. А может быть, сам Пушкин заразил одесситов своей «высокой болезнью», посвящая стихи Елизавете Ксаверьевне Воронцовой, в которую был влюблен.

Смешно, но даже местный выпивоха, направляясь в известное заведение, бормочет:

Свет струится неземной
Из окна моей пивной…

А когда в тамошней гостиной вдруг произносится слово «политика», поэты – других, как я уже говорил, в том городе просто нет – механически начинают искать рифму к нему и быстро находят: «Идите-ка…». На этом обычно разговор о политике прекращается, но кто-то уже наборматывает стихотворение с этой самой точной рифмой и потихоньку заносит его в блокнот…

Ну, этот текст шутливый, хотя всё, что было сказано о Городе, чистая правда, – а я настроен на серьезное.

*

Я вышел в мир, едва зачавший утро,
Один. Один – и все со мною. Ты,
Незримая… Минуту за минутой
Перебирают пальцы темноты.
Душа – еще поэт, а не прозаик –
Не прячется ни в платье, ни в пальто,
Но знает мир, как больше не познает,
А может быть, не познавал никто.
Легка, чиста еще первооснова,
И в сердце – нет сомнений, нет заноз,
Еще никто не тронул сути слова,
Его никто еще не произнес.

До написания этого изумительного стихотворения Игорем Павловым еще несколько десятков лет, а пока…

А пока мы сидим с ним на скамейке Александровского сквера, где-то году в 60-м прошлого века, летом, в июне…

Мы с Игорем оба бедны, но если он беден *абсолютно*, то у меня в кармане всегда находятся трояк-пятерка, и когда мы случайно встречаемся-сталкиваемся на Пушкинской или Преображенской, непременно спускаемся в белокафельный винный подвальчик и выпиваем там по стакану-другому «смеси», смеси сухого и крепленого вина, которой в те годы освежали глотки и мозги одесситы. После этого мы идем в Александровский сквер, садимся на скамейку и начинаем тот или иной интереснейший разговор.

Бедны были мы с Игорем, бедно было все наше окружение, и ясно, что тема заработка волновала наши умы. Часто говорилось в компании о том, например, что за киносценарии платят бешеные деньги… Ага! Кому ж еще писать их, как не нам, связавшим жизнь со словом, с сюжетом, метафорой, с неожиданным ходом мысли, на какой горазд этот южный Город!

И вот, сев на скамейку, Игорь предлагает мне немедленно взяться за киносценарий.

– Есть идея, сюжет? – спрашиваю я. – Давай их сюда. Я тоже включу мозги, будем развивать. Скроим план – и поехало!

– Кто ж так пишет сценарии! – пылко возражает Игорь. – Их сейчас пишут так: я сообщаю первую строчку, ты – вторую. И – поехало, как ты говоришь. Вот моя… – Игорь смотрит направо, налево, что-то замечает и произносит первую строчку будущего киносценария: «По аллее сквера бежал, размахивая пухлым портфелем, молодой человек…». Теперь твоя очередь…

Молодой человек с пухлым портфелем действительно пробежал мимо нас и, попав на улицу, тут же свернул налево и исчез.

– Ладно, – говорю я. – «За углом его поджидали двое мужчин в кепках, руки в карманах».

– Это Голливуд, детектив. Стрельба, мордобой. А сейчас мода на физиков и лириков. На ветку сирени, которая стучится в окно. Мне нужна другая строчка.

Я недолго думаю, потом мотаю головой:

– Что-то сегодня не до ветки сирени. Какая-то ерунда мельтешит вместо нее. Мне нужна все-таки идея. Пусть хоть сперва

туманная, после туман разгоним. И вообще, думаю, так сценарии не пишут.

Мы немного спорим, но чье-то время уже вышло, жмем друг другу руки и расходимся. Сценария не получилось, и в последующие годы мы его, сидя на скамейке в сквере, не придумаем.

Не знаю, кем работал тогда Игорь, то есть где зарабатывал на хлеб. На хлеб, уточню, без масла. С килькой, например. Был, например, маляром? Выполнял какие-то мелкие художнические работы? Стучал молотком?.. Почему-то это – работа каждого – нас не интересовало. Нам было о чем поговорить. Ахматова, Блок, Маяковский («накачанные поэтические мускулы»), Олеша, «…По рыбам, по звездам проносит шаланду…» Багрицкого, редко долетавшие до нас строчки Пастернака…

Но, кажется, Игорь одно время рисовал портреты… покойников. В своем районе он, успев поучиться на художника, чисто случайно слепил себе удачную рекламу. Как-то из крохотной фотографии умершего старика он сделал по просьбе сына этого старика портрет маслом: неважный, понятно, но – холст, но – масло, но – рамка. «Патрет!» Знакомому работа понравилась (в музеях он не бывал даже на экскурсиях, организованных предприятием), и сын покойного стал показывать портрет соседям. Тем тоже захотелось увековечить своих предков, от которых остались плохонькие фотографии, где лицо было иногда с копейку, и наш районный портретист некоторое время был и занят, и обеспечен заработком. За работу он получал то небольшие деньги, то продукты: картошку, вяленую, соленую или свежую рыбу, даже муку и сахар, даже вино и сало – это зависело от того, кем был заказчик. И тогда в его комнатушке – начинался пир, на который приглашались люди Круга, поэты, которых не печатали, художники, чьих холстов никто не покупал.

Веселый зубоскальский треп вдруг переключался на виновника события и получал неожиданное направление. Игорь был отчеством Иванычем, отсюда и шло состязание приятелей-зубоскалов: Гурманыч, Диваныч, Румяныч, Хоттабыч-Хотябыч, Сатирыч (отличался едкими характеристиками имяреков), Посапыч, Растяпыч (вечно безработный, плохо одетый), Спи-

ритыч (был членом нескольких спиритических обществ), Субстаныч (стихи его – некая субстанция, витающая над ним ночами, одной из ночей он написал 70 стихотворений!), тут же Сутаныч…

Избяныч (темная комнатешка с небелеными стенами и потолком), Усталыч, Задирыч… И наконец – Диаблов (от Павлова), что тоже подходило – как и все перечисленные – к внешности и манере поведения Игоря, не избегавшего в разговорах инфернальных тем.

(Прозвища взяты из книги Ефима Ярошевского «Провинциалный роман-с», хотя многие я слышал в доме Игоря или от завсегдатаев его дома.)

Читались стихи, свои и чужие. Свои не имели никакого отношения к жизни и беднейшему быту Круга – в них царили любовь, полет, облака, что-то парящее над головами поэтов: «Ты пришла, озарив этот вечер…», «Охота близится. На лис…» (Какая охота? Какие лисы? – **В. Ч.**), «В недрах слов, в глубинах подсознанья Таятся ослепительные зданья…». Это, конечно, Ярошевский.

Я в начале говорил о манере Игоря работать по наитию, без видимого сюжета. Он родил все же сюжет – и какой! Усталыч не согласился с трагической судьбой Сизифа – вкатывать и вкатывать на вершину горы тяжеленную глыбу камня, который непременно загремит к ее подножию (может быть, увидел краем сознания свое с Сизифом родство?), не согласился и рассказал в стихотворении о непростительном просчете греческих богов: камень, летя с горы и бьясь о скалы, терял все больше от своих боков, трескался и в конце концов рассыпался на мелкие осколки!

Хоть вноси поправку одесского поэта Игоря Павлова во все тексты, где говорится о Сизифе!

Я приехал из Кишинева в Одессу и зашел к Игорю. Картина, которую я увидел, открыв дверь, была прелестна. Старый диван развален, посередине его возлежит Игорь, к нему припали три молоденькие девицы, Игорь вещает что-то такое, от чего девицы млеют.

Мэтр, златоуст! Пух на голове, впалые щеки, беззубый. Святой! (Или, может, Диаблов, по Ярошевскому?)

Я присел на диван (широкоплечий, с целыми зубами, хорошо одетый), чуть возмутился несоответствием обожания Избяныча юными созданиями и слегка погладил голую ножку одной из девиц. Как она фыркнула! Каким гневным взглядом меня окатила! Как нежно снова припала к плечу Субстаныча!

Действительно – кто он такой, этот кишиневец? Еще неизвестно! А вот он, он, Игорь, «чья душа еще поэт, а не прозаик», он любим, чтим, обожаем!..

К юбилею Михаила Пойзнера

154 **Олег Губарь**
«Моя броня и кровная родня»

156 **Евгений Голубовский**
Роман о настоящем человеке

160 **Феликс Кохрихт**
Я благодарен тебе

162 **Михаил Пойзнер**
Очень одесские истории

Олег Губарь

«Моя броня и кровная родня»

Миша. Мишаня. Михаил Борисович Пойзнер…

Подробно, много и часто говорю и пишу о нем: о его семье, книгах, работе, добрых делах, приключениях и т. д. и прочее. Потому что надо мне. Но повторяться тут не хочу и не стану. Сейчас – лишь о самом значимом.

Мне по-доброму звидуют. Мне часто говорят: «Такой друг – большое и редкое счастье». Это правда, я счастлив, я сказочно везуч. Мы больше чем друзья, мы родные люди. Миша – мой старший брат. А о родных людях трудно говорить объективно и трудно говорить в принципе: слишком близко к сердцу. Не расскажешь, как болит душа, когда знаешь о его неприятностях, сложностях, неразрешимых проблемах. И это тем горше, что мои-то проблемы он решает всегда, беды отгоняет, за меня в огонь и воду, ничего не требуя взамен и даже себе в ущерб.

Если бы не было этой дружбы, этого родства, я, наверное, так никогда ничего бы и не узнал о настоящей дружбе как таковой. Это и невероятный, неоценимый жизенный опыт, и, что называется, подарок жизни. Возможно, самый главный.

Разумеется, дружба, как и любовь, не может быть измерена в килограммах, джоулях, динах, канделах, не говоря уже об условных единицах. Знаю только, что никогда не сумею компенсировать отданное им. Сколько мне еще положено, столько буду жить с чувством до конца не возвращенного долга, но в безостановочном старании и стремлении его вернуть и, пардон за пафос и патетику, быть достойным этой дружбы.

Мишаня, ты со мной, я с тобой!

VGS
ODESSA
Gustul amar
al Victoriei

Евгений Голубовский

Роман о настоящем человеке

20 августа исполнилось 70 лет моему другу, удивительному человеку, скромному настолько, что становится неловко: все мы про себя, про других, а про него…

Я мог бы сказать, что он собирает все про жизнь Маяковского и про Илью Эренбурга.

Я мог бы сказать, что он знает все песни про Одессу, и поставил мемориальные доски лучшим композиторам-песенникам.

Я мог бы сказать, что вчера говорил о Пойзнере со Жванецким, и Миша сказал, что как бывший портовик он не знает лучшего специалиста в нашем городе.

Я мог бы сказать, что Пойзнер – ближайший друг Олега Губаря. И это характеризует и того, и другого.

Мог бы, мог бы… А вот что действительно скажу…

Только пыль, пыль, пыль из-под шагающих сапог… Эти хрестоматийные солдатские строки Киплинга я недавно ощутил как совсем другую метафору. Если каждый уезжающий из Одессы уносит ее на своих сапогах, то как не представить себе – только пыль, пыль, пыль от шагающих сапог, и так над всем миром – Германией и Австралией, Штатами и Израилем, Южной Африкой и Канадой – пыль, пыль, пыль Одессы…

Город, уносимый ветром, унесенный ветром…

Марево, мираж, в котором, как в детском калейдоскопе, мелькают Дерибас и Воронцова, Беня Крик и Остап Бендер, рыбачка Соня и безымянный Рабинович…

А ведь было все это, было!

И смешение ста наречий, и шаланды с кефалью или со скумбрией, и гениальные вундеркинды из школы Петра Соломоновича Столярско-

го, и особый язык, на котором разговаривали и на Ближних Мельницах, и на Большом Фонтане…

Было и прошло? Исчезло? Нет, ушло в глубину, как бы в иной археологический слой. Но стоит вслушаться, вглядеться, дать себе труд поработать душой, как в городе, все больше напоминающем какую-нибудь Большую Булдынку, оживает Одесса, проступает сквозь камни домов, угадывается в улыбках людей…

Один из тех, кто не ленится работать сердцем, кто не на словах любит Одессу, а действенно, подвижнически, отдавая ей время, энергию, нервы, – краевед и коллекционер, ученый и – отличный – литератор Михаил Пойзнер.

Как интересно было бы написать о семье Пойзнеров, укоренившейся в сердцевине Одессы – на Молдаванке. Как важно было бы предоставить слово коллегам Михаила Пойзнера, которые рассказали бы о нем как об ученом, теоретике и практике, заботящемся о морских портах и их причалах. Меня же привлек Михаил Пойзнер – коллекционер, сумевший собранные им коллекции о Леониде и Борисе Пастернаках, о городе времен оккупации, о еврейской Одессе, ее быте сначала осмыслить, а потом претворить в литературу, в тексты, хранящие колорит вечности, воспитывающие и любовь к Одессе, и уважение к одесситу.

У Михаила Пойзнера оказался абсолютный слух (плачь, школа Столярского, что ты потеряла такого ученика) к звучащей Одессе, и он дает нам возможность окунуться в стихию живой речи, оставшейся в генной памяти настоящих одесситов. У Михаила Пойзнера оказалось абсолютное зрение (плачь, институт Филатова), и он подмечает грустное и смешное в обыденном. У него оказалось доброе сердце. Его подслушанные и подсмотренные истории учат рыцарству, столь характерному для старой Одессы, он не стесняется быть в них чуть сентиментальным, чувствительным, если хотите.

Есть старый одесский анекдот. Умирает глава семейства, пришли проститься с ним дети, внуки, правнуки

– Абраша есть? – спрашивает он.

– Есть!

– Сарра есть?

– Есть!

– Соломон есть?

– Есть!

– И Циля тут?

– Тут!

Но в глазах главы семьи появляется тревога. И тихим голосом, превозмогая смерть, он спрашивает жену:

– А кто в лавке остался?..

Уже в начале семидесятых – с ширившейся эмиграцией – анекдот завершали фразой: «А кто остался у синхрофазотрона?».

Я знаю, и потому спокоен, что «в лавке» остался Миша Пойзнер. А значит, не мираж старой Одессы, а ее подлинный облик будет донесен до нас, живущих в XXI веке, более того, его рассказы и рассказики внушают мне надежду, что старая Одесса – это юная Одесса, которая сама по себе есть предисловие к великолепной Одессе, как писал, как завещал нам Александр Михайлович де Рибас.

Одесса действительно разнесена сегодня на подошвах сапог по всему миру. Но у этого всемирного государства есть столица – Одесса, построенная 225 лет назад на берегу Черного моря. И она останется столицей Одесского государства до тех пор, пока здесь будет играть на фортепиано Алексей Ботвинов, копать античные слои Андрей Добролюбский, изучать пушкинскую эпоху Олег Губарь, писать и рисовать художник Григорий Палатников, составлять картотеку художественной жизни города Ольга Барковская, Татьяна Щурова, Алена Яворская, редактировать «Дерибасовскую – Ришельевскую» Феликс Кохрихт, смотреть и слушать, а затем записывать подсмотренное и подслушанное Михаил Пойзнер.

В конце концов, все мы работаем только лишь для того, чтобы люди оставались людьми, одесситы оставались одесситами, а Одесса не растворилась в Большой Булдынке.

Михаил Пойзнер не только безупречно слышит, остро видит, нежно сопереживает, но и владеет сложнейшим искусством трагикомедии, когда смешное вызывает слезу, а грустное заставляет верить в счастливые концы. Одним словом, все это можно было бы назвать профессионализмом.

Но есть еще другое словцо, не менее точное – одессизм.

Когда улыбка не обижает, когда точное словечко приклеивается на всю жизнь, а чужая жизнь вдруг становится не менее знакомой и значимой, чем своя любимая.

Так это всегда делалось в Одессе.

Так тут жилось. И – естественно – так тут писалось, пишется и будет писаться не всеми. Но Михаилом Пойзнером будет.

В этом году выйдет его новая книга. Полный Александр Козачинский. Уже сделал иллюстрации к «Зеленому фургону» Г. Палатников. Уже найдены Пойзнером ранние редакции киносценария и неопубликованные рассказы. Уже написаны статьи А. Яворской и Н. Панасенко. Но главное – Михаил Пойзнер завершил работу над эссе «Мой Козачинский»…

Кто утверждал, что романтики исчезли? Пишите романы о Мише Пойзнере, настоящем человеке.

Феликс Кохрихт

Я благодарен тебе

Готовясь к юбилею Михаила Пойзнера, мы решили, что каждый напишет о нем то, что хотел бы сказать при встрече, и это поможет автору мадригала наилучшим образом выявить для себя и других те свойства личности и натуры нашего друга. А это вовсе не просто – он «академик и…». А дальше – подставляйте в пушкинский зачин о Петре Великом: и мореплаватель, и крупный ученый, и великолепный практик в деле лечения и спасения причалов, и знаток одесской жизни, особенно кварталов, прилегающих к Староконному рынку, и писатель… Обо всем этом и о многом другом уже написали мои коллеги и друзья, и вы уже читали их размышления о Михаиле Борисовиче, Мише, Мишане.

Случилось так, что я последним из членов редколлегии пишу о нем, уже зная вышеуказанные тексты. Признаюсь, вздохнул с облегчением – никто из нас не повторялся в своих письмах другу. Мне выпала удача рассказать о том, о чем собирался сказать Мише давно.

– Книги, рассказывающие о том, чем были для Одессы и ее жителей четыре года (1941-1944), созданные тобой и твоими единомышленниками, заставили меня и других детей войны вспомнить и вновь пережить события, изменившие судьбы наших семей. Многие мои родственники погибли на фронте, при бомбежках Одессы, но самая страшная участь ждала тех, кому не удалось вырваться из осажденного города, – они стали мучениками, погибшими от рук фашистов и их прихвостней.

Я откликнулся на твой призыв, обращенный к тем, кто пережил войну и жив поныне, – опубликовал в нашем альманахе воспоминания о том, что пережили в военные годы мои родители и брат, вся наша семья. Представь себе, что нашлись и откликнулись те, кто был участником разных событий тех лет – и горьких, и суливших надежду, и радостных. К примеру, я наконец узнал, как погиб один из моих дядей по отцу,

вспомнил с однолетком, как 9 мая 1945 года мы, мелкие пацаны из дома 6 по Садовой, выбежали на улицу, услышав оглушительную пальбу, и обрадовались тому, что не надо было ховаться в погребе: это курсанты военно-морского училища салютовали в честь Победы.

Мне выпала честь вести презентацию вашей – уже второй книги об обороне, оккупации и освобождении Одессы .Знаю, что в твоем уникальном собрании материалов о том времени есть еще немало тех, о которых еще предстоит поведать нам и всему миру. Надеюсь, уверен в том, что их прочтут те, кто пережил эти годы. Надеюсь быть с ними и с нами в этот день в Золотом зале нашего Литературного музея.

Михаил Пойзнер

Очень одесские истории

Партбилет за номером…

Был у меня приятель, старше, наверное, на лет пятнадцать. Его отец, старый коммунист, полковник-танкист, прошел всю войну. Имел кучу наград, был представлен даже к ордену Суворова какой-то степени! А где-то в конце 44-го, когда получил известие, что вся семья погибла в оккупированной Одессе, «отказали тормоза» (во всех смыслах), и его танк наехал на колонну немецких военнопленных… Может быть, тогда понять его еще можно было. В результате разжаловали до капитана и про «Суворова» навсегда пришлось забыть…

Почему я так подробно?

При таком отце мой приятель воспитывался в строгости, в духе преданности отечеству и, особенно, партии. Сразу после нашего политеха работал по энергетической части в какой-то крупной строительной компании. Сказать, что он был фанатом электричества и всего вокруг этого, – это ничего не сказать. За глаза его даже называли примерно Вольтметром. Короче, чудак, в голове вместо жизни – сплошные провода, дозы, кабели, амперы и омы.

Где-то в самом конце 80-х на эту строительную организацию наехало легендарное ОБХСС. И ничего тут странного. В строительстве всегда воровали, воруют и будут воровать. А в Одессе тем более. Задержали начальника и главного бухгалтера. Случайно попался на глаза мой приятель. Запуганный и несобранный, глаза бегают… Короче, подозрительный. За компанию взяли и его. По внешнему виду – слабак, чуть нажать – и сразу расколется, да и других потащит…

Они-то не знали, что всю жизнь, если его чему-то и учили, то строгому уважению к закону. Мой приятель не сопротивлялся. Но в тот злополучный день как раз давали зарплату, а значит, коммунисты платили партвзносы. Как быть с партбилетом?! Он и попросил подвезти домой, с тем чтобы оставить партбилет в надежном месте. Но не тут-то было. ОБХССник закурил, прищурился и жестко скомандовал: «Ничего! Посидит с партбилетом!». Как обычно, кинули в КПЗ, по известному многим печальному адресу – ул. Советской Армии (Преображенская), 44.

Уже на вторые сутки вызывали «скорую», на третьи – он был одной ногой уже не на этом свете. Допросы ни к чему не привели. Единственное, что он мог рассказать детально, так это про напряжение, нулевую фазу, и что нужно делать, чтобы током не стукнуло…

Отпустили с большой неохотой.

И тут только все началось. После работы каждый вечер он писал и писал. Писал всем и везде. В десятки адресов… Писал туда, куда даже в бреду не догадаешься написать… Писал одно и то же, одно и то же: «*…С каких это пор членство в партии стало формальным делом? Кто позволил оскорбить и унизить партбилет за номером таким-то… Партбилет, за который мой отец…*». Про свои мучения в КПЗ он и не думал напоминать.

Начались не просто звонки с самого-самого верха… Несчастные работники ОБХСС на всех уровнях руководства, устно и письменно, многократно приносили ему извинения. То и дело оправдывались и отнекивались. Приходили даже не с пустыми руками (!), слезно уговаривая больше никому не сигнализировать.

Он жаждал партийной крови…

Ему даже выплатили «с походом» (!!!) за те трое суток отсидки! Тут народ забывает обо всем, лишь бы выпустили. Кто думает за те деньги? Он подумал…

И еще неизвестно, чем бы все это закончилось, но как раз в 91-м закончилась сама партия. И теперь уже наехали не только на его партбилет – для некоторых многих еще какое движимое имущество…

Спустись на землю…

Хочешь – не хочешь, а от одноклассников отделаться не так просто. Все-таки школа связывает надолго, все-таки какое-то общее прошлое…

Вот и у нас был одноклассник, который достиг больших высот по научно-педагогической части. Заведовал какой-то кафедрой в нашем политехе, даже был каким-то профессором и всё вокруг этого. По жизни же он оставался таким, как в школе много лет назад, – сплетником, трусом и шкурой. Люди с годами не меняются… Никогда никому ничем не помог, не выручил, не поддержал… Даже и не пытался. Зато измывался и умничал перед студентами, унижал и подсмеивался.

У другого нашего одноклассника, Валеры, сын поступал в аспирантуру как раз в политех. При этом среди прочего надо было еще подготовить реферат как раз по тематике, которой занимался наш профессор-одноклассник. Пошли к профессору. Тот, даже не дослушав, с порога, мягко говоря, отказал. Да и еще прочел целую лекцию о своей глубокой внутренней порядочности и незапятнанной репутации.

Возникла грозная пауза…

Пришлось взять дело в свои руки. Сразу культурно выставил Валеру из кабинета. Прикрыл плотно двери, оставаясь один на один с нашим профессором: «Послушай, дорогой! Я всецело на твоей стороне! Я бы ему еще больше сказал, а скорее всего, прогнал бы… Иметь наглость, зная тебя, обращаться именно к тебе по такому принципиальному вопросу… Но… Тут есть одно большое «Но». Этот Валера – хорошо пьющий (по правде, Валера вообще не пил). Причем очень хорошо пьющий… Долго не надо, сейчас наберется, вернется, начнет стучать во все двери и даже окна. Будет твердить всем одно и то же: «*Где этот долбаный профессор?! Проиграл в карты две бутылки водки и спрятался?! Все равно найду… Его мать…*».

Я сделал паузу, чтобы дать время на осмысление. Затем продолжил: «…Тебе такое надо? И что ты будешь с этим делать? С такой биографией?! Дай, что просит, и пусть забудет твой адрес!».

Наш профессор не просто побледнел, у него не просто задрожали руки…

Этими же дрожащими руками через полчаса он передал Валере прототип злополучного реферата.

От греха подальше…

В Одессе не обманывают…

…Приехали к нам гости из самой Англии! По-русски говорят довольно сносно. Поселились в «Лондонской». Хоть я и обещал их проводить назад, но пришлось срочно уехать. В последний вечер все же уделил какое-то внимание, поделились впечатлениями. Они от города в восторге…

В свое оправдание сказал, что здесь до аэропорта минут 20-30. Мол, подойдете к дежурной на «Reception» и просто закажите такси. Тут вижу, они как-то сникли: «А мы уже подходили… Сказали, будет стоить 100 долларов».

Даже у меня подкосились ноги. Как $100?! Что тут ехать?!

Быстро взял себя в руки. Говорю, может, не так вас поняли? Все-таки языковой барьер… Может, какие-то не совсем понятные русские обороты… Дайте, говорю, слово, что подойдете уже не на «Reception», а прямо к администратору. И все будет в порядке.

Такое слово я получил.

Как только мы разбежались, тут же набрал по мобилке администратора гостиницы: «Как к вам обращаться?». В ответ: «Марина…». Я строго: «Марина – это вы дома. Имя, отчество и фамилия?».

Я жестко насторожил (если не перепугал) ее: «А я представлюсь потом, если понадобится…». Теперь насторожилась она…

«Что же происходит? – начал я. – Мы всем городом лезем из себя, чтобы у англичан осталось хорошее впечатление… А вы одним мазком вытерли наш двухнедельный труд… Какие 100 долларов? За что? И кому?! Не задавайте лишних вопросов. Поднимитесь в такой-то номер и исправьте сложившуюся вами ситуацию».

Резко отключил мобилку.

…Через два дня, уже из Англии, мне позвонили наши бывшие гости: «Долетели нормально. Спасибо за внимание… А вы тогда были абсолютно правы! Мы сразу же связались с администратором. Надо сказать, она была настолько любезна, что сама пришла пожелать нам счастливой дороги. И представьте – вся поездка обошлась всего 120 гривен (!)».

Я перебил: «По-другому и быть не могло. У нас в Одессе никого никогда никто не обманывает».

Как убиваем нервы…

…То один праздник, то другой. То одни угостили, то другие. То ты угостил. До бесконечности… И вот во время очередных угощений мой приятель внезапно вспомнил, что у него уже пятый день как в зубе лежит мышьяк! Так раньше во временно запломбированном зубе убивали нерв. Женщины за столом завыли! Мол, от этого может быть полное отравление! Мол, вот-вот уже на горизонте почти похороны с отпеванием. От всех этих воплей приятель мой и сам хорошо перепугался.

Тут подвернулся и я с машиной. Срочно везу в ближайшую стоматологическую поликлинику – на Сегедскую. К зубному очередь – конца не видно. Я было запричитал: «С острой болью, вот-вот – и всё»… Очередь единодушно: «Все с острой болью, всем вот-вот…». Никто не хотел пропускать…

В голове промелькнула здравая мысль. Беру его за руку, веду назад в регистратуру. В окошке женщина с достоинством. И опять очередь. Пробился к окну: «Женщина! Можно вас попросить выйти ко мне на минутку?». Она с недоумением: «Зачем мне выходить? Прямо спрашивайте – прямо отвечу».

А я говорить не могу, вокруг – уши. Опять буквально умоляю выйти. Уговорил. Я так тихо, на ухо: «Мой приятель – хронический эпилептик с крайними формами! А ему как раз к зубному, там очередь. Он уже стал нервничать, а как разнервничается – точно упадет при всех, ударится головой... Никакая «скорая» уже не поможет…».

Женщина мгновенно побледнела: «Что вы! Что вы! А с виду так никогда не скажешь… Конечно, конечно!».

Конечно, не скажешь! Здоровый увалень, водолаз, кровь с молоком! Про таких в Одессе говорят – ломом не убьешь.

Короче, берет его за руку и уверенно заводит в кабинет к стоматологу. По дороге ближайшему по очереди что-то говорит по секрету. Тот шарахается в сторону, делая большие глаза. Успевает, однако, намеками передать по очереди свой ужас. Очередь замолкает. Все участливо смотрят на моего приятеля.

Ну, слава Богу, все хорошо – мышьяк удален, жизнь вне опасности! На обратном пути очередь стоит, как стоят в минуту молчания…

Он категорически не может ничего понять. Что происходит?!

Пристает ко мне: «Что ты ей сказал? Нет! Что ты ей сказал?!».

Да ничего такого не сказал! Абсолютно почти ничего!

Обычный женский комплимент, но… с каким результатом!

За что уволить?

…В начале и даже в середине 50-х годов по решению партии город должен был активно помогать деревне. Из городских организаций направляли в села специалистов поднимать сельское хозяйство. Направляли иногда надолго, даже от полугода до нескольких лет.

Конечно, таких желающих в Одессе было немного. Их практически вообще не было. Однако «через не могу» надо было выполнять партийные разнарядки. Головой и партбилетами отвечали первые руководители предприятий…

От нашей конторы должны были направить сразу двух специалистов на срок около двух лет. Директор, бывший работник обкома партии, по своим каналам уговорил направить одного. Но где взять хотя бы этого одного?

Душеспасительные беседы с сотрудниками ни к чему не привели. И тут один после нажима внезапно согласился! Это был старый холостяк, к тому же, проживавший в служебной квартире…

В назначенный день он явился на построение и перекличку в райком партии. Человек со списком громко называл организации и фамилии направляемых в колхоз. Наконец-то дошла очередь и до нашего представителя. Наш парень основательно

подготовился! На нем был ярко-кремовый костюм в крупную клетку, на голове – соломенное канотье, на шее – бабочка, в руке – элегантная трость…

Выкликнули: «Павлов!».

Павлов сделал шаг вперед. Учтиво раскланялся, чуть приподнял канотье, раскрутил трость и резко вонзил ее в землю…

Картина напоминала Одессу времен нэпа…

Присутствующие онемели…

Павлов вновь занял место в строю обреченных.

Когда перекличка окончилась, сам первый секретарь райкома партии позвонил нашему директору: «…Вашу мать! Чем вы там занимаетесь? Это вы так понимаете важнейшее решение партии по направлению ответственных специалистов для работы в колхозах?! Кого вы направили?! Кто этот ненормальный?! Немедленно решить вопрос с заменой, а этого гнать в шею с работы! И никаких возражений, пока не положили партбилет…».

Сам Павлов недоумевал: «Что я такого сделал? Наоборот, пошел как на праздник. Надел новенький костюм, надел модную шляпу… А как обойтись без трости? Это прилично?! Какие претензии? За что уволить?!».

…В сложившейся ситуации уволить с работы его не могли. Как бы не за что… «По собственному желанию» – он не хотел. Пришлось хорошо подумать и уволить… по сокращению штатов.

А одессит Павлов только этого и ждал. По закону, если сократили, то за сокращенным сохраняется служебное жилье!

Получается, этот Павлов убил сразу двух зайцев – и в колхоз не поехал, и квартира в центре осталась за ним.

А насчет работы? Так работа дураков любит… Было бы здоровье…

Вахту сдал – вахту принял…

…Как-то еще каких-то пару лет назад поехали с моим приятелем Костей на Привоз за картошкой на зиму. А это целый мешок. Или два…

Едем, значит, по Екатерининской, поворачиваем на Эстонскую. Кругом люди, женщины, машины, бомжи, трамваи, меш-

ки, бездомные собаки… Короче, всё на всех лежит, всё на всех стоит, всё как-то хорошо соприкасается. Ну а где поставить машину, если негде даже ногу поставить? Надо ж будет еще таскать те мешки…

Тут в стороне слева показалась маленькая огороженная стоянка. Что-то типа парковки со шлагбаумом и смотрящим. Все по-взрослому! Резко рулим туда, а больше некуда. Костя сигналит вовсю! По стоянке нервно мечется парковщик. И я его понимаю. Что делать? Запускать – не запускать?! Свой или чужой?!

Костя настойчиво, не отрываясь, продолжает сигналить. Чья возьмет? В итоге шлагбаум поднят, наша машина буквально влетает на парковку. Мой Костя, работавший простым маляром (правда, когда-то в армии служил при штабе), жестом подзывает парковщика: «Как стоишь?! В коем веке полковник Костенко приехал, а ты так встречаешь?!».

Парковщик почти по стойке смирно: «ИзвиняюСЬ! Не узнал, не повторится… ИзвиняюСЬ…».

«Костенко» жестко: «Молчать! Чтоб ни шагу от машины! Как та злая собака на короткой цепи… Учти! Документы там важности государственной… Понятно?!».

С этими словами на ходу он бросает уже достаточно перепуганному парковщику… ключи от машины!

Теперь уже испугался я: «Ты чего? Как можно отдать ключи первому встречному?! У тебя мозги есть?».

Костя с усмешкой возразил: «У меня-то есть. А у тебя? Я же бросил ему ключи от своего *сарая*!..». При этом Костя подмигнул сразу двумя глазами: «Доверять людям надо! Доверять!».

…После нашего возвращения парковщик доложил почти по-военному: «ИзвиняюСЬ! Всё в полном порядке. Счастливой дороги!».

Костя лениво отреагировал: «Благодарю за службу! Свободен…».

Шлагбаум опущен.

Все на своих местах.

И Эстонская тоже…

Идиёт, я ж пошутил!..

...Так и не могу еще прийти в себя. Прямо тихий ужас...

Тебе скажу, но пока *ша*!

Только вот пролистал «Анну Каренину» – самый последний перевод с того русского на наш украинский.

И что ты думаешь?

Наконец-то наши впервые (!!!) таки указали, под какой именно поезд кинулась та Анна!

Чтоб тот Толстой был здоров! Что, он думал о людях? Подставил буквально всех – и машиниста, и смотрителя, и начальника станции...

А оказывается, она же кинулась под наш поезд «Одесса – Москва»!

Да, да... Под наш скорый 24-й!

А сколько скрывали...

Ну, правда, это тянется еще с когда еще переводили с того дореволюционного языка на их советский...

Так еще тогда специально упустили... Ну, мол, кому такие подробности? Ту Анну все равно не оживишь...

– Так что? Тот поезд и тогда тоже был 24-й?

– Идиёт! Я пошутил! Какой 24-й, 25-й, 26-й?!

Смотри глубже в классику!

То было даже не рядом с Киевом...

А ты таки полный идиёт... без надежды на выздоровление.

Хождение по мукам...

То, что в любой момент все может случиться, – этим давно никого не удивишь. А сегодня – так тем более... Хотя почему-то это приходит в голову всегда, когда уже что-то случилось. А у меня что, разве как-то по-другому?! Так шел через парк Савицкого, на 2-й Заставе. Шел к маршрутке – и всё. Теперь спроси меня, что я там забыл? И вообще, кто там ходит, когда уже начало хорошо темнеть? Что, нет другой дороги?! Ну, короче, шел себе и шел...

Почти на самом выходе из парка подходят сразу двое – два настоящих шкафа. Выпившие, но не сильно пьяные. Злые. Явно залетные, явно случайные. Как обычно: «Что там закурить?». Откуда? Я в последний раз курил взатяжку еще в 20-й школе, еще в пятом классе. Тут один, скрипя зубами: «Постой, постой! Опять, кажется, еврей (!!!) попался?». Так на меня с нажимом. Подпрыгивает с кулаками и глаза тут же наливаются кровью. У меня сердце и все остальное вырвалось наружу. Стою пустой...

Ну что отнекиваться? Что бежать? Куда? Кого звать? Опять куда? А до той маршрутки и до тех людей еще идти и идти. Короче, попался…

Перед глазами сразу отрывочно пробежало мое вот-вот приближающееся настоящее. Отобьют мозги или что-то там еще внутри. В лучшим случае, может, кто-то успеет вызвать «скорую»… А все это длилось, может, каких-то пару секунд, хоть показалось, что вечно.

Драться? Дрался я последний раз в классе шестом, может, в седьмом. А как кулак собрать? И что потом? Короче, ничего – «за», всё – «против». И куда уже назад?

Как-то быстро-скоро взял себя не то чтобы в руки – взял себя сразу двумя руками. И тут те мои руки автоматически коснулись цепочки на шее. Обычная цепочка – старый подарок одной старой подруги. Лежала-валялась та цепочка на подоконнике без внимания. Ну, когда-то набросил ее на шею, так и носил, и не брал в голову. От нечего делать даже перебирал руками. Ну так шло…

Ну как объяснить? Дрожь сразу отступила, как только в голове промелькнула спасительная мысль. А дальше – как-то уже по ходу само собой должно получиться. Все-таки те уроки с моей Пишоновской, Староконного и Дюковского – мимо не проходят. Все-таки экзамены на «одесскую зрелость» я там сдавал.

Ну и пошло. Внезапно для самого себя, на автомате, подался вперед: «Что ты сказал?! Вообще уже и глазами, и мозгами не смотришь?! Кто еврей?! Тà из-за таких всё так и происходит…». И что-то еще.

Дальше – больше, я надавил: «А ты когда последний раз заглядывал в Святцы?!». Чего именно это попало на язык? Голова тут

ни при чем. Видно, от перенапряжения. Сам-то я никогда те Святцы в глаза не видел.

Типа психанул, резко сорвал с себя и бросил под ноги цепочку: «На! Вот крестильный крест! А твой где?!».

На той цепочке вообще никогда никакого крестика не было, но кто при такой скорости мог что-то заметить?! Не обращая внимания ни на что, присел и начал лихорадочно искать в траве цепочку и… крестик. При этом повторял и повторял: «Грех это! Грех это… Грех!».

Те шкафы трезвели буквально на глазах. Практически в темноте тоже начали шарить в траве. Напрасно! Уже протрезвевшие «единоверцы» стали успокаивать: «Ну хлопец… Ну что ты так… Ну бывает… Ну возьмешь другой крестик…».

Я сел на траву, обхватил голову руками (а вдруг будут бить ногами): «Другой, другой… Он же серебряный! Грех это…».

И тут один из шкафов открылся: «Тà успокойся! Нà тебе 50 долларов. Ну, купишь серебряный…. Хватит 50?».

Надо было уже как-то заканчивать.

Я продолжал сидеть с закрытыми глазами, как вдруг почувствовал – что-то просунули в мой нагрудный карман.

Когда открыл глаза, рядом уже никого не было. Впереди замелькали теперь не такие уже далекие огоньки Мельницкой улицы, Джутовая, дальше Ивановский мост, а там и домой рукой подать…

А 50 долларов?

Что, это деньги?!

Это только вознаграждение за мое правильное «молдаванское воспитание». А вот на «ходить где попало» по одесским закоулкам даже мне пора поставить уже не крестик, а крест.

Настоящий крест.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Поэзия

174 **Анна Стреминская**
Поговори со мной о счастье

180 **Аркадий Гурович**
Калейдоскоп

187 **Ганна Ануфрієва**
Під вагою райдужки

189 **Анна Старко**
Моя религия понятна и проста

192 **Валерий Базаров**
Второе дыхание

196 **Лидия Григорьева**
Открытый текст

203 **Наташа Балаян**
«Опыт поэтический…»

Анна Стреминская

Поговори со мной о счастье

* * *

Церковь, базар, кладбище, психбольница…
В нашем районе все есть, что нужно народу.
Над базаром часто летают разные птицы,
кошки с собаками здесь живут в любую погоду.
Церковь Рождества Богородицы с серебристыми куполами –
маленькая церковь, настоятель – отец Григорий.
Там привлекают людей простыми, как соль, словами.
Вы – соль земли – говорят – забудьте про боль и горе!
Иногда приходят в церковь больные
из расположенной недалеко психбольницы.
Они чертят в воздухе знаки чудные,
гоняют бесов, что им мешают молиться.
А на кладбище – как Бог наказал:
там сирень и ангелы, там тихо и сладко спится.
Кладбище, церковь, психбольница, базар,
церковь, кладбище, базар, психбольница…

* * *

Вошла ты, резкая, как «Нате!»
В. Маяковский

Поговори со мной о счастье,
поговори со мной о доме,
где пряно пахнут ваши сласти.
Дорога к дому так знакома…

Хоть я ни разу не была там –
там счастье по утрам клубится,
и ставит на полу заплаты
свет и расцвечивает лица,
и зажигает все букеты
на всех столах в веселых вазах,
и где подслушивает лето
за завтраком твои рассказы…
А лица детские сияют,
и твой любимый варит кофе.
Писать стихи не нужно, зная,
что жизнь сама слагает строфы
о том, как светятся на солнце
льняные кудри, шерсть собаки,
что жизнь однажды пронесется,
но как она пьянит, однако!
Вошла я, резкая, как «Здрасте!»,
чужою радостью влекома.
Поговори со мной о счастье,
ведь я с ним лишь едва знакома…

* * *

Оля плачет: собак моих потравили!
Собаки были мои друзья, меня любили
и грели.
Они и спали со мной, они со мной ели,
я с ними жила, хотя и жила вполсилы…

Их потравили солнечным днем на базаре –
они мешали продавцам колбас, покупателям
мяса.
Нищенке Оле об этом после сказали –
так, между прочим, ведь просто точили лясы.

Оля плачет: они меня так любили –
черный Мухтарчик и рыжая Жулька, и Степа!

В холодные ночи они на меня ложились –
мне было от них тепло. Такая я недотепа…

Оля плачет, и слезы ее затопили
все улицы и базар – океан любви и печали!
Любви, непонятной рубщикам сухожилий,
печали, непонятной продавцам мяса и сала.

* * *

Когда я иду на работу, на пляж, на базар,
Миша выходит на улицу, топчется возле ворот.
– На свиданье? – спрашивает, как будто смешное сказал –
растягивает в улыбке рот.

Я же бросаю: вольно! или кругом! или шагом марш!
Миша всегда отдает мне честь, как я прохожу.
И он марширует, пока я лежу на пляжу…
И это похоже на нарисованный кем-то шарж.

Но Миша делает все всерьез, и когда я иду домой,
Он отдает мне честь и внимательно ждет приказ.
– Со свиданья? – спрашивает преданный рыцарь мой.
В голове его много шалостей и проказ…

Он передразнивает мою походку, когда я спешу.
Мише лет девяносто. Он бодр и, наверно, здоров.
И когда эти строки в блокноте я ночью пишу,
я вдруг понимаю, что это, точно, любовь!

* * *

Стою у стенки я на остановке.
Вечерний дождик моросит лениво…
А по карнизу кот крадется ловкий,
и клен над ним трепещет сиротливо.

Мурал на стенке: принц и с ним лисенок…
И подпись: «За любимых мы в ответе!»
Признание в любви какой-то Соне,
еще призыв: «Читайте книги, дети!»

И надпись белой краскою: «Ты дура!»,
и про мирскую славу на латыни.
Рисунок неприличный – подпись «Юра»,
и что-то про вопящего в пустыне…

И объявление: «Накручиваем дреды!»,
и уверение: «Не дам уйти я мужу!»,
и откровение, что счастья в жизни нету,
снять порчу предложение к тому же!

Вот и трамвая красная фигура
на рельсах под дождем протяжным стынет.
Так что же мне? Наверное: «Ты дура!»
Еще возьму я изреченье на латыни.

* * *

На мне отдыхает природа…
Постель постелю ей красивую,
и может в любую погоду
она отдохнуть, говорливая.

Постель постелю ей удобную
да чай заварю ей жасминовый.
Поэты столичные, злобные,
мне скажут, что я справедливая!

И те поэтессы московские,
что пинают меня с наслаждением,
скажут мне: «Стихи твои – плоские,
и они – по мукам хождение!»

Но стихи мои – это боль моя –
каждой клетки души страдающей.
Стихи мои – колыбельные
для природы, на мне отдыхающей!

* * *

Я живу в коридоре между затмением солнечным
и затмением лунным.
Он похож на коридор коммунальный –
обстановка в нем нервная и напряженная.
Коридор завален всяческим пыльным хламом:

грехами, кармическими долгами, гештальтами
незакрытыми,
тарелками, в гневе разбитыми…
В этом пространстве атмосфера настолько плотная,
что ее можно резать ножом,
она настолько наэлектризована, что постоянно
бьет током.
Близкие люди готовы убить друг друга,
многие совершают поступки, которых
сами от себя не ожидали.
В голове у каждого то солнечное затмение,
то лунное,
лунное, а потом снова солнечное…
Как хорошо, что это только коридор,
а не гостиная, не кабинет, не спальня
и не постоянное место жительства…

* * *

Зверь бежит за другим зверем:
– Погоди, постой!
Мне нужно твое мясо, твоя горячая кровь.
Ведь я так хочу жить!

Рыба плывет за другой рыбешкой:
– Погоди, мне нужно твое прохладное
серебристое тело.
Мне нужно тебя проглотить –
я ведь так хочу жить!

Комар летит, запевает песнь
комариную…
Садится на чью-то нежную кожу.
– Погоди, дай мне напиться!
Дай мне разбухнуть от крови
твоей сладчайшей.
Капелькой крови я буду лететь и петь
гимн нескончаемой жизни…

Человек идет за другим человеком:
– Погоди, постой! Я жажду твоего тела.
Мне нужна душа твоя, исполненная любви.
Мне нужен твой смех, твой голос, твои глаза…
Мне нужны твои дни, твои ночи, уютные вечера…
Мне нужен твой ум, твои знания, опыт,
твое внимание и твоя забота…
Твой дом и деньги, твои вещи,
картины, книги…
Твой мозг, печень, сердце и селезенка,
твое мясо и твоя кровь.
Твоя жизнь мне нужна и даже твоя смерть.
Ведь я так хочу жить, я так хочу
быть счастливым!

Аркадий Гурович

Калейдоскоп

* * *

Из карцера стесненных мыслей
На простор,
Где глубина и даль,
И снесены границы, –
В них больше не упрется
И не огорчится взор!
Пусть нежность и любовь
На белые страницы
Запишут наш полночный разговор.
Все начисто.
Долой эскизы и наброски!
Заворожи нас, черный дрозд,
И пусть мерцают серебро и кварц,
И стразы от Swarovski,
Хрустальные зеницы звезд.

* * *

Как много лет сияет мне калейдоскоп
То вереницей появлений,
То чередой исчезновений, –
Мельканием разлук и встреч.
Воистину неутомимый гений
Дал мне умение терять или беречь.

Пусть вымышлена книжная княжна,
Свет лепестков, упавших на гранит;
Она по-прежнему со мной нежна
И мой очаг хранит.

А по ночам зачитанною книжкой
Губами влажными ей повторять дано
О сладкой спешке, удивительною вспышкой
Освобождающей горячее зерно.

И в этот краткий миг
Правдив и лжив
Я зол и добр.
И мертв. И жив.

* * *

Я рад, что неизвестно мне, когда
И где придет привал
Моих нехитрых странствий.
Отрезок прожитого времени
Прошьет дыру в пространстве –
Туда закатится моя звезда.

Теперь стыжусь,
Что мною двигал пламень
Пробиться в поэтическую знать.
И хорошо, что молчаливый камень
Один, и будет обо мне все знать.

* * *

Большие города,
И каждый со своим лицом.
Давно переступившие порог

Былых валов и стен,
Служивших оградительным кольцом.
Теперь они растут и вширь, и ввысь,
И все сильней магнит вождей,
Их свиты, их судей…
Ах, юность, ты была
Любовью шумных городов
С неисчислимостью людей,
Вернись!
Или хотя бы отзовись.

Как раньше нравилось сияние витрин,
Обилие закусочных и баров,
Театров, галерей, базаров
И площадей.
Безостановочный поток машин
Вдоль улиц и бульваров,
Воспетых бардами,
Залитых солнцем
И омытых чередой дождей.

Любовь к разгулу городов,
К концу подходит пир –
В каком-то незнакомом алфавите
Является ко мне
В так быстро изменяющийся мир,
Как Балтасару тех времен,
Предупрежденье на стене
Засильем несмываемых граффити.
А как я в юности здесь жить хотел…
Не знал, что окажусь
Среди татуированных
Мужских и женских тел.

Чтоб быть от Вавилона вдалеке,
Скорей из этого густого, вяжущего дегтя
Бежать к закату, что стыдлив и краснощек,

К реке, что серебристым локтем
Игриво липовую рощу тычет в бок;
И сено к вечеру с полей везут возами.
Там чудо с золотистою косой,
С застенчиво прикрытыми глазами,
А предо мной полураскрытый рот.
И долгий поцелуй.
И нетерпение жемчужною росою.
И вожделение распахнутых ворот.

* * *

В последний розыгрыш
Уйдет безгрешность набожных,
И перестанет раздражать
Небрежность набережных,
Покачивающих мачты яхт.
Печаль отчаливать
Под белых чаек взмах
И уходить в просторы океана,
И полоскаться в парусах
Позволить воле капитана.
…Вновь серость вод
Вернется к бирюзе,
И мир, как впредь, спокойствием объят,
Вздохнув вослед умчавшейся грозе,
Вдруг радугой обрадует себя.

* * *

С высокой башни вид захватывает дух.
Июльская жара располагает к лени.
Поближе к вечеру с овчарками пастух
Сгоняет стадо с выпаса в селенье.

Копыта взбили розовую пыль.
Закат. Уже расквакались лягушки,

А небо все никак не продырявит шпиль
Любимой всеми старенькой церквушки.

Но что это? Багровой пеленой
Опять взметнулась пыль. Горят амбары,
Сверкают ятаганы. Колокол шальной
Гудит тревогу. К замку скачут янычары.
От топота дрожит земная твердь,
Под пенье стрел в глаза заглядывает смерть.

А к ночи снова тишина. Огонь потух.
И воют обездоленно собаки,
Собравшиеся в буераке,
Где с вечера лежит зарубленный пастух.

* * *

Это было прошлым летом.
Ты блокнот мне подарила
В мягкой бархатной обложке.
С той поры я стал поэтом,
В нем пишу про то да се, –
Повстречал Самсон Далилу,
Шаркнул ножкой по-французски:
«Что за прелесть ваши ножки,
А глубокий вырез блузки
Говорит об очень многом,
Не показывая все».

Так что, девочки-подружки,
В магазинах канцелярских
Покупайте мне блокноты,
Убедительно прошу.
Я волшебником из сказки
Вам бальзам пролью на ушки
И о принцах белоконных
Непременно напишу.

* * *

Ночное небо – классная доска.
По звездной тьме пишу сияньем белым –
Взволнованным, дрожащим лунным мелом,
Что я люблю, что без тебя тоска.

И чувств поющих праздничный салют
Открыт для мира. Не храню секретов.
Ночное небо отдал Бог поэтам,
Вот и пишу, что я тебя люблю.

* * *

Рассвет пришел очередной.
Опять упреком предо мной
Белеет чистая страница:
А я еще от сна хмельной –
В нем снилось мне, как белизной
Сияла сказочная птица.

И целый день, как во хмелю,
Ничем не занят, словно сплю,
Чтобы еще раз насладиться.
Какие крылья, грудь и клюв,
И я во сне ее молю:
«Побудь еще со мною, птица!»

Приходит долгожданный срок,
Когда холодный Козерог
Тьму зимней ночи озаряет.
Снег за окном, как серебро,
И снова на моем бюро
Пришелица иного края.

Как будто легкий ветерок
Приносит в дом через порог
Сноп удивительного света,

И птица от своих щедрот,
Исчезнув, дарит мне перо.
А больше нужно ли поэту?

* * *

Воображение,
Не омрачи чела.
Пусть снова зажурчит
Ручей фантазий
О взбитых сливках с сахаром
Поверх малины в плоской вазе,
Чудесном украшении стола.
Начало лета. Сад.
А вот и золотистая пчела!

Лучи, я с вами падаю наискосок
Через листву,
Где нежится малина,
И он во мне, восторг пчелиный,
Когда уже на дно стекает сок.

Но более всего Lancôme Climat,
Незабываемый, как ягода,
Как сад.
Что более свело меня с ума:
Вид локона игривой завитушки,
Прикрывшей щеку и висок;
В ушах гудящие колокола;
И россыпь звездная, веснушки;
Иль ягоды нектар,
Иль твой небесный сок;
Иль собирательница липкого блаженства,
Пчела?

Ганна Ануфрієва

Під вагою райдужки

з крони дерева спадає листя
гілля навколо
пальці самі звиваються від зап'ястку
кожного дерева лист з'явившись росою
збирається у перлини
мурахи повзають по корі мого стовбуру
залишаючи дари і всі спогади марно
ніч вже за хмарами
тримаю цю мушлю
піщані крихти двостулкового панцира
вилуплюються із бусин намиста
невже це все діти зозулі

кут нахилу
звисаючої посмішки
продиктував ніс ока
у день плоскості
падаючого обличчя виразності у мари
відбувся видих гаснучого погляду
рисами розповсюдилося ехо
до збагачувальної кімнати
тіні нерухомо наслідують
у циліндрі зору
вирази змінюють консистенцію
кількістю подивів
тчуть мережеве марево
ніч – вуаль усьому накрила чоло

споруда передбачуваного рухається в такт із стрілкою зап'ястя /
безліч охоплювала мовлення скориною /
середовище з'являлося звідкілля /
впав крап / крап /
стискаючи до зникнення тяжіє дія /

ехо події спровокувало збільшення приголомшеної тиші /
складена присутність із щільних порожньотіл вже не перераховує спроб об'єднатися у місцевість /

потойбіч примхи в котре уповільнюється співзвучне 'дещо' /
уникнути прояв цей / ооо /
навмисності притаманне особи вздовж поривання нічне /

концентрація обставин узагальнює простір /
самовиявом розташовує з(у)середженість сегментарно /
вполювавши часові позначки стислих околиць /
втім / неоднозначна прихильність розподіляє зсув /

під вагою райдужки уповільнюється протиставлення розрахунків вимірюванню /
у пустелю зіниці поринає вага довкілля об'ємом зіткненних складових /
прірвою сідають серед кам'яної суперечності координати /

Анна Старко

Моя религия понятна и проста

Итог войны

Итог войны. Звенят колокола,
Сияет день – он виден на ладони.
Течет бульвар – телесная смола,
Целует губы маленькой иконе.
Гремят полки, стремится хоровод
Красивых лиц – на море или дачи.
Сует листовки праведникам Лот,
Желая детям счастья и удачи.
Горячий кофе, булочки, стихи,
Бездомный кот ютится за порогом,
Атлант стоит на кончике строки,
Прикинувшись одесским полубогом.
Солдаты перемешаны, как суп,
Хлебни его, добавь немного соли,
Не обжигая поцелуем губ,
Узнаешь вкус неразделенной боли.
Вернись домой: закончилась война,
Цветут сады, созрели абрикосы…
…Тебя обнимет мамой тишина,
Не задавая лишние вопросы.

Антону Чехову

чарует ночь великими огнями,
качаются деревья, будто тень.

скажи теперь: случилась между нами
одна из самых пламенных потерь?
и ждать ли мне однажды возвращенья?
закрыть ли двери – глухо, навсегда?
устав бежать, не вымолив прощенья
за то, чем не грешила никогда, –
сажусь на кухне, чайник выключаю,
кормлю кота, пишу о неземном.
рифмуется небрежное «скучаю»
в стихе неловком, глупом и простом.
все потеряв, не обретя, рисую
пейзаж зимы, которая пришла.
я так люблю легенду городскую
о том, как ты умна и хороша.
я так люблю, когда метет и дует
холодный ветер – прямо между строк.
меня простуда больше не волнует,
меня волнует город Таганрог.
Там есть музей, и улочка, скамейка,
и порт морской, и памятник в глуши…
ах эта жизнь, базарная злодейка,
продавшая таланты за гроши.

Ноябрь

Я не люблю ноябрь за простуду,
За холод рук и траурный покой.
За то, что надо приходить домой
И доставать глубокую посуду.

Я не люблю ноябрь за слова
Холодные, как стены в лазарете.
И чтение при отключенном свете,
Когда в окно врывается листва.

Но я люблю ноябрь за смирение,
За вкусный чай и урожайность впрок.

За этот важный маленький урок
И за семейный ужин в воскресенье.

Alt-Treptow

Оставив ночью рестораны,
Дешевый блеск холодных глаз,
Я уходила на бульвары
Писать свой фирменный рассказ.

Где ты – не ты, а я – другая,
Мы бродим тайно над водой…
Струится солнышко, играя
С моей кудрявой головой.

Мосты и мостики, и стулья,
Стоят под зонтом, у реки.
И будочки, как будто улья,
Просящие моей руки.

Медово пахнет шоколадом,
Прекрасен, радостен покой…
В рассказе я была гарантом
Последней музыки с тобой.

* * *

Моя религия понятна и проста:
Я верю в птиц, летящих над водой,
Я верю в Человека над толпой,
Мне нравятся стеклянные мосты.
Я знаю только то, что знаешь ты,
Мне нравится стоять и наблюдать.
Так просто взять – и дни перемешать,
Все сделать достояньем пустоты.

Валерий Базаров

Второе дыхание

Второе дыхание

Еще вершина где-то впереди,
Садится солнце, наступает вечер,
И с каждым шагом чаще стук в груди,
И каждый метр усталостью отмечен.

А как же сто непройденных дорог?
А как же те, невзятые вершины?
А как же тот единственный порог,
Который перейти мы не решились?

Неужто все? Вот кончился подъем.
Дорога вниз манит меня покоем.
И никогда мне не войти в тот дом,
Где лишь одна постель, а нас, как прежде, двое…

Но все еще надежда греет кровь –
Там далеко внизу очаг пылает.
Ты на огне мне ужин приготовь
И на ночь напои целебным чаем.

И к черту снег нетронутых высот,
И странствий жажда, и души дерзанье…
Мне б оберечь тебя, твое тепло и сон –
Мое второе и последнее дыханье.

Воспоминание

След прошлых лет листвой усыпан густо,
Шуршит лениво времени покров.
Сегодня странным я наполнен чувством,
Я болен прошлым – значит, я здоров.

Листаю листьев ломкие страницы,
И мчатся влево стрелки на часах.
Вплывают в память годы, люди, лица,
Безумье юности, веселия размах.

Как хорошо туда вернуться снова!
И нет невзгод, чтоб эту память смыть.
Мы знали, что вначале было слово,
Короткое, как клятва, слово: «Мы».

Любили мы… нам открывались двери…
Друзья, стихи, стихия и бедлам…
Мы верили, во что теперь не верим,
И пили жизнь с шампанским пополам.

Костер, рюкзак, палатка, песни, споры…
И колыбельную нам на ночь пел прибой.
И к черту на рога мы лезли в горы,
Чтоб приподняться сами над собой.

Ну, а теперь? Да, все мы постарели…
Но ведь горит еще (слегка чадя) свеча!
И нам поют все те же менестрели,
Все те же сны нам снятся по ночам.

Осень

Что же ты, осень, делаешь с нами,
Как ты законы природы кроишь…

Могут ли звезды шуршать под ногами,
Время ль весне бушевать по крови?
Лес закружил опьяняюще сладкий
Лиственный вихрь золотого огня.
Я поражен золотой лихорадкой –
Не погасить этот жар, не унять…
И пропускаю сквозь частое сито
Золотоносной реки забытье.
Где же награда? Сияющий слиток,
Все золотистое тело твое…
Вижу, деревья стоят в позолоте
По берегам и полянам лесным,
Словно ожившие Климта полотна
И, как его героини, грустны.

Осенние мотивы

* * *

Уж листья последние сброшены,
Лишь ветер по веткам свистит,
Но в нем я услышал непрошенный,
Давно позабытый мотив.

Как будто с заброшенной просеки
Мне дарит воскресшую вновь
Последнее золото осени
Мою колдовскую любовь.

* * *

Шалунья укрылась цыганскою шалью,
Монистами листьев звеня.
И царственным жестом прощальной печали
Осыпала медью меня.

* * *

Ты, мое солнышко днем,
Ты, моя звездочка ночью.

Может, о прошлом взгрустнем,
Что-то прочтя между строчек.

Лист закружит над плечом –
Ласковой осени почтой…
Ты, моя звездочка днем,
Ты, мое солнышко ночью.

* * *

Как хорошо в конце пути
Найти забытую поляну,
Тропу знакомую пройти
И по-весеннему стать пьяным
От паутинки меж ветвей,
Блеснувшей вдруг под солнцем поздним,
И россыпи росы в траве
В оправе золота и бронзы.

Когда гармония…

Когда гармония с гормонами в ладах,
И я могу почти что все, что захочу,
Я вспомнил про судьбы своей свечу,
Которая горит, увы, слегка чадя.

Она чадит, дымок то здесь, то там,
Она горит, ее не ярок свет.
И твой, поменьше, в мой впечатан след,
Когда идем по деревянным городам,

Как в юности. Мечту я берегу,
Не путая застолье и застой…
И снова парус алой запятой,
И ждет меня Ассоль на берегу.

Лидия Григорьева

Открытый текст

Четырехстопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву…
А.С. Пушкин

1.

Одесса. Год семидесятый.
Я взгляд бросаю непредвзятый
в десятилетних далей тьму:
что там и сердцу, и уму?
Но это время так далёко:
там холодно и одиноко…

Холера. Август. Карантин.
И вспоминается один
довольно милый одессит,
но от него вином разит:
его покинула жена.
И вспоминается: одна.
И нет ни смысла, ни отваги.
Но тянется перо к бумаге.

И через десять с лишним лет
я снова здесь, но смысла – нет.

2.

Брусчатка. Пыль. Автомобили.
Забытый сон на грани были.
Одесса. Август. Сизый дым.
Юнец зеленый, пьяный в дым.
Девицы в платьях ацетатных.
Два-три Онегина заштатных.
Шуршит на девочках «фирма».
И негде ставить уж клейма.

Морской вокзал. Смотрю, как дура.
Портальная архитектура
в ажуре легком. Бар в порту
«под сенью девушек в цвету».
Соблазн велик – субтильный бес –
да только времени в обрез,
не до объятий вороватых.
Потом не сыщешь виноватых.
Тут ко двору любая сука.
Но, Боже мой, какая скука!

Все это, впрочем, дребедень,
сниму со счета этот день.

3.

Сужу с придирчивостью вящей:
лишь только ищущий обрящет
и понимающий поймет.
Я попадаю в переплет.
Сама себя с ума свожу
и счеты старые свожу
с прекрасным городом приморским.
С высокомерьем командорским

смотрю на улицы, дома,
и нет – ни сердца, ни ума.

Опять жарища, мухи, лето.
Нет ни воды, ни туалета.
Дворец Нарышкиной? Пустяк.
Теперь нас любят, но не так:
один художественный свист.
И колоритнейший таксист
покажет кладбище, тюрьму,
помянет войны и чуму,
и привезет, хотя не сразу,
в уединенную турбазу.

А там – над морем раскладушка.
Моя любимая подружка
и терпелива, и тиха.
Дымком подернута уха.
И как сосед, что вечно пьян,
в округе буйствует бурьян.

4.

Но мой лирический герой?
Он за меня стоит горой.
Мы вновь возникли друг для друга,
тому порукою – подруга.
Он, кстати, трезвенник, педант,
в любви давно не дилетант.
Жена по-прежнему в бегах.
Он не нуждается в деньгах.
Но нет острее дефицита,
чем ласка женщины забытой,
а может быть, и прочих дам…

Я по своим иду следам,
полна вселенскою тоской,
хоть воздух радует морской
и трав медвяных пряный дух…
Воспоминаний прах и пух:
ведь в двадцать лет вдвойне обидно
быть одинокой и – фригидной.

Смотри: закат. Морской этюд.
Одесса. Август. Solitude.

5.

Не мрачной девочкой невзрачной,
столичной львицею безбрачной
сюда приехала опять.
Не повернулось время вспять!
Вольно же мне блуждать во мраке…
Поднаторев в портальной драке,
идет с разбитою губой
навстречу нам – морской ковбой.
Пускай идет до поворота
типаж с эмблемою морфлота!

Все это странно без привычки:
две натуральные москвички,
и рядом с ними, хороши,
идут ахейские мужи,
авантюристы, аргонавты.
Об этом всей не скажешь правды.
Преодолев разброд в душе,
беру готовые клише.

И в жизни, и в литературе
все соответствует натуре.

6.

Расположась под сенью ивы,
мы так в любви неприхотливы
на берегу, во мраке лета.
Причал. И полая «Комета».
В плену полночного эфира
под кайфом спит уже полмира.

Попробую начать сначала:
«Комета» рвется от причала.
На берегу ночного моря
остались мы, с судьбой не споря.
И море, тяжкое, как мед,
то всколыхнется, то замрет.
И ночь стоустая – густа.
Нет ни возврата, ни креста.
Трава глубокая, как мех.
И сладок первородный грех.

Любовь, спокойствие и лад
я положу на срочный вклад.
Такой духовный капитал
не промотать, мой капитан!

7.

Но рано предъявлять счета.
Он, впрочем, прочим не чета:
он и приветлив, и раскован.
Подруга действует рисково.
Смотрю, как меркнут краски Юга.
поглощена собой подруга,
и на ее душе штормит.

Вот остров. Там расстрелян Шмидт.
Там спит история сама.

Там много сердца и ума.
Там не в чести пустая трата!

Потом последует расплата.
И ты отвлечься не надейся
в Очакове или Одессе –
в пылу любовного транзита.
С непостоянством одессита
сквозит вечерний ветерок.

Не запасешься жизнью впрок!
Пора напропалую жить
и хватит на судьбу грешить.

8.

Не утолив вседневный голод,
вернулись мы в портовый город.
Там, рты разинув, бродят гости.
Там Дюк позеленел от злости.
Там сохранился образцово
дворец магната Воронцова.
И там имеют бледный вид
дома в плену кариатид.
Там чудеса. Там волны бродят.
Русалки в нетях верховодят.
Там хороши морские дали.
Там не читают нам морали.
Там не тиранят, не корят.
Там утром чаем напоят.

Добавь сюда ума и сердца.
С высокомерьем страстотерпца
на старый город не смотри.
Черты случайные сотри.

9.

Но если я вернусь к герою,
он может надоесть, не скрою.
Пусть остается в центре мира
его уютная квартира.
Я на окраину – туда:
на рейде светятся суда,
бормочет в ночь буркун-трава.
И я, как никогда, жива.

На жизнь – не выдают лицензий.
Необоснованных претензий
к своей судьбе не предъявлю.
Я дни копила по рублю
с остервененьем скопидома!
Из полуночного содома
душа вспорхнула налегке.

Огни Одессы вдалеке.

Шуршала полевая мышь.
Сияла ночь, шумел камыш.
Все это поросло быльем –
степной полынью с ковылем.

Август 1981 г.
Одесса

Наташа Балаян

«Опыт поэтический…»

Так назвала свой поэтический сборник автор, хотя к его выходу в 2013 году имела уже опыт ученого-лингвиста, вузовского преподавателя, заместителя редактора журнала… И всегда сочиняла стихи и писала картины – в юности, в зрелые годы, в дни здоровья и в предчувствии несчастья, которое встретила стойко.

Наташа Балаян (без имени-отчества, ибо знаю ее только по стихам) недавно ушла из жизни, но до последних дней готовила свой второй сборник, которым сейчас озаботился ее муж Александр Беспалов.

Ф. К.

+

Человек – Человеку – Урок,
И не Долг, не Оброк,
Человек – Человеку – Круг
В волне совершенства,
Человек – Человеку – Кнут
В достижении вершины,
Человек – Человеку – Звезда
В потоке мирозданья,
Человек – Человеку – Боль,
Пока не пережит Урок.
Но всему свой срок.

+

Какие славные люди –
Кукольных дел мастера!

В них – свет и сила добра,
Творенья их полны Любви.
Тролля осколки зеркал
Иногда попадают в сердца
Их творений
В ответ на зло иль обиду.

И тогда берегись!
Внося это чудо
В жилище родное,
Облегчишь ты душу,
Но не свою…

+

Есть ли возраст у волны,
Чтобы нежить корабли,
Омыть утреннее солнце,
Выпустить в небо месяц,
Чтоб сорвать покрывало с пляжа.
Разметать в пыль скалы,
Тихо склониться к ногам твоим.
И положить корону из пены.

+

Не сделано,
Не спрошено,
Не сказано,
Безжалостно ритм стрелки
Остановлено
Пространства круга спица
Переломлена,
И сердце замирает
В неизвестности,
Как жизни колесо
Устроено…

Первые шаги

206 Море талантов юной Одессы

Море талантов юной Одессы

Всеукраинский литературный конкурс «Море талантов» снова раздвинул свои границы. И в этом году охватил не только Одессу и область, а всю Украину, ближнее и дальнее зарубежье. На конкурс было прислано более 500 работ от авторов литературных студий, кружков, читателей библиотек и талантливых школьников. Решение жюри предложить участникам произвольную тему оправдало себя, так как ребятам не нужно было задавать направление, а писать о том, что волнует, идти от себя. И это сказалось на качестве работ, которые проникновенны, метафоричны, лиричны и будят воображение и радость жизни. Авторы описывают окружающую реальность и создают новый мир, который хотят видеть, – добрый, человечный, красочный. То, чем должно быть наполнено детство и наша взрослая жизнь. И неважно, сколько лет автору, главное – изюминка в его произведении, которая придает вкус всему сказанному.

Анна Фуркаленко, 9 лет, Одесса

Осень

Ходит-бродит осень,
Позолоту носит.
Песни журавлям поет
И грибочки раздает.
Осень – дева золотая.
Золотая, неземная!
Лихо красками играет.
Чудом ярким удивляет.
Очень скоро осень…
Выходной попросит…

Аврора Рыбачук, 10 лет, Одесса

Суп капустный

Суп капустный – из капусты,
появляется вопрос:
….из капусты, но невкусной,
из капусты, но невкусной!
Из капусты, из картошки, где петрушка и укроп!
Почему же суп невкусный?
Дети все едят капусту,
но с капустой нам невкусно, потому и суп невкусный.
Разве сладкий?
шоколадный?
мармеладный? Этот суп?
Нет!
Он просто состоящий из полезных разных круп!
Что полезно – то невкусно,
ты усвой же это, мам.
И рецепт сейчас хороший по секрету тебе дам:
30 граммов шоколада,
30 граммов мармелада,
петушиный леденец.
И печенье, наконец!
Суп хороший получился.
Я ничуть не удивился.
Это лучший суп на свете!
Вот такие любят дети!

Правдивые слова

Поговори со мной, листва,
скажи о том, кто нам так дорог…
И чьи же теплые слова
нас радуют?

Была молва,
что эти теплые слова
нам говорит родной ребенок,
и тот, кто близок, тот, кто рядом,
кто вас утешит только взглядом.
Кто с вами был во лжи и в боли,
кто слез пролил с тобою море.
У взрослых он живет внутри,
ты только в зеркало смотри
и улыбайся тоже чаще…
Сидим вдвоем в дубовой роще…
Поговори со мной, листва,
скажи правдивые слова…

Мирослава Шевцова, 9 лет, Одесса

Что думает кошка, когда смотрит в окошко

Что думает кошка, когда смотрит в окно?
Полежу на окошке – ведь в доме тепло,
Прислонюсь к батарее и хвостик прижму,
Хорошо же быть кошкой: хочу и лежу!
Спеть могу песню, промуРРРчать про себя!
И лапкой за ушком почухать себя,
Могу лапкой с листиком нежно играть.
Вазоны от скуки на пол кидать,
Смотреть, как он на пол летит не спеша,
И замирает от страха душа!
Хозяйка придет, поругает меня!
Но скучно сидеть одной у окна!

Анастасия Яковлева, 13 лет, Калиновка

Матері

Кажуть люди, янголів не стало,
Що на світі більше не живуть…
Просто у них крилоньки відпали,
І тепер їх матерями звуть.
Сяють щастям материнські очі,
Коли досягаємо висот.
І не сплять, бувало, до півночі
Від щоденних клопотів-турбот.
Їхні теплі і ласкаві руки
Ладні зірку з неба прихилить…
Й серце розривається від муки,
Коли в нас хоч що-небудь болить.
Намалюю райдугу-веселку,
Синє небо й сонце в вишині,
Люба мамо, ненечко рідненька,
Ти назавжди житимеш в мені!

Екатерина Онуфриенко, 13 лет, Тарутино

Дождик

Дождик шлепает по лужам.
Город осенью простужен.
В парках стало как-то пусто,
И дома глядят так грустно!
На ветру дрожат деревья,
И поникли фонари…
А холодный дождь осенний
Задержался до зари…

Радуга

Посмотри, над городом радуга!
Из волшебных ниточек соткана.
Красоты она просто божественной
И поистине неземной!
Если вверх подняться по радуге,
Дотянуться можно до облака…
До большого воздушного облака…
Я попробую. Ты со мной?
Погостим немного у солнышка,
Лимонада выпьем из дождика,
Нежных тучек зефирных отведаем,
А потом вернемся домой.
Никому о том не расскажем мы,
Что на радуге солнечной делали.
Все равно никто не поверит нам.
Это будет секрет, твой и мой.

Светлана Молдован, 13 лет, Килия

* * *

Жизнь – это дар, его надо ценить.
Невозможно угадать, что будет со мной.
Когда мне тяжело, я помню:
Если я сдамся – легче не станет.
Не надо жить мечтой.
Мечтою нужно быть,
Потому что все бесценное теряется даром!

* * *

Живи! Пока есть время.
Устал? Остановись и отдышись.
Лезут в душу? Открывайся, но не всем.
Упал? Вставай и иди дальше.

А если нет смысла идти? Иди, смысл сам придет.
Поверь!
И когда-то ты вернешься к словам:
«Живи! Пока есть время…»

Максим Толстиков, 13 лет, Одесса

Моя флотилия юных моряков «Бриг»

Шлюпка пропахла солнцем и морем,
Ветром соленым, буйным простором,
Дружбой и духом единой команды,
Смешной загорелой ребяческой банды.

Свежестью, краской, парусом белым,
Чайками, небом, деревом прелым,
Металлом уключин, на солнце нагретым,
Пòтом на банках* от жаркого лета.

Шлюпка нас ждет по утрам, как живая,
В пенном прибое бортами качая.
И, наполняясь гребцами в жилетах,
Бортом толкает бетон парапета.

С кнехта снимают причальный канат.
– В море! – свисток темп дает для ребят.
Брызги соленые с вёсел летят,
Ветер попутный – и нет нам преград!

Шлюпка летит по воде, как стрела,
В едином движенье ребячьи тела.
Нашей флотилии детской задача –
Сделать из нас моряков, не иначе!

* Банка – скамья в шлюпке.

Мы здесь мужаем, влюбляемся в море!
И побеждаем, но вырастем вскоре…
Шлюпку наполнят другие ребята,
Но не забыть никогда нам заката.

Но не забыть никогда нам рассвета,
В этих походах – все прелести лета!
День Нептуна, состязанья, костры –
Лучше не выдумать для детворы!

«Бриг» мой любимый, обласкан волною,
Детство мое неразрывно с тобою!
Будь маяком для ребят и началом,
В жизни моряцкой – надежным причалом!

Юлия Байда, 17 лет, Одесса

Навстречу счастью

Отражает море небо,
Отражает небо море,
Ветер в бирюзовом крепе
Мне танцует вальс в миноре.

Душу полнит легкий трепет,
Белым – чайки на просторе.
Разобью стальные цепи
И шагну я в небо-море!

Распахну объятья ветру,
Закружусь в летящем вальсе,
Улыбнусь беспечно утру,
Солнце встречу в реверансе.

Изумрудным шелком легким
Танца кружева струятся.

Крылья распахнулись звонко,
Высоту обнять стремятся.

Я лечу навстречу счастью!
Я лечу навстречу лету!
Я своей волшебной кистью
Нарисую вам рассветы,

Полные надежд и планов,
Полные любви и света,
Где танцует юный ветер,
Море с небом манят в лето!

Олеся Алиханиди, 15 лет, Черноморск

Как появились подснежники

Есть время для Весны и для Зимы,
Весна приходит после зимней стужи,
Но, как обычно, точно знаем мы,
Зима с Весною никогда не дружит!
Зима не любит ни тепла, ни красоты,
Ни птиц, которые Весну оповещают.
– Весна – презлейший враг мне будешь ты! –
Зима сказала, вьюг не прекращая.
– Я не пущу тебя в свои края!
Ты не пройдешь – метели помешают.
И если я не удержу тебя,
Утонешь ты в снегу, он не растает!
Весна преграду преступить хотела,
Не знала, как пройти и как ей быть,
Пургу и вьюгу не преодолела,
Смогла лишь три слезинки уронить.
Они упали в снег, и он растаял.
Земля явилась, новая трава,
Среди пурги и зимнего отчаянья,

Цветка сквозь снег виднелась голова!
За ним поднялись белые два брата.
Пробились из-под снега, расцвели.
И как Весна была сердечно рада:
Морозы и Зима – вдруг все ушли.
И, наклонясь, спросила у цветочков
Весна: «Как вас, друзья, благодарить?»
Цветочки покивали и сказали:
– Не надо нам подарков приносить.
Подарок можешь сделать только этим,
Что скажешь, как нас будут называть.
Нам имя дай, чтоб взрослые и дети
Могли нас по традиции сажать!
Весна сказала: «Милые мои,
От вас спасение Весне всегда прибудет!
Подснежники! Под снегом родились!
Подснежниками будут звать вас люди».
С тех пор подснежники растут здесь каждый год,
Бесстрашно, не боясь зимы и хлада.
Зима уходит тихо, без невзгод.
Весне ж подснежники – как высшая награда!

Приход ночи

Темной птицей пролетела ночь,
Полотном накрыла необъятным.
Сделала кругом у нас точь-в-точь
Мир неузнаваем, непонятным.
Без согласья солнца раньше часа
Каждый вечер гостьей по земле
Гордо пролетает с черной рясой
На воздушной тучке-корабле.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Искусство – жизнь – искусство

216 **Максим Фролов**
В поисках Фиолетова…

220 **Елена Колтунова**
Letum non omnia finit

233 **Феликс Кохрихт**
…Пора нам в оперу скорей…

242 **Виктория Коритнянская**
Поэт серебристых облаков

256 **Евгений Деменок**
Василиск Гнедов, Одесса и мититеи

262 **Феликс Кохрихт**
Сфера Одессы

Максим Фролов

В поисках Фиолетова…

Летом 1965 года из печати вышел 74-й том академической серии «Литературное наследство» под названием «Из творческого наследия советских писателей». В разделе, посвященном Э.Г. Багрицкому, была опубликована первопроходческая работа Н.Д. Эфрос «Рисунки поэта», основанная на материалах, собранных и систематизированных М.Э. Голосовкер, в 1935-1949 гг. – заведующей сектором художественной иллюстрации ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР. Речь в этой примечательной во всех отношениях публикации шла о рисунках поэта 1911-1934 гг., сохранившихся в двух архивах – Отделе рукописных фондов ИМЛИ (в настоящее время – Отдел рукописей, личный фонд Багрицкого, № 33) и Государственном литературном музее. В главе, посвященной рассказу о портретах поэтов и писателей, созданных Багрицким, Н.Д. Эфрос, в частности, отметила: «Среди изображенных Багрицким писателей преобладают его современники – представители советской литературы (привожу имена в алфавитном порядке): Ардов, Бабель, Безыменский, Беккер, Блок, Брюсов, Воронский, Горький, Грин, Есенин, Зелинский, Зозуля, Ильенков, Луначарский, Макарьев, Пастернак, Петников, Полонский, Сенченко, А.Н. Толстой, Фиолетов, Эренбург (отдельные из них изображены в нескольких вариантах)».

Отталкиваясь от этого краткого упоминания, не содержащего решительно никаких дополнительных сведений (техника и материал рисунка, его приблизительная датировка и т. д.), я и осуществлял поиски портрета Анатолия Фиолетова в личном фонде Багрицкого в ИМЛИ. Тем интереснее и увлекательнее была задача…

Рисунки Эдуарда Багрицкого

ТАЛОН
к переводу по почте

Перелистывая рисунки поэта – иногда беглые наброски, лишь намечающие черты изображаемых лиц, иногда проработанные до мельчайших деталей портреты, – испытываешь совершенно особое чувство: ты не только зритель, но и читатель (ведь рисунки Багрицкого сродни его поэтическим текстам – в них мы также сталкиваемся со взглядом поэта и взглядом художника в равной степени), ощущаешь отношение автора к тем, чей облик его рука запечатлела на бумаге. Все они – след работы творческого воображения и пристального взгляда поэта, от которого не утаилась ни одна деталь – мимика, жест, элемент одежды, нередко – ярко выраженная возрастная и даже социальная характеристики.

Поиски я начал с рукописи «Трактира» – поэмы (или, по авторскому определению, «опыта лирико-эпической сатиры»), посвященной Фиолетову, с которым Багрицкий был в дружеских отношениях с начала 1910-х годов. На последней, разорванной пополам странице автографа мною был обнаружен рисунок, исполненный в авангардной, можно даже сказать, кубистической манере и изображающий мужскую фигуру, форме которой уже самой техникой придана значительность, может быть, даже – некоторая монументальность. Не имею оснований утверждать, что этот рисунок изображает Фиолетова, но все же не могу не принять во внимание его расположение – на полях рукописи произведения, посвященного ему.

Далее, просматривая полный корпус сохранившихся в ОР ИМЛИ рисунков Багрицкого, я обратил внимание на некоторые рисунки, в которых заметил порой почти неуловимое, а в ряде случаев – хоть и неполное, но заметное сходство с сохранившимися фотографиями Фиолетова.

На одном из них, нарисованном тушью и изображающем молодого, почти юного художника с палитрой в руках рядом с коллегой, но не сверстником, а представителем более позднего поколения. В глаза бросается именно молодость изображенного человека (вспомним, что Фиолетов трагически погиб в возрасте 21 года). На другом рисунке, сохранившемся на талоне к почтовому денежному переводу и представляющем собой скорее шуточный рисунок, почти шарж, также присутствуют характерные черты Фиолетова (немного выступающий лоб, посадка глаз

и т. д.). Третий рисунок, выполненный синим и красным цветными карандашами, сообщает изображаемому лицу романтичность, возможно даже – полётность – всему сложившемуся образу. Кроме того, расположенная в верхнем правом углу подпись может служить косвенным основанием для того, чтобы рассматривать его в ряду потенциально возможных портретов Фиолетова.

Два других рисунка, выполненных карандашом в острохарактерной манере (почти готовые книжные иллюстрации), – портреты персонажей, принадлежащих к разным социальным слоям. Портрет немолодого мужчины в монокле, с курительной трубкой, в клетчатом пиджаке выдает в нем представителя той группы людей, которую именовали презрительно «нэпманами». Если представить себе сильно состаренного и шаржированного Фиолетова, то некоторые характерные черты проступают и в этом изображении. Второй персонаж – представитель, как я полагаю, уголовного мира. Об этом свидетельствует и подпись Багрицкого: «Мóтыль», – и некоторые детали портрета – головной убор, прическа, папироса. Говоря об этих двух рисунках, я отдаю себе отчет в том, что это не в прямом смысле слова возможные портреты Фиолетова. Нет, ни в коей мере. Вернее будет сказать, как я уже отмечал, что, создавая рисунок, Багрицкий мог вспомнить своего друга юности и невольно, подсознательно придать некоторые его черты своим героям.

Последние три рисунка, с которыми мы хотели бы познакомить читателей, – разной степени сходства с нашим героем, но, как и предыдущие, – одинаково высокого мастерства. Первый из них, изображающий молодого человека в профиль, находится на небольшом листке бумаги по соседству с еще одним портретным наброском и служит еще одним подтверждением мастерства Багрицкого-графика. В нем, несмотря на крайне небольшой размер, основательно прорисовано лицо, шея, а воротник сорочки уже слегка намечен. Второй портрет, на мой взгляд, изображает человека, несомненно, артистической профессии – поэта, писателя, художника. Об этом говорит гордая независимая поза, вдохновенный утонченный жест, детали одежды (художническая кофта с высоким воротником, едва различимый, но заметный шарф у шеи). Наконец, в последнем рисунке, выполненном тушью

в оригинальной манере, автор как будто нарочно подчеркивает крупные черты изображаемого лица, другими словами – они представлены в немного гипертрофированном виде. Обращают на себя внимание главным образом глаза и рука, изображение которых несет в себе основной эмоциональный посыл. Герой будто бы запечатлен в нехарактерной для себя позе, но очень выразительной в глазах зрителя. В этом портрете, как и в других представленных в нашей публикации, автор не оставил без внимания прорисовку деталей одежды как одно из его излюбленных средств характеристики персонажа (попробую осторожно предположить, что перед нами – портрет Г.Н. Петникова, впрочем, настаивать на этом у меня нет никаких оснований).

Завершая этот обзор, хотелось бы подчеркнуть, что, поставив себе цель найти портрет Фиолетова работы Багрицкого, который до сегодняшнего дня не был найден, атрибутирован и опубликован, я в процессе поиска, который даже и сейчас нельзя считать полностью завершенным, пришел к убеждению, что сам по себе поиск способствовал максимально близкому знакомству с наследием Багрицкого – художника-графика, знакомству не только с этой неотъемлемой частью его творческого наследия, но и с индивидуальной техникой его работы, неповторимым стилем и исключительной наблюдательностью.

Приношу благодарность за активное содействие в поисках рисунков Багрицкого и предоставленные для публикации их фотокопии (ОР ИМЛИ, ф. 33, оп. 1, ед. хр. 43, 717, 730, 733, 747, 831, 832, 854, 857) зам. директора и зав. ОР ИМЛИ Д.С. Московской, хранителю архива и зав. научно-справочным аппаратом ОР ИМЛИ Н.В. Петровой, ученому секретарю и зав. чит. залом ОР ИМЛИ М.Л. Федорову и с. н. с. ОР ИМЛИ О.А. Симоновой.

Елена Колтунова

Letum non omnia finit*

Снитковский принадлежит к числу лучших скрипачей мира. (…) На любой скрипке, даже Гварнери, никто другой не в состоянии найти таких красок!

«Bialostocka pravda», Polska

Летом 1951 года молодежь Одессы восторженно обсуждала неслыханный случай, происшедший в консерватории на вступительных экзаменах по специальности.

– Ну и хохму отмочил Семка Снитковский! Облажал председателя приемной комиссии по полной!

Эту историю многие, в том числе и я, пишущая эти строки, дословно помнят по сей день. Сегодня она воспринимается как закономерный пролог к жизни и творчеству выдающегося музыканта и педагога, каким, несомненно, был Семен Исаевич Снитковский.

Итак.

«В день вступительного экзамена в консерваторию в зале не было свободных мест. Еще бы – решалась судьба одного из самых талантливых выпускников школы Столярского. Когда этот длинный парень с горбатым, как у Паганини, носом и курчавыми волосами вышел на сцену, в зале наступила тишина, которую нарушали только голоса членов жюри, что-то активно обсуждающих между собой. Семен поднял скрипку и внезапно резко опустил ее…

– Да играйте же, чего вы ждете? – отвлекся от беседы председатель комиссии.

* Со смертью не все кончается.

– Извините, но вы своими разговорами мне мешаете. Да и как вы будете оценивать мое исполнение, если вы меня не слушаете! – ответил Семен.

Зал замер. Был слышен только шепот Б.З. Мордковича (педагога Семена. – **Е. К.**): «Идиот, что он наделал! Теперь его примут, когда у меня на ладони вырастут волосы!»

Его приняли. Единогласно. С оценкой пять с плюсом.

Я процитировала отрывок из книги «Вспоминая С.И. Снитковского», изданной братом музыканта Д.И. Снитковским.

На призыв Д. Снитковского поделиться своими воспоминаниями о близком человеке, друге, коллеге и учителе откликнулись около пятидесяти человек.

И еще в книге можно прочитать более сорока восторженных рецензий на гастрольные выступления маэстро по Союзу и за рубежом, и в ней же двенадцать страниц в два столбца – перечень музыкального наследия великого музыканта. Недаром его коллеги говорили: «Снитковский превосходно играет все, что написано для скрипки в течение 300 лет – от Корелли до Р. Щедрина».

Я любил его игру. Она сочетала в себе исключительно теплый сочный звук и ослепительную виртуозность (…) Недавно я прослушал альбом с записями его игры. Какой он огромный музыкант и виртуознейший скрипач!

Родион Щедрин

В семье Снитковских музыка занимала большое место. Отец Семена в юности начал обучаться игре на скрипке, но помешала Гражданская война. Музыкальное образование матери

в Муздрамине оборвала смерть ее отца. Но с музыкой Мария Семеновна не рассталась. Будучи хорошей пианисткой, она в молодости подрабатывала тапером в кинотеатрах, а затем много лет руководила художественной самодеятельностью в Одессе. Несбывшиеся мечты родителей о музыкальной карьере воплотились в их первенце Семене – Семочке, появившемся на свет 9 августа 1933 года.

В Одессе в те годы было в ходу замечательное выражение – «талантливая мама». Оно полностью соответствовало характеру Марии Семеновны. Ее несгибаемая воля позволила ей выковать в Семене уверенность в его предназначении стать музыкантом. Ее самоотверженная, даже, можно сказать, жертвенная любовь к талантливому первенцу не знала границ. Она жила его успехами, его трудностями, его жизнью. Его ранний уход оставил незаживающую рану в ее сердце до самой смерти.

В семь лет, пройдя колоссальный конкурс, ты был принят в скрипичный класс знаменитой музыкальной школы П.С. Столярского, из которой тут же чуть не был исключен (…) живой мальчик с озорным характером не заметил и сбил с ног уборщицу с ведром и половой тряпкой…

Д. Снитковский. «Письмо к брату»

Первым наставником Семы стал сам Столярский, который, как говорили одесские мамы, учил детей на Ойстраха.

А дальше была война. Эвакуация. У Марии Семеновны с восьмилетним Семой и трехмесячным Димой были посадочные талоны на пароход «Ленин». Посадка была ужасная. Снитковской с детьми удалось попасть на пароход. Но в последний момент руководивший их отправкой родственник снял семью с судна, решив отправить их другим пароходом. И тем спас их. Пароход «Ленин» подорвался на советской мине. По разным оценкам, погибло около трех тысяч человек.

Войну семья прожила в Самарканде. Мария Семеновна нашла сыну какого-то педагога. Но занятия с ним дали не много.

Когда по возвращении в Одессу Семен встретился со своим новым учителем (П.С. Столярский умер в эвакуации) Бениамином Зиновьевичем Мордковичем, выяснилось, что мальчик безна-

дежно отстал. Таково было мнение Мордковича. Он так и заявил Марии Семеновне.

– Ваш мальчик отстал навсегда. В этом возрасте нецелесообразно начинать все сначала.

– Он догонит, – ответила мать.

И он догнал. В 1950 году Семен Снитковский сыграл в зале Одесской консерватории свой первый сольный концерт.

Благородство стиля, превосходное владение инструментом, красота звучания, своеобразие фразировки – все это сочетается у Снитковского с артистической яркостью, завершенностью формы…

Журнал «Советская музыка»

«Догонять» пришлось в коммунальной квартире, где стоило взять в руки скрипку, как раздавался крик вечно пьяного контуженого соседа: «Я убью этого еврейчика!». К счастью, года через два семья получила две комнаты в малонаселенной коммунальной квартире в доме на углу улиц Советской Армии и Бебеля.

Проходя мимо этого дома и слыша звуки скрипки, мы говорили: «Семка занимается».

Впрочем, Сему даже строгая мама не могла заставить заниматься больше трех часов в день. Уже тогда знаменитый скрипач и педагог считал, что трех часов интенсивной работы достаточно, чтобы решить поставленную перед собой задачу. То же он позже внушал своим многочисленным ученикам. А в те годы нередко специально отклонявшийся от своего маршрута с работы домой Мордкович, останавливаясь под Семкиным домом, кричал: «Семен, я не слышу твоей скрипки!».

…Я помню Семку, бегающего с другими пацанами во дворе школы, помню, как он часами мог смотреть на игроков в настольный теннис – это уже в консерватории. В консерватории мы близко сошлись. У него все годы концертмейстером была Вера Моисеевна Высоцкая. Она знала весь скрипичный репертуар. В консерватории она вела у нас, пианистов, концертмейстерский класс и договорилась, чтобы концертмейстером у Семы во время его занятий был я. С ним мы переиграли очень многое: испанскую симфонию Лало, концерты Сибелиуса, Чайковского,

Хачатуряна… Играли много пьес. Он весь репертуар держал в памяти. Что ни попросишь, сразу начинал играть. Но я не помню Семена, играющего в перерывах в коридоре или где-нибудь в уголке под лестницей. Там, кстати, очень любила упражняться Роза Файн.

Профессор Одесской консерватории А.А. Кардашев

Зато у Семена оставалось достаточно времени, чтобы интересоваться литературой, театром, живописью. Он был всесторонне образованным, интересным и обаятельным собеседником.

После десяти лет обучения школа Столярского не давала общеобразовательного аттестата. Чтобы в случае провала в консерватории можно было попытаться поступить в другой вуз, а не загреметь сходу в армию, ребята в десятом классе шли в вечернюю школу. Окончил вечернюю школу и Снитковский. Несмотря на золотую медаль, было понятно, что в Московскую консерваторию ему не поступить. Зарежут на специальности. В военкомате, весьма прозрачно намекая на проблемы, создаваемые «неудачной» пятой графой, настойчиво уговаривали идти в Московское воен-

но-дирижерское училище, с гарантией поступления. Но мама так же категорично, как когда-то, произнесла «Он догонит», сказала: «Он поступит». Он поступил.

…Он неукротим, и эта неукротимость – от всепоглощающей любви к музыке. (…) Хочется сказать – играет сердцем (…) Обладая великолепной техникой, Семен Снитковский покоряет блеском, виртуозностью исполнения.

«Забайкальский рабочий», Чита

В консерватории Семен по-прежнему ученик Б.З. Мордковича. Профессор Мордкович – воспитанник и последователь Столярского, соученик Давида Ойстраха. Его лучшие ученики Роза Файн, Валерий Климов, Дора Шварцберг и др. становились аспирантами Ойстраха. Таким же Мордкович видел путь своего лучшего ученика Семена Снитковского. Семен очень ценил своего учителя, был ему предан, хотя бывало, что и обижался на его резкость. Так было, когда внезапно Мордкович заявил Семену:

– Ты никогда не сможешь играть, у тебя слишком большие руки. Тебе надо переходить на альт…

Думается, что это был сугубо воспитательный момент.

Через два года Семен вновь услышал нечто, касающееся его рук, на этот раз от Давида Федоровича Ойстраха:

– Сеня, ну какая же у тебя кисть – это же рука Паганини!

Были и другие поводы для обид на своего педагога. Но Семен зла не держал, понимал – Мордкович добивается максимальной отдачи. И когда Мордковичу понадобилась его помощь, он получил ее. Злопыхатели обнаружили, что у профессора нет документов о высшем образовании. И как это ни смешно, педагог, взрастивший плеяду музыкантов с мировым именем, вынужден был сам сесть за парту. Особые трудности представляли общественные науки, бездарное бесконечное конспектирование трудов классиков марксизма. Одолеть рутинную программу помогал Семен.

Но несмотря на преданность учителю, когда Снитковского не пустили в Прагу на объявленный на 1956 год фестиваль, он решил переводиться в Москву.

Запасся письмом к Ойстраху, написанным, кстати, не музыкантом, а легендарным в Одессе врачом И.Е. Циклисом (неотъемлемым участником любого культурного мероприятия города), и поехал в Москву. Он настолько понравился маэстро, что тот добился, чтобы для талантливого юноши перебросили место с вокального факультета на оркестровый. Но перевод в Москву не состоялся. Ойстрах не смог пренебречь письмом Мордковича, в котором тот писал: «Ты вырываешь кусок моего сердца. Забираешь моего лучшего ученика. Я тебе его не отдам».

Семен оканчивает Одесскую консерваторию с красным дипломом и получает «почетное» назначение в Запорожскую филармонию на… шестой пульт. К счастью, его «перекупает» Львов. Во Львове, куда он приехал уже с женой – одноклассницей пианисткой Ольгой Ступаковой, все складывается отлично: и с работой, и с квартирой.

Но Мария Семеновна говорит: «Лучше быть последним парнем в городе, чем первым на деревне».

И в 1957 году Снитковский поступает в аспирантуру к Ойстраху, одновременно начиная работать его ассистентом. Ольга поступает в аспирантуру к Я. Заку.

В том же 1957 г. Снитковский становится лауреатом Всесоюзного конкурса скрипачей.

…Исполнение такого уровня мы могли за последние двадцать лет слушать только по радио или в грамзаписи величайших артистов мира.

«Novi List», Југославија

1958 год. Объявлен один из самых представительных конкурсов – конкурс имени великого румынского скрипача, пианиста, дирижера и композитора Джордже Энеску в Румынии. Предстояло пройти шесть туров отбора. Прошли трое: А. Алиев, Е. Смирнов и С. Снитковский, а также камерный ансамбль – С. Снитковский и О. Ступакова. В аэропорту конкурсантов провожал представитель Минкульта.

– Товарищ Смирнов, – произнес он, – мы уверены, вы вернетесь с победой. Товарищ Алиев, мы надеемся, что вы достойно представите нашу страну.

Затем он повернулся к Семену:

– Товарищ Снитковский, вы довольны, что мы вас посылаем?

– Я вам скажу о своих чувствах по приезде, – ответил Семен.

Поскольку в центральной прессе при перечислении участников конкурса имя Семена даже не упоминалось, можно себе представить реакцию в том же Минкульте, да и не только, когда стали известны результаты:

С. Снитковский – 1-я премия, Е. Смирнов – 3-я премия. Алиев даже не прошел в третий тур. К тому же, С. Снитковский и О. Ступакова заняли 2-е место в конкурсе камерных ансамблей, уступив только в сложном специфически румынском программном произведении румынскому дуэту.

В Московском аэропорту их встречал тот же чиновник.

– Сеня! Какая победа! – воскликнул он.– Поздравляю!

– Ну, вы довольны, что послали меня на этот конкурс? – ответил Семен.

Интерпретация высшего ранга (…) ясная, точная интонация, тончайшие нюансы, насыщенный тон, выпуклая и утонченная, богатая красками фразировка.

«Business magazin», Romania

После получения золотой медали в Румынии жизнь осложнилась. Появились недоброжелатели. Надо было подтверждать свою неслучайность в победе.

Не принесла победа покоя и в личной жизни. Требовавшая полной отдачи музыка, преподавательская работа, которая все больше увлекала Семена, концертная деятельность, сопряженная с гастролями… и желание иметь домашний очаг, детей.

Но Ольга, талантливая пианистка, не видит себя в качестве домашней хозяйки, и они расстаются. Не берусь судить, было ли при расставании Семена и Ольги так, как писал Гейне:

Когда разлучаются двое,
То руки друг другу дают,
И громко вздыхать начинают,
И слезы горючие льют.

Очень уж многое их связывало: и многолетняя любовь, и профессия, и даже в свое время борьба с родительскими предрассудками (русская невестка – еврейский зять).

Через много лет Ольга призналась: «Какая я была дура… Ведь Сема хотел семью, детей, свой дом, а я не хотела это понять – мечтала о большой карьере, которая так и не случилась».

Во всяком случае, они на всю жизнь остались друзьями.

Вскоре после развода каждый обзавелся семьей и детьми.

Еще не был оформлен развод с Ольгой, Семен съехал лишь на съемную квартиру, когда он познакомился с очень красивой, совсем молоденькой девушкой.

Тамара – 19-летняя студентка института педагогики и дефектологии. Она образованна, начитана и музыкальна. С ней интересно. Вскоре взаимный интерес перерастает в большую любовь. Любовь, которую они хранили все двадцать лет их брака, двадцать лет трудного Тамариного счастья.

А счастье было действительно трудным. Легко ли быть замужем за гением! Тамару очень увлекала ее профессия. Но пришлось отказаться от самых интересных предложений в области научно-практического приложения ее знаний. Потому что Семен считал, что в одной семье два человека одновременно делать карьеру не могут (печальный опыт у него уже был). Тамара приняла эту точку зрения. Она устроилась логопедом в детскую железнодорожную поликлинику и проработала в ней до пенсии. Но у Семена теперь был Дом с большой буквы. Дом и двое детей – дочь и сын. Здесь его всегда ждали, здесь все было, как ему мечталось. Здесь он получал передышку от непрерывных разъездов, гастролей, мастер-классов, творческих поисков. Дом всегда был открыт для друзей, коллег, учеников. Ничего не умевшая в начале замужества девочка стала отличной хозяйкой, кулинаркой. Кормить принято было всех, кто переступал порог.

Большая семья требовала больших затрат, и с годами Семена все больше и больше закручивала гастрольно-педагогическая деятельность. Число концертов доходило до 120 в год. В последние годы добавилось профессорство в Московской консерватории и Будапештской академии им. Ф. Листа, многочисленные концерты и мастер-классы за рубежом.

Все меньше удавалось побыть дома…

А Тамара ждала. Он приезжал, и в доме начинался праздник.

После победы в Румынии о Снитковском заговорили. Но попытки стать солистом Московской филармонии были безуспешны. Кроме педагогической работы в консерватории оставалась лишь работа в Госконцерте. Приходилось ездить по всему Советскому Союзу.

…Отточенная техника, широкий могучий звук, тончайшие нюансы – от мощного фортиссимо до едва слышного, доходящего до шепота пианиссимо (…) Его смычку подвластна мощь титанической мысли Бетховена, грация и изящество лирики Моцарта и виртуозный блеск Паганини.

«Звезда», Пермь

Однажды Снитковскому был запланирован концерт даже за полярным кругом в Хантайке для работников местной ГЭС. Через залив пришлось по весеннему тонкому льду ехать на тракторе. Усадив своего бессменного аккомпаниатора Элеонору Иосиович в кабину к водителю, Семен стал на подножку с другой стороны, прижал к груди свой бесценный «Вильом», и так они пересекли залив.

Что касается зарубежных гастролей, то за них приходилось бороться. На все настойчивые приглашения Госконцерт отвечал отписками: «Снитковский заболел, Снитковский занят»… Пока скрипач не договорился с зарубежными импресарио, чтобы те обращались непосредственно к нему.

1962 г. Очередной конкурс им. Чайковского. Снитковский решил принять в нем участие. Ойстрах, понимая ситуацию в стране, его отговаривал:

– Сеня, я бы не стал рисковать. Они дадут какую-нибудь пятую премию, а у вас ведь есть первая.

Видимо, так же представляла себе ситуацию министр культуры Фурцева. Ей нужен был выдающийся отмеченный высокой наградой скрипач, которого она могла бы отправить на престижный конкурс Королевы Елизаветы в Бельгию. Ей рекомендовали Снитковского. Но нельзя было допустить его к конкурсу

Чайковского, результаты которого могли понизить его статус победителя на конкурсе Энеску.

Снитковского приглашают в Министерство культуры. Фурцева предлагает ему «бартер»: конкурс Чайковского на конкурс Королевы Елизаветы. Семен соглашается.

Фурцева не просчиталась. В 1963 г. Снитковский привез из Брюсселя две золотые медали: золотую медаль лауреата 2-й премии и золотую медаль бельгийского правительства. Первую премию, к недоумению музыкальной общественности и прессы, получил скрипач А. Михлин, впоследствии никак не оправдавший эту высокую награду.

Семен Снитковский – художник в высшем смысле этого слова, обладающий исключительным мастерством (…) Видя его олимпийское спокойствие, его совершенную технику, красоту и мощное богатство его смычка, его величественность в исполнении разных произведений, мы вспоминаем Фрица Крейслера.

«La Province», Belgique, 27.11.1963

Королева Елизавета (1876-1965), вручая Снитковскому свою фотографию, задала вопрос:

– Скажите, пожалуйста, как вас называла в детстве ваша мама?

И этот огромный человек, в руках которого, по словам Михаила Казиника, скрипочка казалась детской, ответил:

– Сёма.

Королева так и надписала фотографию: «Семе Снитковскому».

Снитковский, несомненно, принадлежит к числу величайших скрипачей своего поколения (…) Его игра впечатляет «пугающим совершенством».

«Tages Anzeiger», Schweiz

И еще одна бельгийская награда мирового масштаба. В 1967 году Международный фонд Э. Изаи в Бельгии удостоил Снитковского приза и золотой медали, присуждаемых раз в пять лет.

Слава Снитковского как музыканта и педагога в Европе растет. От импресарио нет отбоя. Почти по «Скрипачке» Осипа Мандельштама:

За Паганини длиннопалым
Бегут цыганскою гурьбой –
Кто с чохом чех, кто с польским балом,
А кто с венгерской немчурой.

Вообще-то, у Мандельштама не «немчура», а «чемчура», но многие источники позволяют себе такую «редакцию». В нашем случае «немчура» точнее рисует картину, которая и так не охватывает всю географию гастролей маэстро.

…Память об этом концерте сохранится надолго. Техника на таком уровне кажется уже не существующей, настолько подчинена основной мысли до малейшего тончайшего вибрато (…) Только музыка имеет значение.

«Nouvelle Republique», France

Высшая школа музыки в Вормсе (Германия) приглашает Снитковского преподавать на международных мастер-классах.

На этих мастер-классах Семен знакомится с Ролло Коваком – скрипачом из Франции. Возникает идея создать собственный мастер-класс. Впоследствии из этого мастер-класса родилась знаменитая Международная академия музыкального искусства в Туре.

После участия в фестивале Тибора Варге в Венгрии Снитковского приглашают на должность профессора в Будапештскую академию им. Ф. Листа.

А в 1974 г., когда уходит из жизни Давид Ойстрах, его ученики переходят к Семену Исаевичу.

В сентябре 2018 г. на Международный фестиваль «Золотые скрипки Одессы» съехались виртуозы со всего мира. Среди них ученики Семена Снитковского: Павел Верников, Захарий Зорин, Александр Винницкий, Михаил Вайман…

Фестиваль проходил под эпиграфом «Наследники царя Давида». Концерт-открытие фестиваля был посвящен «памяти великого скрипача – ученика Давида Ойстраха Семена Снитковского».

Гениальный скрипач, гениальный педагог: по отношению к своим ученикам – отец, друг, брат, все вместе. Он прожил короткую жизнь, но оставил нам в наследство свое ощущение счастья быть человеком.

Захарий Зорин, Бордо, Франция

Гениальной скрипач, которого сравнивали с Крейслером и Хейфецем, гениальный педагог, профессор двух консерваторий (Московской и Будапештской) Семен Исаевич Снитковский ушел из жизни 4 апреля 1981 года.

Ему было всего 47 лет.

На его могиле на Кунцевском кладбище установлен памятник – скрипка со сломанным грифом и на плите бронзовое факсимиле.

Феликс Кохрихт

...Пора нам в оперу скорей...

Заметки с Пятого фестиваля искусств «Бархатный сезон»

Уверен, наши читатели тут же (кто вслух, а кто про себя) прочтут полную строфу из одесской главы «Евгения Онегина». Сделаем это и мы – спустя первый абзац этих заметок о Пятом фестивале искусств «Бархатный сезон» в Одесском национальном театре оперы и балета, который открылся в последний день нынешнего лета и закончился в самом начале осени. Впрочем, в те сентябрьские дни погода соответствовала девизу фестиваля и выводу, который поэт сделал, прожив у нас в 1823-1824 годы всего тринадцать месяцев: «Здесь долго ясны небеса». Однако не только «но солнце южное, но море...» привлекли в наш театр многочисленных зрителей, слушателей, журналистов и критиков из разных стран. Программа фестиваля соответствовала формату подобных нынешних международных событий: обязательные премьеры, разнообразие репертуара и в опере, и в балете (вспомним Пушкина: «a prima donna? а балет?»), гала-представление опен-эйр, концерты вокалистов и инструменталистов. И, разумеется, представительство зарубежных участников. Все это состоялось и заслужило признание и специалистов, и поклонников искусства.

А теперь с удовольствием повторим вслед за Пушкиным:

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень – Орфей...

В который раз восхищаюсь и удивляюсь прозорливости гения: 195 лет назад молодой Пушкин поведал миру о том, какими были

сезоны в первом Одесском городском театре. Напомним, что он находился в другом, сгоревшем впоследствии здании – поблизости от нынешнего. И вот что удивительно: и сегодня, в XXI веке, фестивальная афиша содержит и те же и созвучные имена – «Там упоительный Пуччини (прямой наследник Россини. – **Ф. К.**), Глюка баловень Орфей…». Сегодня, когда я делюсь с читателями своими ощущениями от фестиваля, то полагаю, что именно «Орфей и Эвридика» – шедевр Глюка, «Турандот» Пуччини и «Лоэнгрин» Вагнера стали философией и концепцией нашего фестиваля. Об этом можно было бы говорить и спорить в кругу критиков, музыковедов и журналистов, а они уже составили международный «одесский» пул. Надеюсь, такой разговор состоится, а пока, в этих заметках, – коротко о том, привело меня к такому выводу.

К счастью, нынешний Интернет позволит тем, кто заинтересуется этой темой, получить полные и точные сведения и о композиторах, и о времени, в котором они творили, об истоках сюжетов, ставших основой либретто, о сценических судьбах опер и спектаклей по ним. Я же о том, что объединяет эти произведения и их воплощения в нашем театре.

Начнем с «Лоэнгрина», и вот почему. Во-первых, это премьера 210 сезона, а во-вторых (и все же – во-первых), опера Вагнера впервые полностью поставлена в Одессе. И в-третьих (опять же – во-первых), его произведения редко звучали и звучат в нашем отечестве и раньше, и сейчас. Причин много – оттого, что певцы должны овладеть особой тесситурой и манерой так называемого вагнеровского вокала, и потому, что оперы эти огромны во всех смыслах и представляют трудность для неподготовленного слушателя – иные из них длятся по пять часов.

«Лоэнгрин» – исключение. В этой ранней опере Вагнера меньше «сумрачного германского гения» (А. Блок) и больше романтизма – и в сюжете, и в музыке. И все же руководство и творческий состав театра проявил, если хотите, смелость, решив сделать Вагнера интересным и доступным для наших слушателей. Опера «Лоэнгрин» открыла «Бархатный сезон», заслужила аплодисменты и вошла в репертуар.

Мой вопрос адресован генеральному директору театра Надежде Матвеевне Бабич:

– Вы отчетливо понимали все трудности, которые придется преодолеть и оркестру, и вокалистам, да и слушателям, – и все же поставили оперу Вагнера впервые в истории нашего театра. Что двигало вами?

– Напомню, что эта встреча с музыкой Вагнера и для театра и для одесской публики – не первая. На Третьем фестивале «Бархатный сезон» звучали фрагменты из «Тангейзера», тепло принятые залом, а вот опера полностью действительно прозвучала впервые. Мы выбрали еще не привычную для нашей аудитории, но очень популярную в мире форму постановки – семистейдж.

– Позвольте, Надежда Матвеевна, я сразу передам нашим читателям свои впечатления от этого нового и для меня действа. Вот каким в этот вечер предстал перед нами «Лоэнгрин». С поднятием занавеса звучит увертюра, в это время на сцене – исполнители ролей в костюмах своих персонажей (на премьере – Татьяна Спасская, Наталья Павленко, Василий Навротский, Александр Форкушак, Александр Шульц), хор, и главное – оркестр. Мизансцены сдержанные, но выразительные (режиссер Петр Кошка); лаконичная, но впечатляющая сценография (художник Игорь Анисенко) – проекция на экраны фрагментов древних германских барельефов… Несмотря на первое впечатление, как бы от «концертного» исполнения, вскоре оно сменяется чувством того, что ты видишь и слушаешь классический оперный спектакль.

– Это же отмечали после спектакля киевские и зарубежные музыковеды и критики, – говорит Н. Бабич. – По их мнению, Одесса, как и Львов, совершила украинский вагнеровский прорыв. Высокую оценку они дали солистам, хору и оркестру.

Об этом уже после беседы с директором театра мы говорили с киевским музыковедом Анной Ставиченко – знатоком и ценителем вагнеровских опер, с которой мы не раз встречались на мюнхенских и венских фестивалях.

Оркестр нашего театра, позволю себе такую метафору, – главный солист! Его класс и стиль стал фундаментом успеха всех спектаклей фестиваля. Особенно это проявилось в «Лоэнгрине», где

музыканты, находясь на сцене, – действующие лица этой мистерии. Дирижер-постановщик Игорь Шаврук, его пульт – буквально в центре событий причудливого вагнеровского сюжета, словно Демиург управляет событиями и чувствами героев.

Напомню, что я пытаюсь найти объединяющее начало, благодаря которому нашему театру удалось создать то, что я бы назвал «фестивалем фестивалей». Это определение Вагнера напомнил мне народный артист Украины Василий Навротский, имеющий большой сценический и преподавательский опыт. Действительно, программа «Бархатного сезона» включала три больших оперы, созданные великими композиторами, представляющими эпохальные музыкальные стили, и, что особенно важно, соответствующие этические и эстетические тенденции. Разделенные веками, они, каждый по-своему, ставили не только перед своими героями, но и перед слушателями вопросы, на которые трудно, а порой и невозможно ответить.

Знаменательно, что в основе либретто этих опер – выдающиеся литературные произведения. Самый древний сюжет – миф о древнегреческом певце Орфее, легший в основу оперы немецкого классика Глюка «Орфей и Эвридика». Преодолев огромные препятствия, Орфей спускается в царство теней, где томится его умершая жена Эвридика, и уже готов вывести ее на свет. Для успеха нужно лишь одно: она ни в коем случае не должна оглядываться назад. И все же любящая и страдающая подруга Орфея делает это… По всем канонам античной драматургии – трагедия и горький катарсис… Почему Эвридика поступает таким образом, кто или что подтолкнул ее к губительному повороту головы?..

Этот спектакль (премьера 209 сезона) поставил Петр Кошка, осовременив – в самую меру – его античный пафос, и спектакль востребован молодыми зрителями. В нынешнем, фестивальном, партию Орфея исполнил итальянский контртенор Рафаеле Пе, что в полной мере соответствует той партии, которую написал Глюк для исполнителя роли мифического Певца.

На первый взгляд, ситуация схожая – в трагической истории героев вагнеровского «Лоэнгрина». Сюжет почерпнут композитором-романтиком из средневековой германской легенды

«Состязание певцов в Вартбурге». И здесь к печальному финалу приводит женское непослушание. Эльза Брабантская, несправедливо приговоренная к смерти и спасенная мистическим рыцарем Лоэнгрином, нарушает данное обещание – никогда даже не пытаться узнать, откуда он явился, и где его родина. И здесь печальный финал.

Казалось бы, итальянец Карло Гоцци – выдающийся создатель искрометных затейливых пьес в стиле комедии дель арте, вовсе не должен был наделять китайскую принцессу Турандот комплексами мести и мужененавистничества, но вот такой она предстает в одноименной опере Пуччини. В первом акте на сцене нашего театра вовсю работает палач, отсекая головы претендентам на руку Принчипессы (так – на итальянском). Ни один из них не сумел дать ответы на ее коварные вопросы и поплатился жизнью. Такому же испытанию готов подвергнуться и опальный принц Калаф, сраженный красотой жестокой девы. Победить ее ему помогает не только любовь, но и решение испытать судьбу во второй раз, и открыть принцессе свое имя.

Опера «Турандот» была поставлена девять лет назад немецко-одесской творческой группой: режиссер-постановщик Кристиан фон Гётц, сценограф Лена Брексендорф, дирижер-постановщик Александр Самоиле. Спектаклю выпала нелегкая судьба, но все же именно эта версия вошла в основной репертуар, и сегодня приносит успех нашему театру и на родной сцене, и на зарубежных гастролях.

В фестивальном спектакле в дуэте главных персонажей оперы – Турандот и Калафа – сошлись опытная и широко известная итальянская певица Тициана Карузо и молодой солист нашего театра Олег Злакоман, явив городу и миру, тем, кто знает эту оперу наизусть, и тем, кто услышал ее впервые, красоту и силу музыки последнего шедевра Джакомо Пуччини. Финальную точку и спектакля, и фестиваля поставил хор, выводя действо на высокую коду.

После недавнего ухода выдающегося мастера Леонида Бутенко главным хормейстером стал Валерий Регрут, под руководством которого этот творческий коллектив проявил себя наилучшим образом, подтвердив верность традициям и высокий класс.

На фестивале музыкальным руководителем спектакля стал новый главный дирижер театра Вячеслав Чернухо-Волич, опытный мастер, приглашенный в Одессу из Минска.

Программа фестиваля «Бархатный сезон» включала произведения разных жанров, стилей – классических и современных, что привлекло на спектакли и концерты как опытных меломанов, так и широкую зрительскую аудиторию. На протяжении всего праздника искусств зал был заполнен и зрителями и, образно говоря, аплодисментами. Об этом рассказывает помощник директора театра по связям с общественностью Людмила Сергейчук.

– Разумеется, подробный рассказ о каждом спектакле и концерте занял бы много времени и места, поэтому постараюсь коротко рассказать о том, что еще увидели и услышали в те «бархатные» вечера одесситы и гости города. Начну с гала-представления балетного действа на специально оборудованной площадке у фонтана перед театром. В нем участвовали наши прима-балерины, ведущие танцовщики, кордебалет. Важно то, что этот праздник состоялся в центре Одессы и доставил удовольствие не только тем, кто приобрел билеты, но и тем, кто находился поблизости. Вечер завершился красочным салютом.

В программе фестиваля были и балет Арама Хачатуряна «Маскарад» по драме Михаила Лермонтова – премьера 209 сезона, и опера Джакомо Пуччини «Мадам Баттерфляй». В нашем фестивале приняли участие и гости. Впрочем, о знаменитом пианисте Борисе Блохе так не скажешь, хотя он нынче живет и работает в Германии. Уроженец Одессы, он принимает активное участие в культурной жизни родного города. Несколько лет назад был художественным руководителем нашего театра, а на нынешнем фестивале его концерт прошел в креативной и необычной обстановке: рояль стоял на сцене, где разместились и слушатели.

Достойно были представлены и итальянские деятели искусства. Кроме тех певцов, о которых вы уже рассказали, Мина Ямазаки тонко и трогательно исполнила в «Турандот» партию молодой рабыни Лио. На фестивале с большим успехом выступили солисты Национальной оперы Израиля (при содействии

Израильского культурного центра «Натив» в Одессе). Национальный театр оперы и балета Украины показал веселый и изобретательный балет «За двома зайцями». Состоялась и научно-практическая конференция, на которой шла речь о проблемах современного оперного искусства и его популяризации.

– Мы только что убедились в том, что разножанровый праздник искусств «Бархатный сезон», содержащий премьеры не только 209-го, но и наступившего 210-го сезона, в котором участвовали и зарубежные исполнители, спектакли посещали и многочисленные туристы из разных стран, прошел без сбоев и с успехом – как творческим, так и, полагаю, организационным. В чем секрет этого многотрудного предприятия? Вопрос адресован президенту наблюдательного совета театра С.Р. Гриневецкому.

– Нам еще предстоит обсудить и осмыслить итоги прошедшего, уже Пятого фестиваля искусств, – говорит Сергей Рафаилович, – но уже сегодня можно определить составляющие успеха не только «Бархатного сезона», но и повседневной деятельности Одесского национального театра оперы и балета. Я мог бы в официальных документах привести соответствующие цифры и расчеты, но, учитывая формат нашего интервью, кратко изложу мнение наблюдательного совета.

Прежде всего, в руководстве театра – опытные профессионалы, которые досконально знают весь процесс формирования и воспитания представителей творческих профессий, которые в Одессе традиционно воспитываются, начиная от школы имени Столярского, музыкального училища и до музыкальной академии. Во-вторых, репертуар регулярно пополняется премьерами, а текущий репертуар, как говорится, поддерживается в форме. Далее – умелый современный менеджмент. Изобретательная работа по привлечению зрителей, особенно детей и молодежи. Вы убедились, что в последние годы труппа – оперная и балетная – пополнилась молодыми исполнителями, недавно приступил к работе новый главный дирижер. Особое значение имеет то, что творческо-производственные цеха сегодня работают не только с выдумкой, но и с применением самых прогрессивных

современных технологий, и способны создавать декорации, реквизит, театральные костюмы и обувь не только качественно, но и значительно дешевле, чем это обошлось бы при заказе на разных фирмах.

Я привел краткую оценку состояния менеджмента, производственной и административной деятельности руководства театра, а о творческих достижениях говорят, во-первых, полные залы на фестивальных спектаклях и высокие оценки отечественных и зарубежных специалистов. Наш театр с успехом гастролирует по миру. Его знают и любят в Нидерландах, Испании, Италии, Польше, Греции.

– Многое, из того, о чем говорит Сергей Рафаилович, – говорит Н.М. Бабич, – стало возможным благодаря просвещенным меценатам, и в первую очередь, нашим многолетним и надежным друзьям, президенту АО «ПЛАСКЕ» Олегу Исааковичу Платонову и Герою Украины Владимиру Станиславовичу Филипчуку, недавно ушедшему из жизни. Их примеру следуют и другие бизнесмены, деловые структуры, банки.

Приведу лишь один, но впечатляющий пример участия в проекте просвещенного мецената. Опера «Турандот», которой только что рукоплескал зал, была поставлена в 2010 году благодаря тому, что АО «ПЛАСКЕ» взяло на себя немалые расходы по приглашению зарубежных постановщиков.

Наша беседа состоялась в последний день фестиваля, 15 сентября, незадолго до того как увертюра возвестила о начале оперы «Турандот». А через два с половиной часа, когда только отзвучал финальный хор, венчающий торжество великодушия и любви, мы встретились с Надеждой Матвеевной в фойе, из которого публика выходила в вечернюю сентябрьскую, еще совсем теплую Одессу…

Финал гремит, пустеет зала;
Шумя торопится разъезд;
Толпа на площадь побежала
При блеске фонарей и звезд…

Премьера оперы Рихарда Вагнера «Лоэнгрин». Эльза – Наталья Павленко. Лоэнгрин – Александр Шульц. За пультом – дирижер-постановщик Игорь Шаврук

Сцена из оперы Джакомо Пуччини «Мадам Баттерфляй»

Гала-концерт оперной труппы перед театром

Сцена из оперы Джакомо Пуччини «Турандот». В заглавной партии – Тициана Карузо

И вновь – Пушкин. Не памятник на близком бульваре, а молодой, полный впечатлений от только что закончившейся искрометной оперы Россини «Севильский цирюльник» и спешащий в номер соседней гостиницы в доме Рено (ныне – угол Дерибасовской и Ришельевской), чтобы записать эти строки в тетрадь, где на полях его рукой – силуэты: Онегин, Татьяна, он сам, в бакенбардах и при трости.

Так 18 сентября 2019 начался отсчет 210 сезона в Одесском театре оперы и балета. Первой премьерой стал «Лоэнгрин», открывший Пятый фестиваль искусств, а вторая случилась здесь ровно через месяц после нее. А далее две оперы Верди: 28 сентября «Трубадур», затем «Травиата». И вновь Пуччини – «Богема». Через год они откроют шестой «Бархатный сезон».

Завершаю эти строки, смотрю на часы. Сегодня как раз «Трубадур», и до начала осталось два часа. Пора нам в оперу скорей!

Виктория Коритнянская

Поэт серебристых облаков*...

Валентина Мацкевича относят к художникам четвертой волны южнорусской школы живописи. Ему, по убеждению многих, удалось выработать свой, неповторимый и узнаваемый стиль и занять собственную живописную нишу в художественном пространстве. Живопись его, наполненная покоем и отрешенностью от суетности мира, погружает в лирический мир бескрайних, наполненных буйством света и красок пейзажей Причерноморья. Как только ни называли Мацкевича и его живопись искусствоведы, культурологи, коллеги-художники: «классический продолжатель духовного наследия южнорусских художников конца XIX – начала XX вв.», «мастер лирического пейзажа», «поэт серебристых облаков и живых просторов земли», «Моцарт Каролино-Бугаза»... Прослеживали в его работах «отклик от Ю. Егорова, Т. Фраермана и Н. Шелюто», видели в них «диалог души с вечным», «южные чары», «аромат світлої печалі», «философскую отстраненность и медитативность», «особую «тихость», камерность, поэтичность и музыкальность». Так в чем же секрет? Откуда черпал Мацкевич вдохновение и как творил? Обо всем этом ниже...

Начало жизненного пути художника Валентина Мацкевича во многом схоже с жизнью его ровесников. Когда началась война, Вале было чуть больше четырех лет. Отец ушел на фронт, мать с тремя детьми осталась на Заставе. Пережил блокаду, оккупацию и освобождение Одессы. Окончил 120 школу, поступил в Грековку. На курсе был одним из лучших. Многие его работы экспони-

* В качестве названия взята фраза из статьи И. Божко «Живописная лирика Валентина Мацкевича» (Юг. 26 мая 1995 г.).

ровались в музее училища. Казалось бы, окончит с отличием… Но нет, дипломную работу Мацкевича зарубили (картина «Докеры», руководители: Т.И. Егорова и И.Д. Логвин). Уж слишком уставшим показался кому-то в комиссии докер и темной, как будто пожирающей советского гражданина пастью почудился док. Поступал в знаменитую Мухинку (в наст. время – Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица) – не сложилось. Творческий путь начал поздно – вначале 1970-х, после перехода в худкомбинат и покупки собственной мастерской. До этого в тесной, переполненной родственниками квартире в Вознесенском переулке писать было негде. В 1995 году – первая персональная выставка и первый инсульт. Потом – череда болезней и снова инсульт. Несмотря на это продолжал работать. Готовился ко второй персональной выставке живописи.** Мечтал сделать выставку графики. Не успел…

В Болгарии есть такая традиция: в память об умершем человеке родные вывешивают «Възпоменание» – лист с портретом ушедшего и теплыми словами о нем. Пусть же и сейчас в словесных портретах родных и близких людей оживет одесский художник – Валентин Мацкевич.

Алла Мацкевич: – В этом году (2019 г.) уже пятнадцать лет как нет папы. Он был очень добрым, очень скромным, никогда не занимался, как говорят сейчас, самопиаром.*** Все близко принимал к сердцу. Очень любил книги, много читал. Это у меня от него такое трепетное отношение к книгам. Из каждой поездки он привозил книги. Даже когда работал в России, ему Олег Костецкий находил заказы, в Средней Азии, Сибири, за Уралом, в совершенно глухих каких-то местах,**** все равно умудрялся присылать

** О планах В. Мацкевича провести еще одну персональную выставку живописи в выставочном зале Одесского отделения НСХУ находим в статье Л. Романюк «Молчаливое рождение гармонии» (Одесский вестник. 1 июля 1999 г.). В результате дальнейшего поиска информация об этом не подтвердилась.

*** О талантливости, чрезвычайной скромности, доброте и хлебосольности В. Мацкевича говорили все, с кем мы общались. Некоторые также отмечали, что он «держался немного особняком».

**** К сожалению, в то время выполнение заказов худфонда для многих художников было единственным источником доходов. В. Мацкевич – не исключение. О том, как трудно давались ему эти поездки, свидетельствуют выдержки из писем художника:

оттуда посылки с книгами. Каждую неделю. Помню, мама кричала: «Что ты все присылаешь? Места уже нет, прекрати!». А он все равно присылал, привозил… Как-то на Греческой он и Адольф Лоза оформляли книжный магазин. Так папа по блату подписался на все, что только можно было… У нас были совершенно потрясающие детские книги, с чудесными иллюстрациями, вся классика, полные серии «Американской фантастики», «Библиотеки приключений»… Папа любил читать книги по философии, у нас их было много, часть – старые, еще дореволюционные издания.

Папа обожал детей. Всегда находил с ними общий язык. Когда родился Олежка (внук), он был счастлив. Олежка рос без отца, и папа пытался компенсировать это, много времени проводил с ним, баловал…

Мы с ним были друзьями. Я была папина дочка. Когда я подросла, у нас сложился своеобразный ритуал, каждые выходные

---

21 апреля 1975 г. г. Ленинабад, Таджикская ССР

«Салам алейкум, мои дорогие, целую крепко-крепко и очень скучаю. Вот уже пятнадцать дней работаю, а конца еще не вижу. Грустно мне немного без вас и надоело одному. Правда, намного лучше, чем было в Сибири. Все-таки любимая работа…

…Меня успокаивает одна мысль, что скоро все кончится. Хочу летом не работать, вот закончу эту работу, может, в Одессе немного поработаю, а потом буду с тобой (речь идет о жене Галине). Мы так мало бываем вместе. Постараюсь, чтобы твой отпуск был для тебя отпуском. Лимит в фонде этой работой я выберу. Так что все нормально будет…»

19 июня 1982 г. Светлинский район Оренбургской обл., Российская СФСР

«…Мы уже изрядно устали. Но что поделать – раз взялись, то нужно заканчивать. Да и с деньгами не очень. Ведь первый заказ нам урезали. Я очень мало заработал…

…Знаешь, я часто уже думать стал, что мы с тобой не такие уже и молодые, и дочка у нас, надо бы что-то отложить. Так что нужно повкалывать, пока есть силы…

…Очень тебя прошу, сразу, как только получишь письмо, напиши обо всем, что меня волнует. Ведь далеко я сейчас от тебя нахожусь, поэтому мне грустно, и очень я уже соскучился…»

27 июня 1982 г. Светлинский район Оренбургской обл., Российская СФСР

«Здравствуйте, мои дорогие, родные, любимые Галочка и Аллочка. Моя дорогая любимая семья. Папка так за вами скучает, как никогда. Ведь как долго тянется эта разлука (вы, наверное, уже привыкли, но я нет – я чувствую каждый день)…»

мы совершали с ним вылазки. Всегда, в любое время года, в любую погоду… Ехали трамваем в Люстдорф или садились на катер. Тогда было два катера: «Генуя» и «Марсель»… Мы садились на какой-то из них, ехали вдоль побережья и решали, где выйдем. На 16-й станции Фонтана? Или на 10-й? Чаще выходили на 16-й, там была одна из лучших в Одессе пельменных, мы заходили туда, кушали. Иногда возвращались в порт, бродили… Сейчас понимаю, ему как художнику была нужна, наверное, какая-то смена обстановки, новые эмоции… Когда у него появилась мастерская на Веры Инбер, он стал много писать. Была осень, папа уходил рано утром и писал: переулок, забор, платан, там во дворе платан рос громадный… Мои портреты…

Папа родился с короткими пальцами на руках. Врачи говорили, это что-то наследственное… Но он всему научился. Писал, чертил, рисовал, готовил прекрасно, по дереву работал, мог сделать раму, что-то из мебели, да все что угодно… Шил… Я балетом занималась, так он всегда шил мне балетные тапочки… У папы белорусские корни… Здесь почему-то многие думали, что он еврей. Наверное, из-за фамилии. Иногда из-за этого были сложности… В худфонде, Союзе художников. Но папа старался не обращать на это внимание, главное для него было – заниматься любимым делом…

Папа очень любил Одессу, любил Бугаз, многие его работы написаны на Бугазе. Мы уезжали туда на лето, там у его сестры дача. Они нас приглашали… Был период, друзья тянули его в Америку. Не захотел уезжать, и мы остались.

После его смерти – почти полное забвение. Приходили, правда, брали материал для книги «Модернисты Одессы». Иногда из галерей приходят, просят работы. В 2013-м купили его автопортрет. Мы долго не решались, но потом продали – было тяжело смотреть на работу…

Валерий Басанец: – Валентин был очень радушным, гостеприимным, очень хлебосольным хозяином. Наши мастерские находились рядом, по вечерам всегда собирались у него. Знали, он всегда угостит…

Мацкевича нельзя называть нонконформистом, он был, прежде всего, художником-монументалистом и не писал, как мы, изо

дня в день, разрабатывая и оттачивая мастерство. Для него это не было самовыражением, не было самоцелью. Но, естественно, мы все влияли друг на друга. Его живописные произведения рождались спонтанно. Он мог долго не писать, а потом раз – впечатление. Как удар… Он ловил эти впечатления, когда шел через сквер, на море… Потом приходил и писал… Так рождались его замечательные картины…

Виктор Маринюк: – Ми разом прожили щасливе, бурхливе, насичене різними подіями життя. Працювали, випили з ним чимало вина, багато спілкувались. Це головне.

Познайомились ми з Валентином в училищі. Я поступив у п'ятдесят дев'ятому році, а він раніше, десь на два-три роки. Потім працювали разом. Знайомі були близько тридцяти років.

Мацкевич – талановита людина. Я пам'ятаю його етюди в училищі, вони були зроблені дуже талановито, щось близьке до того, як робив Єгоров. Валентин був дуже порядний, щедрий, відвертий. Дуже приємний, цікавий співрозмовник. Дуже гостинний. Друзі, приємна атмосфера в майстерні, вино, їжа… Ми взагалі багато спілкувались. Це був один з найважливіших компонентів нашого життя.

Валя займався монументальним мистецтвом. Робив свої роботи дуже фахово, на високому професійному рівні. Живописом займався не постійно. Середній період його творчості нагадував мені стиль журналу «Юність». Такі ліричні пейзажі – море з однією хмаркою… В живопису він був лірик. Він не входив в наше коло (художників-модерністів), проте підтримував цей напрям, поділяв наші погляди щодо сутності мистецтва. Це, безумовно, впливало на його творчість.

Ви запитували про участь Мацкевича в неофіційних квартирних виставках? Валя брав у них участь декілька разів, у 1975-1977-му роках. Проте число тут не має значення. В ті часи треба було мати неабияку мужність, щоб брати участь у таких виставках. Мацкевич – учасник цього яскравого і важливого явища в культурному житті того часу.

Николай Краснощек: – С Валентином я познакомился в 1976 году. Архитектор Володя Бондаренко и я строили мастерские на чердаке флигеля, в здании, где располагался раньше кино-

театр «Украина». Массивные дубовые столбы делили пространство чердака на три равные части, мы решили использовать это деление для возведения стен между мастерскими. Адольф Лоза порекомендовал мне отсек по соседству с Валентином Мацкевичем. Это был день нашего первого знакомства. Впоследствии мы стали близкими друзьями. Два года мы все вместе активно занимались строительством.

Валя Мацкевич был очень скромным и, я бы сказал, добрым и застенчивым человеком. Всегда держался на втором плане и никогда себя не выпячивал. У него была манера или особенность доводить все, за что бы он ни брался, до совершенства. Реставрировал ли он ножку старинного стула, или восстанавливал детали старинной двери, он всегда старался сделать работу так, чтобы выполненная им деталь превосходила оригинал. Когда Валентин занимался творчеством, то делал это, запершись в мастерской, или даже у себя дома, и лишь по окончании работы, выдержав ее в течение месяца или двух, мог ее показать. Иногда он подолгу вынашивал сюжет. Я видел это по многочисленным небольшим наброскам, на которых он компоновал основные элементы композиции. Иногда же по свежим впечатлениям он сразу начинал холст и за два-три дня заканчивал произведение.

Часто, поработав с утра до трех-четырех часов дня, к нам начинали сходиться товарищи и соседи по мастерским. В основном это были Володя Цюпко, Валя Филипенко, Валера Басанец, Витя Маринюк, Адольф Лоза, Юра Коваленко и Алик Волошинов. Мы пили чай. Помню, у Вали всегда в запасе были коробочки копченой рыбки из магазина «Океан». Иногда я предоставлял свою мастерскую для больших заказов по монументальной живописи или мозаики для моих друзей-монументалистов: Мацкевича, Володи Цюпко, Юры Егорова и Маринюка. Тогда приходилось убирать немногочисленную мебель, и на полу раскладывались картоны общей площадью до семидесяти квадратных метров.

Думаю, что сравнительно небольшая известность Мацкевича, в первую очередь, заключается в том, что Валя был очень стеснительным и поэтому редко выставлял свои работы на публику. Он больше любил заниматься самим процессом творчества, чем демонстрацией его на выставках. И сейчас, спустя тридцать лет,

мне часто снится мастерская и наша неспешная беседа с Валей за чаем…

Олег Волошинов: – После окончания Академии художеств (О. Волошинов окончил Санкт-Петербургский государственный институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина) я вернулся в Одессу, преподавал в училище. У меня была мастерская на Канатной, 9. Почти каждый вечер там собирались художники, вся творческая интеллигенция, весь творческий, так сказать, андеграунд. Сидели допоздна. В один из вечеров пришел Мацкевич, так мы познакомились. Позже я узнал его поближе. Это случилось в одной из поездок. Был такой человек – Олег Костецкий, он искал заказы. Как-то Олег нашел заказ где-то в Сибири (г. Уренгой), взял меня, мы пригласили Мацкевича, еще пару художников. Оформляли там Дом культуры. Было много разной работы, мы выполняли росписи, делали чеканку. Я там чеканку научился делать… И курить… Помню, была зима, на улице минус пятьдесят, вьюги мели страшные…

Мацкевич – умелый работник, талантливый человек. Писал замечательные, очень достойные картины. Пейзажист, лирик. Сюжеты для своих работ находил где-то в городе. Были у него такие… Бугаз еще у него интересный…

Был ли Валентин скромным? Да. Он мало выставлялся… Он был такой человек… Добивался качества, долго делал работы, сидел, перерабатывал, что-то добавлял, что-то убирал. Есть такие художники…

Мацкевич работал в худфонде. Был загружен. Тогда худфонд снабжал художников работой. Было много заказных работ, мы все там кормились, жили, в общем, нормально, не бедствовали… Он – монументалист, делал витражи, росписи, мозаики… Жить его была наполнена этим. Эскизы, худсовет… Все очень серьезно… Это была колоссальная работа…

Игорь Божко: – Валентин Мацкевич… При этом имени почему-то сразу же в памяти возникает общая фотография, снятая во дворе на Канатной, там, где когда-то находилась мастерская Олега Волошинова. В этой мастерской мы (группа одесских художников) сделали подпольную выставку своих картин, а потом вышли во двор, и кто-то нас щелкнул. Стоим там все еще относи-

На море. 1980-е гг.

В одесском порту. 1960 г.

Весна. 1997 г.

«Старт». Спорткомплекс «Олимпиец». Фото Е. Никифорова

Тюльпаны. Неоконченный этюд.
1995-1996 гг.

Бугаз. 1990 г.

Портрет дочери. 1972 г.

тельно молодые (лысых и седых нет), все еще живые, и всё еще впереди. Среди нас выделяется своей внушительной фигурой и Валентин Мацкевич. Мацик – как ласково называли его друзья и приятели. Он был талантлив и добр. Любил посидеть в компании. Часто собирались в его мастерской на Ришельевской. Там под самой крышей находились еще мастерские «мамайцев» – Цюпко и Басанца. В творческую группу художников «Мамай» Валентин не входил, но состоял активным членом «Човна» и «ТОХа»*, куда меня избирали в те (девяностые) годы председателем. Тогда-то я и более тесно сошелся с этим удивительно тонким художником. Редакция газеты «Юг» в те времена была нашей «крышей», где мы также часто собирались по нашим художническим делам. Там хранилась часть наших работ. Иногда в те суровые времена нам удавалось что-то продавать. Так, я помню, ушли в Канаду две славные работы Валентина «Девушка из бара» и пейзаж с радугой и лошадью. По-моему, эти работы вошли в наш каталог тех лет. Помню небольшую выставку работ Валентина в галерее университета. Живая яркая выставка. Там мы увидели и цветы, и пейзажи, и морские берега. Все это было исполнено рукой мастера. Легко, свободно, артистично. В моей личной коллекции хранится его проникновеннейшая работа «Каролино-Бугаз», которую я выкупил у М. Кнобеля, уговорив того взять себе написанную Валентином копию вместо оригинала. Когда под конец своей жизни в связи с болезнью ног Валентин стал реже приходить в свою мастерскую – мы стали реже видеться. А когда встречались у него, то, хорошо посидев, закусывая его фирменным с чесноком смальцем, я собирался уже уходить, он обязательно предлагал: «Возьми у меня что-нибудь». Это была наша обоюдная церемония прощания. Вот у меня всегда под рукой его маленький молоточек,

* С. Ильин, фактически исполняющий обязанности председателя Творческого объединения художников (ТОХ) с момента его создания (1986 г., в других источниках – 1985 г.) до 19916 года (С. Ильин руководил ТОХом до начала 1989 года, после него объединение возглавил М.А. Чайка (Ф. Давыдов. «ТОХ: второе дыхание». – Знамя коммунизма. 13 мая 1989 г.)), утверждает, что В. Мацкевич никогда не состоял членом этой организации. Более того, Мацкевич ни разу не принимал участия в выставках ТОХа указанного периода, хотя практика приглашения и участия в них художников «со стороны» была широко распространена. В статьях, посвященных выставкам ТОХа (газета «Знамя коммунизма», 1987-1989 гг.) В. Мацкевич в числе участников также не упоминается.

который я прихватил при очередном прощании. Кажется, при последнем. Валентин любил жизнь, любил своих друзей и приятелей. Жаль, что рано ушел на небеса Господни.

В Интернете, книгах, заметках газет и журналов информация о Валентине Мацкевиче достаточно однообразна, фрагментарна и во многом разноречива. Даже дата смерти художника приведена в различных источниках с разницей в один год. В связи с этим ниже мы попытались представить максимально полные и уточненные сведения, опираясь, прежде всего, на данные, указанные самим художником (личное дело в архиве ООО НСХУ, семейный архив), и воспоминания его дочери Аллы Мацкевич, которая жила с отцом до самого его ухода и долгое время работала с ним в Одесском художественно-производственном комбинате.*

Мацкевич Валентин Мефодиевич

(16.04.1937, г. Одесса – 26.01.2004, г. Одесса)

Художник-монументалист (техники: мозаика, сграффито, холодная энкаустика, витраж), живописец (техника масляной живописи; жанры: пейзаж, натюрморт, портрет), график. Окончил Одесское художественное училище имени М.Б. Грекова (1956-1961 гг., учителя: Т. Егорова, Ю. Егоров, Н. Павлюк, И. Логвин). После окончания училища преподавал рисование и черчение в средней школе-интернате (г. Тараща, Киевская обл.). В 1968 г.

* При написании статьи использованы также воспоминания друзей и знакомых художника: В. Басанца, В. Маринюка, Н. Краснощека, И. Божко, О. Волошинова, Т. Басанец, С. Ильина, В. Асриева и Е. Голубовского, материалы книг и периодических изданий: Данишевская Л. Радуга – дорога в небо // Юг. 20 мая 1994; Данишевська Л. Срібний світ художника // Чорноморські новини. 12 квітня 1995; Галерея мистецтв «Човен». Каталог. 1994; Божко И. Живописная лирика Валентина Мацкевича // Юг. 26 мая 1995; Данишевская Л. «Тихая» живопись Валентина Мацкевича // Вечерняя Одесса. 24 июня 1995; Тарасенко О. Пейзаж с радугой // Юг. 30 июня 1995; Данишевська Л. І буде веселка у хмарі // Україна. № 1, 1996; Гудима М. Мовчазна гармонія // Культура і життя. 30 вересня 1998; Романюк Л. Молчаливое рождение гармонии // Одесский вестник. 1 июля 1999; Остапенко О. Четверта хвиля // Море, № 2, 2005; Дмитренко А.Н. Союз художников Одессы. Стрый: Львовская обл., Укрпол, 2013; Голубовский Е. Путь к признанию // Всемирные одесские новости. № 3 (89). 2014; Савицкая О. Легендарные художники-нонконформисты Украины. Одесская группа. 2014; Модернисты Одессы. 2014; а также данные сайтов Музея современного искусства Одессы, «Модерністи Одеси», Галереи NT-Art и др.

возвращается в Одессу, работает ведущим художником-конструктором СКБ Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР. С 1972 года – художник-монументалист в Одесском художественно-производственном комбинате ХФ УССР. Член Национального союза художников Украины (с 1987 г.), член творческого объединения «Човен» (с 1992 г.).

Автопортрет. 1980-е гг.

Выдвигался на Доску почета Одесского художественного производственного комбината (1984-1985 гг.) и Одесской области (1986 г.). «За безупречную работу и высокий уровень творчества» награжден медалью «За трудовую доблесть» Президиума Верховного Совета СССР (22 августа 1986 г.).

Выполнил ряд авторских монументальных работ:** «Дороги», сграффито, 60 м^2, 1974 г., Управление пассажирского автотранспорта, г. Одесса; витражи «Наука», 2,2×12 м в вестибюле Одесского инновационно-информационного центра «ИНВАЦ», 1979 г., и «Легкая промышленность», «Химическая промышленность», «Сельское хозяйство», «Промышленность», все 2,2×1,8 м в выставочном зале «ИНВАЦ», 1980 г.; «Досуг», холодная энкаустика, 3×8 м, 1979 г., столовая одесской СШ № 90; «Отдых» и «Старт», холодная энкаустика, 1,8×12 м, 1981 г., и 2,8×3 м, 1982 г. соответственно, кафе детского спорткомплекса «Олимпиец»; «Игра», холодная энкаустика, 5,5×3 м, 1982 г., спортивный зал для игры

** В настоящее время многие из монументальных работ В. Мацкевича утрачены. Известно также, что он активно работал в странах – бывших республиках Советского Союза: России, Казахстане, Таджикистане.

в настольный теннис, спорткомплекс «Старт»; витражи «Природа» и «Космос», 12,5×2,8 и 5,5×2,1 м, 1983 г.; зимний сад и кабинет «Атеизм» школы детского оздоровительного лагеря «Молодая гвардия»; «Сталь», витраж, 2×9 м, 1983 г., вестибюль Донецкого металлургического техникума; «Море» и «Мир дому твоему», холодная энкаустика, обе – 4×12 м, 1986 г., столовая Специализированного одесского санатория для ветеранов ВОВ «Салют»; декоративно-монументальная роспись «Пионерский костер», до 1987 г., пионерская комната одесской СШ № 55; витражи «Весна», «Одесса», оба 3×4 м, 1987 г., интерьер отделения Государственного банка в Одессе (ул. Шолом-Алейхема, в наст. время – Мясоедовская); витражи «Отражение», «Индустриальный пейзаж», 5×3 и 4,5×3 м, 1987 г., интерьер ВНИТИ «Шельф» (г. Симферополь); декоративно-монументальные росписи интерьеров болгарского зала в Одесском литературном музее (1985 г.), библиотеки в г. Белгороде-Днестровском, средней школы в с. Нерубайском, зала Центральной автостанции в г. Беляевке (все до 1987 г.); витраж в интерьере детского сада (г. Килия), витраж «Радиоэлектроники» в НИИ «Шторм» (г. Одесса), оба до 1987 г.

Оформил ряд автобусных остановок на трассе «Одесса – Киев» (в техниках монументально-декоративной росписи и мозаики).

Работы В. Мацкевича находятся в собраниях Музея современного искусства Одессы, Музея современного изобразительного искусства Украины (г. Киев), Одесского художественного музея, Николаевского областного художественного музея имени В.В. Верещагина, Херсонского областного художественного музея имени А.А. Шовкуненко, Галереи современного искусства NT-Art, в частных собраниях Украины, Германии, России, Канады, Грузии, Японии, США.

Выставочная деятельность В. Мацкевича:

Май 1973 – выставка четырех молодых художников: В. Мацкевича, В. Стрельникова, В. Цюпко, Л. Ястреб. Редакция газеты «Комсомольская искра», г. Одесса;

1975 – неофициальная выставка работ одесских художников: В. Маринюка, В. Басанца, О. Волошинова, Л. Ястреб, В. Стрельникова, И. Божко, В. Мацкевича, В. Цюпко и др. Мастерская О. Волошинова, г. Одесса;

1975-1977 – участие в неофициальных квартирных выставках одесских нонконформистов, г. Одесса;*

1981 – Республиканская выставка рисунка, г. Киев;

1983 – выставка «Трудова Одещина у творах одеських художників». Выставочные залы НСХУ, г. Одесса, Киев;

1984 – неофициальная выставка работ С. Савченко и его друзей: В. Басанца, В. Стрельникова, В. Маринюка, Ю. Шуревича, А. Стовбура, В. Буланого, Л. Ястреб, В. Цюпко, О. Волошинова и В. Мацкевича. Квартира С. Савченко, г. Одесса;

Июль 1987 – Первая выставка художников-монументалистов Одессы. Одесский художественный музей, Одесский музей западного и восточного искусства, г. Одесса;

1987 – выставка претендентов на прием в члены СХУ по Одесской области. Выставочный зал ООО НСХУ, г. Одесса;

1988 – Вторая выставка художников-монументалистов Одессы. Выставочный зал ООО НСХУ, г. Одесса;

28 октября – 6 ноября 1989 – выставка лучших работ художников – участников Всесоюзного пленэра «Город у моря». Одесский художественный музей, г. Одесса;

11-25 сентября 1991 – выставка «Слава и современность г. Одессы», посвященная 25-летию дружбы городов-побратимов Йокогамы и Одессы. Городская галерея г. Йокогамы, Япония;

Август 1993 – выставка, посвященная 60-летию памяти трагического голода на Украине. Выставочный зал ООО НСХУ, г. Одесса;

---

* Во многих источниках В. Мацкевич неоднократно упоминается как участник знаменитых квартирных выставок нонконформистов (1975-1977 гг.) в Одессе. Мы попытались разобраться в этом вопросе. В. Асриев, владелец квартиры на Бебеля, 19, где они часто проходили, и В. Басанец – активный их участник – не помнят. Е. Голубовский и В. Маринюк говорят об эпизодическом участии Мацкевича, возможно, в самом их начале. Одна, две, максимум три выставки. К сожалению, в силу известных причин найти более подробную информацию об этом не удалось. Возможно, в дальнейшем исследователи нонконформистского движения в Одессе смогут раскопать что-то еще, но на сегодняшний день очевидно одно: В. Мацкевич не входил в ядро одесских нонконформистов, как и не входил потом в число позднее примкнувших к нему активных участников. Несмотря на это, он, безусловно, был своим в одесской нонконформистской группе, со многими представителями которой его связывали длительные дружественные отношения (с В. Басанцом, В. Маринюком, В. Цюпко, Ю. Коваленко и др.).

Октябрь 1994 – выставка произведений одесских художников, посвященная 200-летию города Одессы. Одесский музей западного и восточного искусства, г. Одесса;

5 ноября – 5 декабря 1994 – Первая выставка творческого объединения «Човен». Одесский музей западного и восточного искусства, г. Одесса;

Май 1995 – персональная выставка «Валентин Мацкевич. Живопись». Художественная галерея ОНУ имени И.И. Мечникова, г. Одесса;

Ноябрь 1995 – Осенняя выставка этюдов. Выставочный зал ООО НСХУ, г. Одесса;

1995 – выставка «Живопись и скульптура» в рамках проведения Международной конференции «В. Кандинский в художественной жизни Одессы». Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, г. Одесса;

1996 – выставка творческих объединений Украины «Арт-клуб-96», «Човен». Музей современного украинского искусства, г. Хмельницкий;

1996 – выставка «Одеські митці – Всесвітньому конгресу українських лікарських товариств». Одесский национальный медицинский университет, г. Одесса;

Август 1997 – областная выставка, посвященная Дню независимости Украины. Выставочный зал ООО НСХУ, г. Одесса;

Август 1997 – выставка «День независимости». Одесский музей западного и восточного искусства, г. Одесса;

12-26 декабря 1997 – выставка произведений одесских художников «Крізь віки», посвященная 2500-летию основания Белгорода-Днестровского. Одесский художественный музей, г. Одесса;

Ноябрь 1998 – выставка «60 лет Союзу художников Украины». Одесский музей западного и восточного искусства, г. Одесса;

1999 – выставка «Художники неофициального направления. Одесский андеграунд 1960-1980 гг. из коллекции Т. Басанец». Галерея «Мост», г. Одесса;

2003 – выставка «Одесские художники в коллекции М. Кнобеля». Национальный художественный музей Украины, г. Киев;

2003 – выставка «Группа «Човен», г. Одесса.

Выставки, на которых экспонировались произведения В. Мацкевича после его смерти:

2008 – выставка «Как молоды мы были…». Одесские художники-нонконформисты. 60-80-е гг. XX в. в собрании Ф. Кохрихта и А. Дымчука. NT-Art Gallery, г. Одесса;

2009 – выставка современного искусства Одессы. Выставочные залы МСИО, г. Одесса;

2009 – выставка «Одесская коллекция», посвященная открытию Музея современного изобразительного искусства Украины (после переезда на улицу Глыбочицкую). Выставочные залы МСИИУ, г. Киев.

2011 – выставка автопортретов художников Одессы «Я есть» из коллекции Александра Дмитренко. Одесский музей западного и восточного искусства, г. Одесса;

2013 – «Одесская школа. Традиции и актуальность». Художественный арсенал, г. Киев.

Автор выражает искреннюю благодарность А. Мацкевич, В. Басанцу, И. Божко, В. Маринюку, Н. Краснощеку, О. Волошинову, Т. Басанец, С. Ильину, Е. Голубовскому, В. Асриеву, А. Дмитренко, И. Русиной, А. Горбенко, О. Здоровецкой, Е. Садковской и Е. Никифорову за помощь в подготовке публикации.

Евгений Деменок

Василиск Гнедов, Одесса и мититеи

Существует красивая и ничем не подтвержденная легенда о том, что Пушкин и Лермонтов встречались единственный раз в своей жизни именно в Одессе – мол, бабушка Михаила Юрьевича, Елизавета Алексеевна, привозила его в Одессу еще мальчиком.

Вторая легенда, подтвердить которую гораздо легче, гласит о том, что мы с Василиском Гнедовым встретились однажды тоже в Одессе – в Аркадии, в очереди за мититеями.

Об этом я и хочу рассказать.

* * *

Василий Иванович Гнедов, вошедший в историю как поэт Василиск Гнедов, в период «бури и натиска» русского футуризма считался самым радикальным из эгофутуристов и самым близким к кубофутуристам. Автор знаменитой «Поэмы конца», состоявшей из одного лишь жеста, оказавшей влияние, в том числе, и на Казимира Малевича, неоднократно выступал на одной сцене и с Давидом Бурлюком, и с Владимиром Маяковским. Выступления его всегда вызывали бурю эмоций.

Гнедов входил в ареопаг «Интуитивной ассоциации» эгофутуризма, вместе с Иваном Игнатьевым, Павлом Широковым и Дмитрием Крючковым он подписал знаменитую «Грамату Интуитивной Ассоциации Эгофутуризм». Помимо ряда сборников эгофутуристов, опубликованных издательством «Петербургский глашатай», стихи Гнедова вошли в сборник «Руконог», изданный объединением «Центрифуга», где они соседствовали со стихами Николая Асеева и Бориса Пастернака, а в начале 1918 года он сам выпустил сборник «Временник 4», в который среди прочих вошли стихи Николая

Асеева, Григория Петникова и Велимира Хлебникова. Тогда же он стал одним из председателей земного шара. Широкую известность Гнедову принесла опубликованная в 1913 году брошюра «Смерть искусству», состоящая из пятнадцати поэм, последняя из которых, «Поэма конца», представляла собой чистый лист. При чтении ее со сцены, по словам Владимира Пяста, Гнедов делал только один жест рукой, не произнося при этом ни слова: «Слов она (поэма) не имела и вся состояла только из одного жеста руки, поднимаемой перед волосами и резко опускаемой вниз, а затем вправо вбок. Этот жест, нечто вроде крюка, и был всею поэмой».

Поэт-трансфурист Сергей Сигей, работавший с рукописями Гнедова и составивший один из сборников его стихотворений, считал, что если Хлебников дал первый импульс словотворчества, Крученых стал родоначальником заумной поэзии, то Гнедов возвел жест на уровень литературного произведения, предвосхитив таким образом современные перформансы и боди-арт.

Гнедову принадлежат и первые футуристические опыты на украинском языке, созданные даже раньше первых футуристических стихов Михайля Семенка.

Критика не могла не заметить такого яркого персонажа. Корней Чуковский писал о том, что Гнедов вовсе не эгофутурист, а «переодетый Крученых» (Чуковский знал, что Крученых и Гнедов даже жили в 1913 году в одной квартире в петербургском Лигове). И действительно, из всех эгофутуристов он был ближе всего к «московской группе», к кубофутуристам, неоднократно выступал с Владимиром Маяковским на одной сцене, но так и не стал одним из них.

Интересно, что во время одного из выступлений в московском «Кафе поэтов», которое было «домашней сценой» Давида Бурлюка, Маяковского, Василия Каменского и «футуриста жизни» Владимира Гольцшмидта, Бурлюк приветствовал Гнедова как «генералиссимуса русского футуризма». Это было в октябре 1917-го, Гнедов участвовал тогда в шедших в Москве боях. Как сам он писал впоследствии, он был в то время командиром революционного отряда у Никитских ворот и начальником военного штаба Ревкома Городского района Москвы.

Революция, как известно, пожирает своих детей. Гражданскую жену Гнедова, известную революционерку Ольгу Владимировну

Пилацкую, знавшую Ленина задолго до 1917 года и ставшую в 1920-х заведующей женотделом ЦК КП(б)У, а в 1930-х – заместителем председателя Госплана УССР и даже членом ЦИК СССР, в 1937 году обвинили в контрреволюционной деятельности и расстреляли. Сам Гнедов был 8 января 1938 года арестован и осужден на 5 лет административной ссылки – как муж участницы «контрреволюционной террористической организации». С 1943 до 1957 года он работал инженером в провинции (Таджикистан, Дагестан, Углич), а весной 1957-го переехал в Киев, где в 1960-м году даже получил квартиру. Удивительно, но Гнедов не разочаровался ни в партии, ни в коммунистической идее. Вернувшись из ссылки, он добился того, чтобы их брак с Ольгой Пилацкой признали официальным – задним числом. Это случилось в 1957 году.

После возвращения из ссылки к нему «возвращаются» стихи. Если стихов, написанных за период с 1918 по конец 1940-х, до нас практически не дошло (то ли их практически не было, то ли были уничтожены следователями либо самим поэтом), то с начала 1950-х и до самой смерти в 1978 году Гнедов пишет тысячи стихотворений, очень разных по уровню, но единых в одном – они так же нарушают общепринятые литературные нормы, как и его ранние стихи. До выхода в свет подготовленного Ильей Кукуем (работавшим, в том числе, и с тем, что было собрано Сергеем Сигеем) сборника лишь малая часть этих стихов была опубликована. Более того – и сейчас немало стихов Василиска Гнедова ждут своей публикации, оставаясь в рукописях, находящихся в разных странах.

В 1970-х забытый, казалось, почти всеми поэт вновь привлекает к себе внимание литературоведов и историков – ведь он остался одним из немногих живых свидетелей литературной жизни начала века, лично близко знавшим чуть ли не всех главных поэтов того времени, начиная от Северянина и Игнатьева и заканчивая Пастернаком и Маяковским. К этому времени Гнедов жил и в Киеве, и в Херсоне, на проспекте Ушакова, 64, со своей второй женой Марией Николаевной Соболевской.

Осенью 1971 года Василиск Гнедов приезжает в Одессу – поправить здоровье в санатории имени Чкалова. Узнав об этом, к нему едет Евгений Михайлович Голубовский, захватив с собой прекрасного фотографа Сергея Калмыкова.

* * *

Евгений Михайлович работал тогда в «Комсомольской искре» и слышал о Гнедове как о поэте-футуристе. Приехав в санаторий, они с Калмыковым увидели высокого «кремезного» мужчину, ходившего с деревянной суковатой палкой. Гнедов рассказал о своих футуристических опытах, но был очень осторожен. Отношение его к своим бывшим соратникам по поэтическому цеху было очень просоветским: вот Маяковский – это да, а все остальные – это не наше. Такое поведение было очень характерным для пережившего репрессии поэта – при первой встрече с новыми знакомыми он декларативно демонстрировал свою «советскость», проводя тем самым отбор собеседников. Те, кто проходил этот тест, имели шанс увидеть другого Гнедова – поэта, оставшегося эгофутуристом до конца своих дней.

Василий Иванович предложил тогда Голубовскому опубликовать в газете одно из новых его стихотворений из цикла «365 стихотворений о Ленине». И пообещал после публикации передать ему корону председателя земного шара. Но стихотворение было настолько в стилистике Лебедева-Кумача, что у Евгения Михайловича не поднялась рука его опубликовать. Дружившим с Гнедовым Николай Харджиев позже снабдил стихотворения этого цикла уничижительной характеристикой, где самым сдержанным словом было «пакость». В результате из всего цикла до нас дошло то единственное стихотворение, которое Гнедов отправил Голубовскому, – остальные, судя по всему, уничтожил как раз Харджиев. Два года назад я опубликовал его в сетевом журнале «Гостиная», и Евгений Михайлович в шутку и всерьез передал мне эту самую корону транзитом от Гнедова. Корона имела вид аристократического шарфика.

Немного позже я понял, почему поэт, о котором я не так давно почти ничего не знал, сразу же показался мне таким близким. Разгадка нашлась в самом полном, пятисотстраничном сборнике его стихотворений, выпущенном Ильей Кукуем в 2018 году. Во всем сборнике есть одно-единственное стихотворение, написанное Гнедовым в Одессе. Оно датировано 29-м октября 1971 года и открывается эпиграфом: «Мититей» – загадка Аркадии (Одесса)».

Василиск Гнедов и Евгений Голубовский. Одесса, 1971 год

* * *

Все гулявшие в 1970-х по Аркадийской аллее хорошо помнят, что ровно посередине ее, слева – если стоять лицом к морю – находилась небольшая стекляшка, в которой готовили и продавали мититеи. Подавали их в тарелочках из фольги, по две колбаски, с парой колечек лука, кусочками хлеба, огурца и ложкой кетчупа. Их божественный вкус я помню до сих пор.

В Аркадию мы ходили с дедушкой. Конечно же, не купаться – все одесситы прекрасно знали, что купаются в Аркадии лишь приезжие, и вода там наполовину разбавлена мочой. Мы ходили туда прогуляться по аллее с пальмами и поесть мититеи.

Стоило это божественное лакомство целый рубль, и иногда мне удавалось уговорить дедушку купить вторую порцию. Честно говоря, я съел бы и пять порций без малейшего напряжения.

И как же радостно было спустя почти пятьдесят лет после тех прогулок узнать, что мою страсть к мититеям разделял друг Бур-

люка и Маяковского! Они настолько восхитили Василиска Гнедова, что он посвятил им целое стихотворение. Вот оно:

Что такое «мититей»
Здесь никто не знает
Много есть к нему путей
Верхами и низами

Воплотилася мечта
В той стране счастливой
И в Аркадии все мчат
К реке медоточивой

Воронцов ее создал
В дни благословенные
Тут и пушкинский скандал
И трели соловьиные

Верим мы или не верим
В буколические сказки
Мититеи злой империи
В золотой ходили каске
……..
Мититей – то просто мясо
Пережаренное в масле
Легкомысленная масса
Все сожрет, что бросишь в ясли!

Нет, не Потемкинская лестница, не Воронцовский маяк, не Дюк – именно мититеи поразили поэта до глубины души.

Приблизительно в это время поразили они и меня. Да так, что я помню их вкус до сих пор.

Бывают удивительные, мистические сближения – сквозь годы и расстояния. Любовь к футуризму и мититеям – что еще нужно для того, чтобы почувствовать в человеке родственную душу? Будь он даже не просто человеком, а председателем земного шара?

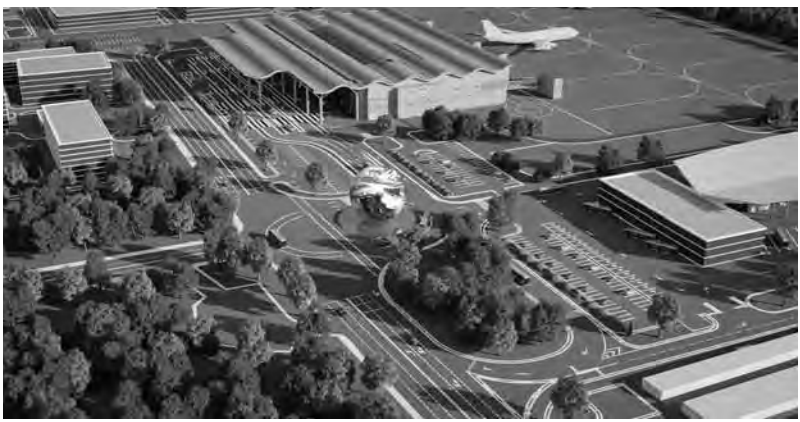
Феликс Кохрихт

Сфера Одессы

Пройдет несколько времени – и Одесса обретет свою Сферу.

Существует немало толкований этого термина. Основной: геометрическая фигура – поверхность с равноудаленными от центра точками. Она издавна привлекала и философов, и прагматиков. К примеру, древнегреческий математик Пифагор полагал, что планеты движутся под музыку – музыку сфер. Со времен Навуходоносора, Макиавелли и Черчилля политики включали в сферу своих интересов все, что «блестело» и плохо лежало.

И все же и сегодня, и завтра сфера – невидимая граница, окаймляющая нашу планету. Внутри нее – атмосфера, содержащая воздух, вовне – стратосфера, за которой жесткий космос. Как показывают фотоснимки, сделанные космическими кораблями и зондами, при-



саживающимися на планеты, и оттуда видна наша Земля, – единственная защищенная голубой сферой, подаренной нам Вселенским разумом – у каждого из нас свое представление о Нем.

Говорят, что и нынешние члены экипажей межпланетной орбитальной станции видят из космоса нашу Одессу – есть даже ее (наши!) фотографии с узнаваемой береговой линией. Но вскоре у пилотов не только космических кораблей, но и пассажирских авиалайнеров кроме приводных радиомаяков появится еще один ориентир – Сфера, меняющая цвета, оттенки, чередующиеся согласно компьютерной программе, но я полагаю – соответственно состоянию атмосферы, времени года и поэтическому плану ее создателя, нашего земляка Степана Рябченко. Недавно он победил в международном конкурсе на создание скульптуры (так сказано в документах), которая будет сооружена при въезде в новый терминал нашего аэропорта.

Пилотам станет сподручнее, да и веселее привязываться к посадочной полосе, а тот из нас, кто мчится в автомобиле к терминалу, замедлит движение, чтобы не только полюбоваться этим

инженерным сооружением, но и проникнуться смыслом меняющихся на поверхности Сферы метафорических картин – прошлого, настоящего и будущего, таких, какими их представляет Степан Рябченко, один из самых узнаваемых и известных деятелей современного изобразительного искусства: его архитектурные проекты, циклы компьютерной графики, инсталляции представлены на выставках и в постоянных экспозициях международных собраний и форумов и заслужили автору и лауреатства, и премии.

Но сфера интересов Степана – не только масштабные проекты, но и создание городской скульптуры и дизайна на улицах Одессы. Сегодня, когда стемнеет, давайте сходим на Дерибасовскую – и поближе к Гаванной увидим, как на стене дома 18 внезапно возникнет пара одесских аборигенов: кот и кошка. Разноцветный неон, словно темпераментная кровь, оживит их ровно в то мгновение, когда сработает компьютерное реле… Но это – объяснение для прагматиков, а философы и романтики улыбнутся и в который раз убедятся, что чудеса все же бывают.

Сферу Одессы – какой она будет – мы поставили на обложке этого номера.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Публикации

266 **Амшей Нюренберг**
Письма, которые должны жить

299 **Анна Сон**
Не публиковавшиеся стихи

304 **Юрий Михайлик**
Анна Сон

Амшей Нюренберг

Письма, которые должны жить

(Пометка Нюренберга на пакете с письмами)

Амшей Маркович Нюренберг – художник, график, искусствовед, автор мемуарной прозы. Окончил Одесское художественное училище, жил в Париже в 1911-13 и 1927-29 гг. С 1920 г. жил и работал в Москве.

Одесский альманах, продолжая публикацию его архива, предлагает читателю материалы из Отдела рукописей Третьяковской галереи об одесских связях Нюренберга, дополненные и прокомментированные его внучкой к. фил. н., О. Тангян.

Амшей Нюренберг родился 17 апреля 1887 года в Елисаветграде (в советское время Кировоград, ныне – Кропивницкий). Его отец Марк Нюренберг занимался рыбной торговлей. В семье было 10 детей. Жили скромно, хотя имели собственный дом. Пять дочерей получили среднее медицинское образование. Все сыновья тоже имели профессии: Лев впоследствии руководил типографией, в том числе ВХУТЕМАСа, Яков работал фотографом АПН, Исайя владел часовой мастерской, старший Амшей и его младший брат Давид стали профессиональными художниками.

Художественная жизнь Нюренберга началась после встречи в Елисаветграде с Оскаром Беренсом – немцем по происхождению, агрономом, образованным человеком. Тот оценил способности мальчика и решил помочь ему, оплатив образование в Одесском художественном училище. В сохранившихся письмах Беренс* радовался успехам молодого человека, но одновременно сетовал, что Нюренберг прервал обучение, уехав в Париж, и часто

* См. письма Беренса в статье О. Тангян «Возвращение в Украину», альманах «Дерибасовская – Ришельевская», Одесса, 2011, № 46.

отвлекался на литературную работу. Наставнику казалось, что его подопечный разбрасывался.

Оскар Беренс. Крутые, 1916 г.

У Нюренберга сохранился фотопортрет Беренса с несколько ироничной дарственной надписью: «Моему дорогому брату, Амшею, на добрую память от просящего у него прощения за содеянное зло». На самом деле Нюренберг очень ценил помощь, оказанную ему Беренсом. Он отмечал, что искусство не только приносило ему большую радость, но и не раз спасало его в трудные моменты жизни. В 1942 году во время тяжелого периода войны и эвакуации в Ташкент Нюренберг записал: «Мое художественное ремесло много раз в жизни меня спасало» (А. Нюренберг. *Дневник,* 1942 г.).

В Одесском художественном училище Нюренберг учился у профессора Кириака Костанди.** Позже он написал очерк, до сих пор считающийся лучшей и самой теплой работой о Костанди:

«Для нас, учеников Костанди, имя его – символ не только замечательного художника и великолепного педагога, но и чудесного человека.

Мир живописи Костанди невелик: южная прибрежная дача, тихие розово-желтые закаты, щедро разросшиеся сирени и акации, уснувшие в садах церковки, редкие фигуры грустящих монахов и стариков и семья со всем ее бытом – вот и все. Но какой огромной значимостью наделен этот небольшой мир! Все приобретает

** Кириак Костанди (1852-1921) – художник греческого происхождения, академик Императорской Академии художеств. Преподавал в Одесском художественном училище. Всей жизнью и работой был связан с Одессой. Вслед за Амшеем и, возможно, по его рекомендации в класс Костанди поступил и его младший брат Давид (Деви), известный потом как художник Д. Девинов.

Одесса, 2009. Мемориальная доска К. Костанди в Одесском художественном училище, где он много лет преподавал. Здание тогда подготавливалось к капитальному ремонту

в искусстве Костанди какой-то только ему присущий, волнующий поэтический смысл» (А. Нюренберг. Костанди. В кн.: А. Нюренберг. *Одесса – Париж – Москва.* М., Мосты культуры, 2010, с. 223).

В 1911 г. Нюренберг, прервав образование, уехал в Париж. Там он приобщился к новейшим художественным течениям, выучил французский язык и на всю жизнь стал франкофоном. Особенно его восхищало искусство барбизонской школы и импрессионистов, а также творчество Поля Сезанна. В Париже он учился в частных академиях, работал как живописец и даже как маляр, а также писал репортажи для русскоязычного «Парижского вестника». В течение года он делил ателье в фаланстере «La ruche» (Улей) с Марком Шагалом, и жизнь его складывалась, как у всех художников – выходцев из России, – скудно, но увлекательно. Она могла бы так длиться и дальше, но в 1913 г. Нюренберг от нужды и плохих жилищных условий тяжело заболел бронхитом (было подозрение на чахотку) и по совету врачей срочно вернулся на родину.

Поправив здоровье, Нюренберг открыл в Одессе школу-студию «Свободная мастерская» и стал одним из организаторов группы «Общества Независимых» в Одессе, устраивавших свои выставки по принципу парижских Осенних и Весенних салонов. Поскольку над художниками левого склада тучи стали сгущаться, коллекционер и меценат Яков Перемен увез в 1919 году работы известных одесских модернистов на корабле «Руслан» в Палестину. Среди них было более 20 картин раннего Нюренберга и несколько «кубистских» натюрмортов его супруги По-

лины Мамичевой-Нюренберг.* До революции Нюренберг подумывал вместе с Переменом отправиться в Палестину, чтобы открыть там музей современного искусства, но поменял планы, став сторонником советской власти. Кроме того, от этого шага, равно как и от возвращения во Францию, Нюренберга могла удерживать ответственность перед собственной семьей. Он часто повторял: «Я – старший сын».

Примечательно, что Нюренберг никогда не рассказывал, куда исчезли его ранние работы. Или отмалчивался, или уверял, что собственноручно их уничтожил. Часть он действительно уничтожил, а о вывезенных за границу, тем более в Палестину, благоразумнее было забыть. Долгое время о картинах ничего не было слышно, и лишь после выставки в Израиле 2006 года вновь заговорили об «одесских парижанах». Для меня выставка «Одесские парижане» в Рамат-Гане явилась полной неожиданностью.

В 1920-м году Нюренберг переехал из Украины в Москву, где уже оставался до конца жизни. На то имелось несколько причин. Во-первых, в Украине сильнее ощущались последствия Гражданской войны: вначале Нюренберг был народным комиссаром искусств в Одессе, а затем скрывался от преследования белых. В Одессе, несколько раз переходившей из рук в руки, было не до искусства, а Нюренберг долго не мог оставаться без художественной работы. Во-вторых, его жена Полина Мамичева была москвичкой, и в Москве жили ее мать и сестры. В-третьих, к переезду подтолкнул и еврейский погром в Елисаветграде 1919 года, об ужасах которого Нюренберг наслышался, когда посетил родной город. Его семья не пострадала, но погибло много друзей. Родители художника впали в депрессию, от которой мать не оправилась и умерла в 1922 году. Вскоре отец Марк вместе с другими детьми тоже переехал в Москву.

* Насчет авторства натюрмортов 1917-1918 гг. Полины Мамичевой-Нюренберг (1894-1978) существуют разные мнения. Известному одесскому журналисту Евгению Голубовскому она говорила, что работы были сделаны не ею, а самим Нюренбергом. В пользу этой версии говорит и выполненная в той же сложной кубистской технике картина А. Нюренберга «Старуха» 1917 г. из Тульского музея (недавно выставленная в Новой Третьяковкеской галерее), а также отсутствие сведений о существовании других, более поздних работ Мамичевой-Нюренберг.

Из *Дневника* А. Нюренберга:

«23 февраля 1922 г.

Сегодня уезжаем в Елисаветград.

Успокоить семью и поглядеть, какой холм земли над нашей дорогой матерью вырос.

Никогда уже мне не говорить «мама» или «мать».

Мать умерла 26 января в 6 часов утра, не приходя в сознание».

А. Нюренберг. *Одесса – Париж – Москва,* с. 272

В Москве 1920-х годов Нюренберг занимался живописью, преподаванием, литературной и общественной деятельностью. Он работал над агитационными плакатами под руководством В. Маяковского в «Окнах РОСТА», сотрудничал с группой «Бубновый валет», создал вместе с художниками С. Адливанкиным и А. Глускиным Новое общество живописцев (НОЖ), в качестве профессора ВХУТЕМАСа читал лекции по западному искусству, публиковал художественные обзоры в газете «Правда» и выпустил монографию *Сезанн* (М., ВХУТЕМАС, 1924).

После восстановления дипломатических отношений с Францией в середине 1920-х Нюренберг был на два года командирован наркомом образования А. Луначарским в Париж. Его роль «культурного посла» состояла в чтении лекций о новом советском искусстве и написании художественных обзоров для отечественной прессы. Были учтены его гражданская позиция, знание французского языка, умение писать и выступать, а также обширные контакты во французской артистической среде. Нюренберг отправился в Париж с женой Полиной и четырехлетней дочкой Нелей. Его пропагандистская миссия встретила достаточно прохладный прием, и Нюренберг переключился на занятия живописью и даже прошел строгий отбор для участия в Осеннем салоне. Старые друзья-художники, некоторые из которых уже вполне преуспели, уговаривали его остаться во Франции. В то время это еще не квалифицировалось в СССР как преступление. Но Нюренберг не решился на этот шаг.

В 1930-е годы Нюренберг активно участвовал в организации МОССХа, увлекся производственными сюжетами и ездил

Москва, 1924. Нюренберг с женой Полиной и годовалой дочкой Нелей

по стране с творческими командировками. Параллельно он много внимания уделял еврейским мотивам, создавая свой пожизненный цикл «Юдаика», состоящий из сотен работ.

При этом он никогда не забывал Украину. Он часто, обычно летом, приезжал с супругой в Одессу. В дневнике 1940-х годов Нюренберг приводил разговор с другом юности, тоже родом из Елисаветграда:

«Звонил Осмеркин,* любитель телефонных разговоров:

– Знаешь, побывал на юге и расцвел. Очевидно, мы, южане, нуждаемся в теплом воздухе. Другой тонус работы, другое состояние, пульс. Надо съездить туда и там работать. Художника все же тянет на родину».

О. Трифонова-Тангян. Дневники художника Амшея Нюренберга. Часть 2. *Чайка,* 6.12.2015. https://www.chayka.org/node/6871

Нюренберг тоже считал себя южанином. Он плохо переносил бесконечную зиму, страдал от морозов. Пожилой художник часто жаловался на московские холода:

«Мне с моим атавизмом южанина очень трудно выдержать 6-месячную однообразную белую музыку…

Зима вызывает у меня двойное чувство. С одной стороны, ни с чем не сравнимая поэзия тихо падающего снега, заиндевелых бело-голубых деревьев, крыш, трамваев, авто. Белые туманы снежных далей…

* Александр Осмеркин (1892-1953) – художник, педагог, участник художественной группы «Бубновый валет». В 1947 году был отстранен от преподавания в связи с обвинениями в формализме.

С другой – нестерпимый холод в ногах, руках. Унылое, теплое белье, холодные бани, насморки, скованность, отсутствие в течение почти половины года травы, листвы. Вымороженное лето.

Все то, что Додэ* считал смертью. Хорошо было бы, если эта обязательная смерть тянулась месяц, ну, пусть два – не больше. Для искусства она не обязательна. Пример – греческая скульптура и итальянская живопись».

А. Нюренберг. *Дневник,* 1953 г.

А вот отрывок из письма Нюренберга доктору Циклису** в Одессу, 1950-е годы:

«В газетах читал, что от холода померло 200 французов. Если бы у них был такой мороз, как у нас, вероятно, вся Франция вымерла бы…

Теперь для меня уже ясно, что юмор может жить и развиваться только там, где нет лютых морозов. Недаром и наши юмористы: Гоголь, Чехов, Бабель, Ильф и Петров – южане».

Нюренберга всегда тянуло в теплые края, к морю. Приехав в Одессу учиться из степных краев в 1904 году, молодой человек был очарован морем, его меняющимся цветом и разным настроением. Свою первую и очень скромную комнату в Одессе он снял с видом на море, чтобы любоваться им каждый день. Художник часто писал морские пейзажи. Несомненное влияние оказали на него импрессионисты, в частности, Клод Моне. У Нюренберга тоже было много рыбачьих лодок (по-одесски: шаланд), яхт, много голубого цвета – моря, неба.

В старости, когда он уже не отлучался из дома, Нюренберг развешивал морские пейзажи в своей комнате. Временами он их менял местами. Когда смотрел на них, ему казалось, будто он «дышал морским воздухом».

---

* Альфонс Доде (1840-1897) – французский писатель, автор трилогии романов о Тартарене из Тараскона. Авторская орфография в именах художников сохранена.

** Илья Циклис (1878-1964?) – известный одесский врач-педиатр и меломан, с детства лечивший многих известных музыкантов. Учился в Париже, свободно владел французским языком. В шутливых письмах употреблял выражения на французском языке и идише.

1945. Лодки «Аркадия» и «Диана» на песчаном пляже, Одесса

Много было у Нюренберга и натюрмортов с рыбой. Это неслучайно, ведь его отец держал рыбную лавку. В выборе еды Нюренберг придерживался привычного с детства рациона. Больше всего любил жареную рыбу с картофелем фри (на французский манер). В Москве он пристрастился есть северную рыбу – навагу. Она упоминается даже у писателя Юрия Трифонова (1925-1981) – зятя Нюренберга, известного точностью деталей:

«Я открыл дверь своим ключом и вошел в квартиру. На кухне жарили навагу».

Ю. Трифонов (1969), рассказ *Путешествие*. https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/56653-yuriy-trifonov-puteshestvie.html

Другая южная привычка Нюренберга – есть арбуз с белым хлебом. Его племянница Айя*** рассказывала, что так было принято в Украине, а отец Нюренберга гордился своим знанием арбузов.

*** Айя Семынина (1937?) – художница, дочь художника Давида Нюренберга (Девинова).

А. Нюренберг. Натюрморт с рыбой. 1956

В Москве он сам ходил на рынок выбирать для внуков самые спелые арбузы и очень огорчался, если ошибался в них. Нюренберг, вспоминая друга юности, художника П. Коновского,* описал типично одесское угощение:

«Петя любил одесское меню. Брынза, селедка, виноград, вино и белый сдобный хлеб» (А. Нюренберг. *Дневник,* 1953 г.).

В 1950-е годы Нюренберг с женой Полиной продолжал приезжать в Одессу на летние каникулы. В 1963 году в Одессе состоялась персональная выставка Нюренберга, а в 1965-м его пригласили на торжества по поводу 100-летия Одесского художественного училища. Именно во время этих посещений художник познакомился с молодым журналистом Евгением Голубовским,** который поддерживал с ним дружеские отношения, бывал у него в Москве.

Смерть в 1966 г. единственной дочери, певицы Большого театра Нины Нелиной, сильно надломила Нюренберга и его жену. Они перестали путешествовать, только иногда ездили в подмосковный Дом творчества на станции Челюскинская. Но встречи и переписка с друзьями продолжались. Украина неизменно присутствовала в его мыслях.

Во время моего визита в Киев в 2009 году я познакомилась со старшим научным сотрудником Национального художествен-

* Петр Коновский (1883-1953) – художник, коллекционер, педагог. Родился и умер в Одессе. Учился в Одесском художественном училище в классе К. Костанди. Позже занимался в мастерской у К. Коровина в Москве. Преподавал в Одесском художественном училище.

** Евгений Голубовский (1936) – журналист, культуролог, автор книг и статей. Заместитель редактора альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», вице-президент Всемирного клуба одесситов.

ного музея Украины Людмилой Ковальской.*** В начале 1970-х ее делегировали к Нюренбергу, когда он начал распределять свои работы по музеям. Ковальская рассказала, что он забросал ее вопросами об одежде: «А эта косыночка у вас – с Украины, а сапожки – украинские?». Она не без гордости отвечала: «Нет, они – итальянские». Только позже она поняла, что старому человеку хотелось бы, чтобы она привезла ему с собой частицу Украины. Тогда же он показывал ей письма Марка Шагала. Ковальскую поразило, что тот спрашивал старого приятеля: «А как там, у нас?» – то есть Шагал продолжал считать Россию своей родиной. Такую важную роль играло для художника место, где он родился.

А. Нюренберг. Одесса. Продавщицы цветов. 1959

Свою богатую событиями жизнь Нюренберг описал в книге *Воспоминания, встречи, мысли об искусстве* (М., Советский художник), которая в 1969 г. вышла сокращенной на две трети. В СССР к современному западному искусству относились весьма сдержанно и избегали упоминать об эмигрировавших во Францию русских художниках, включая Марка Шагала. Так как воспоминания Нюренберга сильно отклонялись от общепринятой линии, в полном объеме их удалось напечатать только 40 лет спустя (*Одесса – Париж – Москва,* Мосты культуры, 2010).

Публикуемые ныне записи из дневников и переписка Нюренберга с Ильей Циклисом датируются 1950-1960-ми годами. В письмах слышны отголоски прошлого, сохранены колорит эпохи

*** Людмила Ковальская (1944?) – искусствовед, сотрудница Национального художественного музея Украины с 1967 г., позже заведующая отделом советского искусства.

и одесский юмор, который был сильно замешан на грусти: не все получилось, как хотелось.

Из дневников Нюренберга 1950-х годов

В Одессе, выставка Костанди, 1952

Идут дни чествования Костанди и выставки. Я получил пригласительный билет и нечто похожее на каталог. Выставку в музее в подготовительном виде я видел летом в Одессе. Отсутствуют наиболее тонкие, любимые мною вещи. Нет «Старичков», «На террасе» и других работ. Сейчас творчество Костанди звучит особенно мелодично и кажется цветущим садом. За 35 лет Одесса ничего равного этому творчеству не дала. И даст ли в ближайшем десятилетии? Да и в Москве я не встречал за 30 лет на выставках работ, которые так изучались бы, как небольшие картинки этого грека. Пишу небольшую статейку в «Венок Костанди».

* * *

Опять о Костанди. Получил, наконец, долгожданный и многострадальный каталог. Небольшое как будто бы дело, а сколько интриг, склок, связанных с ним.

Возмутило содержание каталога. Экскурсоводы слишком переоценили свои бедные знания и не в меру растущее тщеславие и в статье об одесском мастере пустили бестактную и глупую фразу: «Формалистическое влияние сказалось в известной мере и на творчестве Костанди». В чем? Ничего конкретного! Что касается влияния импрессионизма, то в этом вся природа и дух Костанди. До самой смерти он не разлучался с импрессионизмом. Вопрос только в том, с каким импрессионизмом он не расставался. Репин (пора знать этим развязным писакам), восторгаясь Костанди, хвалил именно его импрессионистские работы. Но весь «цимес» в том, что костандиевский импрессионизм был особенный – умеренный, камерный. Я бы сказал – «внутренний». Не как у Сурикова или у Коровина. Все его перлы, кроме 2-3 вещей, написаны под влиянием импрессионизма. Отвратно еще то, что, упоминая

учеников Костанди, эти глупые перестраховщики обошли такого культурного художника как Фраермана* и популярного в Одессе Мучника.**

Очевидно, игра в периферийную политику в Одессе пользуется среди любителей-искусствоведов немалым успехом. Пора понять им: *импрессионизм Костанди – это импрессионизм плюс человек. Человечность и гуманизм.* Поймут ли это?

Об Одессе, 20 июля 1952 г.

Подходят конец июля и начало августа. Стали собираться в Одессу, но тонуса нет.

Начинаешь по привычке подумывать об Одессе и близких друзьях-одесситах. Хочется им говорить радостные слова. Верить в то, что нам еще отпущены светлые дни с яркой синевой над головой, веселые часы сердечных, дружеских воспоминаний, бесед о юности, незабываемые часы на берегу вечернего моря, после них арбуз с белым, мягким хлебом и мягкое бессарабское вино. Но не получается. Ручка не следует за мечтой. Получается что-то другое, невеселое. Я хочу написать: «Есть еще порох в пороховнице», а ручка выводит: «Брось, старик, хвастаться. Не до этого». Мозг диктует: «Мы еще поборемся, легко не сдадимся». Ручка пишет: «Не трепись зря».

Каждый следующий год – прогрессирующая нагрузка на все наше здоровье, тело. Идет неослабное разрушение организма. Никакие усилия, дома отдыха и витамины не могут приостановить этот печальный процесс. Надо примириться с этим и свой оптимистический пессимизм приладить к общему закону отмирания. Пора это сделать.

Последние годы особенно оказались безжалостными. Стало как-то ясно, что мы совершенно не бессмертны, и что свою капитальную партию мы можем только доиграть. Ни о какой новой партии не может быть и речи.

---

* Теофил Фраерман (1883-1957) – художник, педагог, ученик Костанди, «одесский парижанин» и лидер одесского Общества независимых художников.

** Мучник Леонид (1896-1966) – живописец, ученик Костанди, профессор Одесского художественного института.

Порой кажется, что свидание с друзьями – последнее. Что в бутылках наших не осталось уже ни одной капельки вина. Все уже выпито.

Особенно это чувствуешь в этом году, когда смерть так энергично и урожайно поработала. Сколько жизней, интересных, глубоких, она унесла. Исчезают быстро, молниеносно. Все инфаркты и инсульты! Модные болезни!

Уходят и тут же на второй день забываются. Будто корова языком слизнула.

Наблюдается характерное явление. Все знакомые художники хватаются за крупинки надежды подкрепить свое расшатанное здоровье. Бегут в санатории, Дома отдыха. Ясно одно – никому не хочется помирать. Хотя шутники говорят, что «там» уже не так плохо, раз оттуда никто не приходит назад. Каждый цепляется за любую возможность отдохнуть, подкрепиться, помешать «перевести свою вертикаль в горизонталь».

Мой друг врач Цапман (разумеется, коренной одессит) заявляет, что три вещи надо помнить: диету, тепло и покой. Это должно стать Евангелием для всех пожилых художников.

По дороге в Одессу. Брянск

В Брянске на берегу моря я встретил одного седого художника, который мне рассказал свою тяжелую трагедию. Он долго и много работал и много голодал. Разуверился в людях и своем искусстве. И в один из сильных припадков безверия и отчаяния собрал все свои работы, погрузил их на лодку и отплыл далеко вглубь моря. Там он все холсты и фанеры связал веревкой, к веревке привязал большой, имевшийся на лодке камень и бросил их в воду. Теперь ему стало легче. Он ходит к морю, своему единственному другу, и возле него отдыхает. Теперь оно кажется ему дорогим кладбищем, где похоронены его страсти и надежды.

20 сентября, Одесса

Брожу все по знакомым, некогда близким, местам. Тень горечи лежит на всех моих воспоминаниях. Порой беру с собой друга или свидетеля веселых дней юности. И оба, стараясь не думать о наших грустных паспортах, отгоняя мрачные мысли, навязан-

ные неотвратимым прошлым, стараемся улыбаться и шутить. Вот мост Сабанеев и дом Толстых, где столько было пережито, столько накоплено: страданий, волнений, надежд. Отсюда началась моя первая советская жизнь комиссара. Двери, строгие окна, носящие отпечаток заброшенности.

Полный грустных воспоминаний мост, спуск к морю.

Что-то чувствуется неуловимо теплое, пульсирующее, присущее местам, овеянным героическим прошлым. Неподвижностью и одиночеством окутано здание Художественного училища. Здесь был неизменный нерв всей разросшейся потом работы, душа всей одесской изожизни. Здесь происходили первые диспуты, споры на самые разные темы грядущего советского искусства. Густые гирлянды дикого винограда закрыли окна этого невеселого здания. Далекая жизнь запечатлена в форме дворика и ворот. В памяти эта жизнь кажется уже настолько потухшей, что надо делать большие усилия, чтобы кое-что вспомнить.

Порт! Вот волнорез, разрушенный маяк, опустевшие причалы. Неясные, бесцветные, без отражения погруженные в сонные воды.

Москва

Мастерская. Погода. Отдыхаем от поездки на юг. Кровать, книги, уютные кресла, варенье…

Петя Коновский

Приезжал в Москву умирающий от рака Петя Коновский. С его именем связаны мои юность, надежды, искания, Одесская художественная школа…

Петя был для меня символом юности, первого цветения. Вспоминаю, с какой волнующей радостью мы усаживались в его гостеприимное кресло в незабываемой квартире и всласть отдавались воспоминаниям. Он умел со сдержанным, мягким юмором рассказывать о давно прошедших днях, наделяя их теплым и радостным сиянием. Ни одна деталь не оставалась за пределами его ума и сердца!

На вокзале я обнимал высохшего старичка. Тихим, сдавленным голосом он мне сказал: «Теперь, Амшей, пан или пропал».

И он пропал. В страшных мучениях. Умер с голоду. Даже вода не проходила через его пищевод.

О Коновском

Я предчувствовал: раз закрытое письмо от Коли Юхневича,* значит что-то печальное о тяжелобольном Пете Коновском. И не ошибся. Пети нет и никогда уже среди нас не будет.

Одесса теряет для меня еще одну грань. Петя был для меня «златой молодостью», когда я вступал в жизнь и впервые знакомился с нею. При встрече и разговорах с ним я открывал истлевшую уже книгу, перечитывал угасшие главы и переживал овеянное весною прошлое. Вызывая наше прошлое, мы его задерживали, греясь в его тени. Радовались, что жизнь нас не лишила этих чувств.

Сколько раз к нам являлась юность, вызванная силой наших мыслей? То мы в школе за партой, то мы за мольбертами, пишем нагую модель. Насытившись воспоминаниями, мы умолкали. Затем, чтобы развлечься, мы брались за ужин.

Петя любил одесское меню. Брынза, селедка, виноград, вино и белый сдобный хлеб. Угощал он тепло, искренно, сердечно приглашая есть вдоволь. Это был момент взволнованный:

– Бери, друг, еще! Ужин очень скромный. Купить хороших вещей негде. Трудно.

Потом опять воспоминания о юности, опять разговоры о живописи. Показ вещей и работ, связанных с молодостью.

Юхневич пишет, что он умер от рака пищевода. Умирал долго, мучительно, что самое страшное – умер от голода.

---

* Николай Юхневич (1886-1966) – в 1910-х участник одесской художественной группы «Независимые», позже врач-кожник, доцент Одесского медицинского института, о котором Нюренберг упоминает в своих мемуарах.

«К этой плеяде медиков-художников надо отнести и профессора-кожника Николая Юхневича, бывшего члена общества «Независимых». Юхневич большой и тонкий поэт. Пишет портреты, пейзажи и натюрморты. Его пастели свидетельствуют о высокой живописной культуре и большом вкусе. Он много рисовал. Его рисунки выразительны и полны жизни. Он также успешно работал в области карикатуры» (А. Нюренберг. Профессора медицины – художники. В кн.: А. Нюренберг. Одесса – Париж – Москва. М., Мосты культуры, 2010, с. 232).

Юхневич – Нюренбергу, Одесса, 19 февраля 1953 г.

Дорогой Амшей!

Помоги Пете[**] возможно скорее попасть в Онкологический институт, а если возможно, в первый же день приезда.

Сегодня был получена телеграмма от Герасимова о том, что министр здравоохранения СССР предлагает обеспечить отправку Пети в московский Онкологический институт. Так что с этой стороны все обеспечено.

Милый друг! Одним словом, обеспечь, возможно, скорое поступление Пети на койку, так как поездка затянулась, потому что Петя сильно ослабел, сейчас немного окреп и чувствует себя лучше.

Мы просим, чтобы ты почаще бывал у него в институте и нас извещал о том, каково его самочувствие, как подвигается лечение. Поддерживай в нем бодрость и веру в выздоровление. Это имеет большое значение для его общего состояния.

Наши здоровы, обнимают и целуют всех вас.

Пиши, пиши почаще.

Юх…

Из переписки с Ильей Циклисом

Из воспоминаний Елены Колтуновой[***]

Илью Ефимовича Циклиса хорошо знала не только я. Его практически знала вся Одесса. Он был знаменит не только как замечательный детский врач.

Не было ни одной театральной премьеры, ни одного приезда гастролеров, ни одного конкурса, на которых бы не присутствовал Илья Ефимович. На конкурсах он обязательно бывал членом или председателем жюри. Невысокий, полноватый, с седой бородкой и с неизменной толстой тростью в руке – он казался неотъемлемой частью любого культурного мероприятия города. Утверждают, что он не пропустил театральной премьеры даже

[**] Петру Коновскому.

[***] Елена Колтунова (1934) – физик, журналист и литератор, до 2013 г. работала в одесском еженедельнике «Порто-Франко».

Профессор Илья Циклис, Одесса, 1960-е годы

в тот страшный день, когда под Канашем (станция между Бугульмой и Казанью) погиб его младший сын Рафаил. Илья Ефимович любил артистов, лечил их, дарил цветы. Таким его вывел в своей оперетте «Дарите любимым тюльпаны» А. Губерман. Музыку к оперетте написал О. Сандлер. Она была поставлена в 1957 году и долго шла с большим успехом.

Е. Колтунова. Словесный портрет. Порто-Франко, № 45 (841), 17.11.2006.

Из воспоминаний Валентины Голубовской*

Однажды по Гипрограду пронеслась всех ужаснувшая весть: «В самолете разбился Рафа Циклис!». И непременно звучали слова: «Как это горе перенесет Илья Ефимович?!».

Я не могу похвастать, что хорошо знала отца Рафаила Ильича, Эддочкиного дедушку, Илью Ефимовича Циклиса. Даже часто бывая в их дому, мы, молодые, общались между собой, не очень мешая доктору. А доктор Циклис был легендарной личностью. Даже в самые трагические для него дни Илья Ефимович не изменял своим правилам. Кресло у бокового прохода в филармонии, кресло доктора Циклиса, никогда не пустовало. Очевидно, музыка для него была спасением. Не знаю, с детских ли, с юношеских ли лет дружил Илья Ефимович со знаменитыми артистами и, прежде всего, с великими музыкантами. Эдда рассказывала, что дедушка, сокрушаясь, ей говорил: «Эддочка,

* Валентина Голубовская (1940-2018) – искусствовед, писатель, преподаватель, жена журналиста Евгения Голубовского, несколько лет работала с сыном Ильи Циклиса Рафаилом и дружила с внучкой Ильи Циклиса (дочерью Рафаила) Эддой.

у меня нет наследства, которое бы я тебе оставил. Но, может, ты своему будущему мужу будешь рассказывать, что в младенчестве, в дедушкином доме, сидела на коленях у Давида Ойстраха и Эмиля Гилельса».

В. Голубовская. Эссе об Одессе (Гостиная, gostinaya.net).

Из воспоминаний А. Нюренберга

Заболевая, мы обращались к известному доктору Илье Циклису – неизменному другу музыкантов и художников, которых он бесплатно лечил, согревал морально, а иногда и поддерживал материально. Это он выпестовал и воспитал наших известных музыкантов: Ойстраха, Гилельса и Марию Гринберг.

Циклис недавно умер. Ему было восемьдесят шесть лет. Его хоронила вся любившая его Одесса, пришедшая на похороны с печальными, влажными глазами и с большими букетами цветов…

Молдаванская беднота, которой Циклис отдавал свое сердце и очень часто свои сбережения, приехала на улицу Розы Люксембург, где жил и работал Циклис, чтобы попрощаться с ним. Он умер, как и жил, – просто и философски. В предсмертные минуты он душевно попрощался с лечащими его врачами и друзьями, повернулся к стене и сказал: «Все кончено».

А. Нюренберг. Доктор Циклис. Там же, с. 232.

Циклис – Нюренбергу. Телеграмма 12 апреля 1946 г. (с добавленными знаками препинания)

Куда: Москва Верхняя Масловка, д. 15, кв. 59

Откуда: Одессы мамы

Эейл Мейлах, Качке Дрейлых

а нехтердекр тог унд майне цорыс ойф зеер коп

Благодарю за высоковольтажные, гиперхохмические поздравления, носящие определенно профетический характер. Обратно поздравляю колхоз Амшеевку-Полиновку. Желаю всем расти, как кукуруза, пахнуть сиренью и плодоносить, как… сами того хотите. Аминь! Привет от земляков-однополчан.

Доктор Айболит

Нюренберг – Циклису, Москва, январь 1954 г. (черновик)

Мой дорогой друг Илья Ефимович,

Я с большой радостью Вас обнимаю и с нескрываемым темпераментом целую Вас в обе юношеские щеки (рот Ваш прикрыт романтическими усами). Нет у меня таких возвышенных и горячих слов, которыми я мог бы передать переживаемые мною чувства, вызванные Вашими именинами. И потому я так охотно хватаюсь за вино. Оно мне поможет. Опять за Вас! Лэхаем! Лэхаем*!! Так вот евреи тоже становятся пьяницами.

Откровенно говоря, у меня одно замечание. По тактичности о нем надо было промолчать, но сильный сейчас зуд в руке толкает меня писать.

Почему это, дорогой именинник, Вы выбрали такой холодный месяц для своего рождения? Как Вам известно, январь – время неуютное. Время, когда природа к человеку повернута самым неблагородным местом и ведет себя крайне недостойно, нагло демонстрируя свое равнодушие ко всем нашим несчастьям и страданьям. Конечно, самое неприятное то, что имениннику негде купить знаменитых подарочных арбузов и дынь. Другое дело – лето. Можно все и легко достать. Пожалуйста. Хотите цветов, мороженого всех видов, «пшенки» в сливочном масле! Наконец, если вы нежно любите природу, можно съездить в Аркадию и на самом берегу одесского моря в небольшой поэтической компании спеть какую-нибудь задушевную песенку: «*А бривене ды мамы*» или «*Солнце пызенка*».

Мало ли, что можно. Но в такой торжественный момент я не хочу с Вами спорить. Январь, так январь. Очевидно, у Вас были какие-то веские соображения.

И опять зудит мысль. Ну что можно, скажите, купить имениннику в январе? Чтобы было красиво, эффектно и, разумеется, ненакладно для дарящего. Укажите!

Скажете – шампанское. Это уже банально. Торт с трогательной надписью и цветочек – пошло. Бублики с маком – плебейское дело. Может, бордовый шелковый галстук с голубенькими горошками – на это способны несвежие девственницы.

* Лэхаем (иврит) – в переводе: «к жизни». Этим словом обычно заканчивали тосты с пожеланием благополучия, долгих лет жизни.

Видите, друг мой, как трудно зимой успешно провернуть именинное дело.

Вот почему я отделываюсь письмом, стараясь щедро снабдить его повышенной чувствительностью.

Итак, еще раз, мой юный друг, Лэхаем! И еще раз Лэхаем!

Дайте Ваши юношеские щеки и гордый еврейский лоб!

Дай Бог Вам всего светлого и счастливого!

Всегда с Вами, Амшей Нюренберг

Нам с Вами почаще следует поглядывать на бутылку с вином, осталось немного на дне.

Надо пить осторожно и с тактом.

Циклис – Нюренбергу. Открытка 21 октября 1956 г.

От кого: Одесса, Р. Люксембург, д. 40, 21 октября 1956 г.

Кому: Москва, Верхняя Масловка, д. 15, кв. 59, Нюренбергу А.М.

21/X/56

Дорогой Амшей!

Держа в руках мою открытку, ты вправе проговорить: «Гора родила открытку». Хотел сказать «мышь», а вышел пшик. По причине, «особой» причине я долгое время никому не писал. Рука не доходила до увечной ручки. Сегодня снят мораторий, и я, как видишь, подаю признаки жизни. И, как паяц в прологе, пою: «Итак, мы начинаем!» Все твои письма я храню, инвестирую и прячу в моем сейфе, как ценность, как эпистолярную, так музейную, как годное для специального чтения, вроде писем Тургенева к Виардо, Чайковского к фон Мекк. Хочу знать, удалось ли мне довести тебя до известного состояния? Посетил ли тебя мой племянник? Передал ли он тебе среднеазиатские плоды? Я готовлю много народа для доставления тебе радости и увеселений.

Все наши Борис Берклович, Эдда и Юрий кланяются. Привет Полине и чадам. И. Е.

P. S. Погода чисто весенняя. Ни тебе весеннего платья, ни себе головной убор. А мехас!

Нюренберг – Циклису, Москва, 1950-е годы (черновик)

Мой дорогой южанин!

В троллейбусе студенты на заиндевевшем окне двугривенником нацарапали: «Мужайтесь, москвичи, скоро весна». Потеплело.

Хочется в Одессу слетать. Надо спешить. Может, через год-два вы откажетесь нас принять. Мы стареем с невероятной быстротой и лишаемся последних остатков «шарма». Скоро мы будем представлять собой гнетущее зрелище, и в друзьях и близких вызывать будем одну плохо скрываемую жалость. Вот почему мы торопимся к вам. Пока еще в наших глазах светится огонек. И спина и колени не согнуты…

В газетах читал, что от холода померло 200 французов. Если бы у них был такой мороз, как у нас, вероятно, вся Франция вымерла бы… Теперь для меня уже ясно, что юмор может жить и развиваться только там, где нет лютых морозов. Недаром и наши юмористы: Гоголь, Чехов, Бабель, Ильф и Петров – южане.

Все болеем. Полина хочет на месяц снять комнату на 200 руб. Нужно ли с собой, кроме денег, такта и любезности, еще что-нибудь захватить? До начала мая будем в Москве. Снежков и Фраерман давно не пишут. Что с ними?

Твой Амшей

Циклис – Рахлину. Рекомендательное письмо 20 октября 1958 г.*

От: Одесса, ул. Розы Люксембург № 40, кв. 3, 20 октября 1958 г.

Личная печать: Доктор Илья Ефимович Циклис. Ул. Розы Люксембург, № 40, кв. 5.

Одесса, 20/X/58.

Дорогой Натан Григорович!

Першим долгом, поздравляю с новосельем! И желаю, чтобы старое пожелание: «Мешаны мукойм – мешаны маззл» сбылось на все 100%! УМЕЙН!

А вдруге, познакомьтесь с Нелли Неллиной, дочкой моего дорогого друга Амшея Марковича Нюренберга – художника из стаи славных.

Наша Нелли имеет все данные, чтобы вы уделили ей много внимания, столько же забот и даже немного любви.

* Натан Рахлин (1905-1979) – дирижер, педагог, народный артист СССР, профессор Казанской консерватории, часто посещавший Одессу с концертами. Циклис ходатайствовал о дочери Нюренберга, певице Н. Нелиной, уволившейся из Большого театра.

Я уверен, что Вы выполните мою бакушу! Хай отец Нелли напишет Вам портрет маслом или сангиной (что ему очень удается) и выставит его на художественной выставке. Получите для своего салона мастерский портрет.

Вчера мы открыли сезон в Филармонии 9-ой симфонией Бетховена. Дирижировал Пресич А.С. с хором Свешникова. Получилось хорошо.

Когда мы Вас увидим и услышим? И что Вы нам привезете?

Я слыхал, будто Вам предстоит заграничная поездка. Если попадете в Париж, передайте ему мой пылкий привет, так само и от отца Нелички: мы оба там учились.

Я, как будто, собираюсь на гастроли в Москву. По приезде постараюсь Вас увидеть, услышать, обнять и поцеловать, а если нужно, то и поликувати.

Итак, дорогой мой друг, выслушайте и помогите. Целую в обе щеки.

Ваш И. Е.

P. S. Привет Вам от профессора Сигала и от Яши Жабокруга. При частых встречах наших в Филармонии мы часто вспоминаем Вас и фантазируем.

Циклис – друзьям о гибели в авиакатастрофе младшего сына Рафаила, без даты[**]

И.Е. Циклис

Я писать не в состоянии. Не могу сосредоточиться, не в состоянии соображать и писать одновременно. Прибегаю к пишущей машинке и к добрым услугам близкого и дорогого мне человека, пережившего с нами все наше горе.

Как это произошло?

Рафа был в командировке Одесса – Москва – Иркутск, отсюда в Уссолье 70 км. В Иркутск он прибыл на ТУ. Телеграммой он известил нас о своем благополучном прибытии, и это была от него последняя весточка. Я и Эддочка были совершенно спокойны

[**] Катастрофа авиарейса Пекин – Москва с промежуточными посадками в Сибири произошла 17 октября 1958 г. В письме, напечатанном на машинке, указано «сегодня ровно месяц», то есть оно написано 17 ноября 1958 г.; Нюренбергу была послана 3-я копия.

в ожидании телеграммы из Москвы о благополучном прибытии, а Нема,* наоборот, все время была неспокойна; она ныла, у нее были какие-то предчувствия, ей очень хотелось телеграфировать в Иркутск воздержаться от полета в Москву на ТУ-104. Как жаль, что она со мной не поделилась этими мыслями. При всем своем рационализме и неверии в предчувствия и в потусторонний мир, я все же убежден, что контакты с близкими людьми существуют, если они даже отделены друг от друга на много тысяч километров. Почему телевидение нам понятнее, чем телечувствование?

Я прерываю свое «повествование». Вспоминаю лекцию знаменитого профессора по физиологии Шарля Рише. В 1903 году я слушал его курс. Вот что нам рассказывал этот профессор с мировым именем. К нему пришла его знакомая поделиться своим горем: сын ее, офицер французской армии, воевал в Индо-Китае. И вот, в один не прекрасный день, думая о нем, она услышала его голос: «Мама, я погибаю». Она запомнила точно день и час этого разговора со своим сыном. Через некоторое время мать получает известие из воинской части, где служил ее сын, о том, что в такой-то день, в таком-то часу сын ее пал смертью храбрых, сражаясь за Францию. Даты совпали.

19 октября все прочитали правительственное сообщение о том, что ТУ-104, возвращавшийся из Пекина в Москву, потерпел крушение где-то в Чувашии. Назначена была правительственная комиссия для выяснения причин катастрофы. И даже сейчас мы почти не волновались за судьбу Рафы, ибо были уверены, что на самолет, идущий из Пекина в Москву, частных пассажиров не брали. Но на службе, под влиянием наших переживаний, телеграфно запросили Уссолье и получили ответ, что Рафа выбыл 18 числа. Нема не успокаивалась и заявляла, что она не верит этой телеграмме, что предчувствие ее не обманывает, а я и Эддочка – мы продолжали оставаться оптимистами. Наконец-то все стало ясным. Московский аэропорт запросил Одессу, как родные хотят хоронить погибшего Рафаила Циклиса. Рекомендуют кремацию и урну. Об этом запросе нам стало известно от старшего брата, старшего сына. Не трудно себе представить, что выражало его лицо, когда он поделился с нами содержанием этого кошмарного

* Нема – невестка И. Циклиса, вдова Рафаила.

вопроса… Плач, слезы, рев, вой… все это было. Мы этого никогда не забудем. Все время нас посещало большое количество народа: родные, близкие, друзья, товарищи, хорошие знакомые. Взрывы воя и плача раздавались беспрерывно, с каждым приходом нового лица. Беспрерывно звонили в двери и в телефон. Каждый требовал ответа, каждый хотел знать причину, детали и что будет дальше.

Итак, нам уже стало известно, что самый близкий друг Рафы – Котя Пугач, находившийся в эти дни в Москве, занялся «оформлением» превращения того, что осталось от Рафы, в пепел, в урну… А ведь представившаяся нам возможность достичь такого результата для нас уже казалась «счастьем», в то время, когда мы были уверены, что от крушения самолета, находившегося на высоте 10 тысяч метров, из-за встречи с циклоном ничего не могло остаться для нас. Нас ведь уверяли, что злосчастный ТУ должен был сгореть в воздухе. В связи с такой версией Нема не переставала жалобно вторить: «Без могилки». И вот я, со свойственным мне неуемным оптимизмом (после того, как нам так «повезло» с урной), стал успокаивать Нему и Эддочку: «Есть урна, есть могилка. Захороним Рафу в могиле его матери». Выходит, что мы еще не такие несчастные…

Я хочу отметить поведение Эддочки в эти дни. Она не рыдала и не плакала навзрыд, как я с Немой. Все время она не отходила от нас. Своим присутствием и нежной лаской она пыталась успокоить нас. И это ей удавалось. Мы сдерживались, глядя на осиротевшего ребенка. Я серьезно говорил всем, что Эддочка была для нас в эти жуткие дни настоящим ангелом-хранителем, слезотушителем. Никто из нас, глядя на нее, не разменивался на дешевые, трафаретные жалобы и слова.

Много народу нас посетило в эти дни, когда мы были в ожидании прибытия урны. Их приход значительно способствовал нашему успокоению. Они как бы впитывали в себя всю нашу тоску, печаль и слезы. Пришли директор Гипропрома А.С. Мертенгран и главный инженер Я.М. Мараховский. Как должно быть тяжело людям, пришедшим тебя утешать, вести разговор в тоне, не бередящем твои раны, и даже успокаивающем. Они нас не утешали и только спокойно рассказывали, каким Рафа

был человеком, как он работал и как любил своих сослуживцев, как его любили и чтили на работе. Во время разговора с ними я заверил их, что, несмотря на мое состояние, я выполню обещанное: обеспечу программу предстоящего вечера в честь Октября, как обычно. Мои друзья артисты, главным образом из музыкальной комедии, явятся в полном составе, но, конечно, я не смогу конферировать… На это я выслушал ответ, глубоко взволновавший нас всех: «Гипропром в трауре, никакого вечера не будет!». И тут же было сделано предложение Неме перейти к ним на работу. Поговорили о предстоящих похоронах. Мне было предложено высказать свои пожелания и обещано было поступить, как я решу. Я предложил следующее: забрать с аэродрома урну и венок от Управления гражданского флота. Это поручается выполнить брату моему Марку Ефимовичу и трем товарищам Рафы, при участии представителя Гипропрома. Отсюда эта группа добирается окольными путями до интернационального кладбища. Мы являемся на кладбище ровно в 2 часа и вслед за нами привозят урну. Моя просьба, чтобы не было никакой помпы, никакого парада, ни музыки, ни цветов, ни венков. Не все меня понимают. Многие даже порицали и протестовали – какое, мол, я имею право лишать кого бы то ни было возможности выявлять свое горе, как ему это кажется лучше, как это обычно полагается и делается. Я предвидел, что наше злое несчастье не может не привлечь большого количества людей, среди которых найдется немало чужих и чуждых, просто любопытных зевак, старающихся заглянуть не только в лица, но и в душу… Я еще боялся, чтобы оформление похорон не приняло характер гротеска.

Последний этап. Всем было сообщено – сбор в 2 часа на интернациональном кладбище; урна будет захоронена в могиле матери. Близкие и родные собрались у нас дома. Три автобуса, переполненных самыми близкими нам людьми, отвезли нас на кладбище. Народу было много. Он состоял из людей, переживавших большое горе. Слезы были на всех лицах. И это было то, что мне было нужно. Ибо, когда меня спрашивали, как быть, если я отвергаю цветы и венки, то с чем же прийти на кладбище?! Я отвечал: «Со слезами, принесите с собой ваши слезы». Впереди нас как бы вырос изящный постамент с прикрепленной

к нему черной лентой, урной. Ее носили друзья. Остановились. Мы услышали скорбную речь Я.М. Мараховского. Последнее прости от имени Гипропрома. Вслед за ним прорыдал свое слово Витя Хаселев. Пошли дальше к могиле. Урна была снята с постамента и передана мне. Крепкими руками я прижал ее к себе и прикоснулся губами к холодному светло-зеленому мрамору. Целовали его все, окружавшие меня: Нема, Эддочка, Мося, Герта, брат мой, Аня – его дочь и все друзья, жившие с ним столько лет одной жизнью. Мы вплотную окружили могилку матери. Под белым мрамором – памятной доской, было начертано «Ольга Циклис», а немного ниже: «И чем больше без тебя, тем ты нам дороже» (как эта, набранная курсивом фраза соответствовала нашим переживаниям!). Под этой мраморной плитой нашел свой приют Рафа – наш дорогой Рафочка… С 1945 года до кануна своего рокового отъезда дорогой Рафик не раз читал эту фразу, посещая могилку матери. Кто мог думать, что он читал свою эпитафию! Заранее приготовленный склепик стараниями тех же друзей и сослуживцев – Дрикера, Воскова, Кантора и других должен был принять все, что осталось от нашего дорогого, лучезарного Рафочки. Перед тем, как передать урну Нюме Квитко для опущения в склеп, я высоко ее поднял над своей головой и в каком-то, несвойственном мне театральном жесте, показал ее всем, всем, всем…

Мы долго оставались у могилки, не хотелось уходить от места, где покоятся два дорогих нам существа. За короткое время могила украсилась белыми цветами – хризантемами. Их осторожно передавали из задних рядов. Вскоре из них образовалась целая горка. Из тех же задних рядов так же незаметно появились три венка из живых цветов с черными муаровыми лентами с подобающими надписями – от Управления гражданского флота, от Гипропрома, от соседей по даче «Трудовой отдых». Возвращаясь домой, мы повстречали много друзей. Нас останавливали, крепко жали руки, целовали и вместе с нами плакали. Нему, Эддочку и меня отправили домой при помощи Шуры Радчика и Мили Байтальского.

Дома мы застали обычную домашнюю обстановку, много фотокарточек Рафы из разных периодов его жизни и хризантемы в вазах. Вскоре прибыли и все наши близкие друзья и родные.

Сегодня ровно месяц! Все это время нас окружают теплота и забота наших друзей. Непрерывные звонки, телеграммы и письма с надрывным текстом, и визиты близких нам людей, нуждающихся сами в том, чтобы себя облегчить от своей тоски и печали, и нас отвлечь от нашего горя.

Вот уже месяц, как мы осиротели. Что бы мы делали без отклика и сочувствия и без Лизы – легендарной тетки?! С ее приездом из Ленинграда наша жизнь вошла в колею, обильно орошенную слезами. Наш дом сейчас настоящий улей. Приходят и уходят близкие нам люди – больше всего к Неме, приходят ко мне, приходят к Эддочке. У каждого одна цель – успокоить, отвлечь. Но как часто приходится обмениваться ролями и брать на себя роль утешителя. Ведь почти у каждого есть свое горе, свои свежие раны, свое кладбище. Вечерами собираются все родные: Мося с Гертой и Шуриком, Сима Рихтер (племянница), родители Немы, брат мой Марк с дочерью Аней, Байтальские, Хаселевы, Гейберы, Брилианты, Котик Пугач с Люлей Скорниковой, Изя Копельман с Мартой Дьяченко, Изя и Шура Шапиро, Володя Радчик с Неллей, Шура Радчик с Клавочкой, Квитко Наум и Зиночка Курянская, Шерстинские, Топуз Геня с Зоей, Боря Канер с Лизой, Аронин Алик с Галей, Якубсоны, Нудели, Сема Горовиц с Раей, Дэва Бельфор с Лидой, Гликины – и многие другие. Эддочку окружают Вика, Толик Шапиро, Петя Гейбер, Адочка Нудель, Милочка Якубсон, Жанночка Гликина.

Три потока друзей. Каждый из них старается выполнить тяжелую роль утешителя. Что бы мы делали без помощи наших друзей? Большинство из них пытается нам внушить, что все от Бога, что от судьбы и рока не уйдешь. Приводят даже разительные примеры, подтверждающие их слова. Например: шел старик по улице, зазевался и попал в сетку проходящего трамвая. Оттуда его вытащили, слегка помятого. От помощи посторонних он отказался и продолжал свой путь от Дерибасовской до Садовой. Сердобольные люди все же следили за ним. И вдруг, на их глазах старик, проходя под балконом, падает замертво – на него обрушился ветхий балкон. Второй случай, долженствующий меня убедить в том, что от судьбы не уйдешь, следующий: это было в Севастополе во время последней войны. Какой-то врач

получил распоряжение погрузиться со своим подразделением на какой-то пароход. Но он опоздал, и пароход успел уйти. Тут же найден выход из положения – нагнать пароход машинами вдоль побережья Ялты. Добрались до Ялты задолго до прибытия парохода. Благополучно погрузились. Приказ выполнен. При выходе парохода из порта плавучая мина сделала свое дело… Выходит, что погибшие гнались за своей смертью. Судьба, Рок… Таких случаев много. Но это не решает дела. Вера в фатум, предопределение не в состоянии успокоить, облегчить и объяснить. Я вспоминаю, что ровно за неделю до прибытия урны мы хоронили близкого нам человека – Софью Семеновну Валабан. Я оторвался от ее могилы и пошел к могиле Оли и занялся там очисткой цветничка от опавших на него осенних листьев. Вскоре подошел ко мне Миля Байтальский и стал мне помогать. Подошла и Нема и оторвала нас от этого дела со словами: «Не стоит трудиться, ведь листья будут падать по-прежнему…» И ровно через неделю, в следующее воскресенье, этот цветник был разрыт для устройства в нем склепика…

Что же произошло? Я стал искать объяснение происшедшему в Экклезиасте, приписываемом мудрому царю Соломону. Я открыл наугад Пятикнижие и в главе VII прочел: «Доброе имя лучше хорошего елея, и день смерти лучше дня рождения».

По свойственному мне неисправимому оптимизму, любви к жизни мне концовка этой фразы неприемлема. Я вычитал, не помню у какого автора, следующую мысль: «Я люблю людей и звук человеческих шагов. Благо людей – мое благо. Боль людей – моя боль». Это самая глубокая из человеческих истин. Эту истину я приемлю. Еще я познал в эти сумрачные дни, что значит человеческое тепло. Эльза Триоле говорит: «Пусть дождь, пусть ветер – нет ничего дороже человеческого тепла».

Поэт Павел Антокольский написал поэму «Сын», посвященную памяти младшего лейтенанта Владимира Павловича Антокольского, павшего смертью храбрых 6 июня 1942 г. Я эту поэму читал уже давно, а теперь ее снова прочел. Я в ней нашел очень много сходных положений. Хорошо у него сказано:

Стал мой ребенок облаком летучим.
В нем каждый миг стирает что-нибудь.

Я написал бы иначе: «Стал мой ребенок весной мне навсегда прошедшей». А самое злое несчастье я характеризую так: стерт с лица земли, с высоты 10 тысяч метров, от встречи ТУ-104 с циклоном – стерт мой сын, мой ребенок Рафа… Мы всю жизнь будем помнить его светлый образ, который я хочу сравнить с цветком эдельвейсом-подснежником.

Я кончаю свою печальную повесть словами Павла Антокольского:

Не сын тебе, а ты ему наследник.
Вы поменялись местом, он и ты.

Нюренберг – Циклису [Москва, 15 августа 1959 г.] (отрывок черновика)*

…вдохновленный иллюзорной верой в человечество, всю жизнь жалел и лечил людей, наивно полагая, что на старости они ему заплатят хотя бы жалостью.

Второй текст:

В этом доме (на втором этаже) жил, старел и размышлял И.Е. Циклис. Он прославился мудрой простотой, неунывающим сердцем и изобилием в старости пинков, полученных от людей, которым он делал добро.

Третий текст:

В этом доме жил И.Е. Циклис, который умел улыбаться и, как Франс, верил, что ничто не совершенно, кроме несчастья.

И последний текст:

В этом доме, в ранние годы И.Е. Циклис, в поисках счастья личного, страстно обнимал одну из очередных девушек и в минуты любовного упоения (не теряя чувства возвышенного) мечтал о счастье для всех людей.

Если эти тексты Вас, дорогой, устраивают, – радуюсь. Могу за скромное вознаграждение сделать еще несколько текстов. Вы мне только пришлите тематический план, и я, допивая Вашу бутылку великолепного вина, возьмусь за ручку.

* Полный текст черновика не сохранился. Начинается с нумерованной 3-й стр. Датируется по упоминанию в следующем письме Циклиса. Видимо, Нюренберг предлагает фразы для некоторой речи или письма о доме, где жил Циклис.

В Москве такие же лютые холода, как в Одессе. Знаю – Вы все жалуетесь. Но на каких скрижалях написано, что только мы должны зябнуть и почесываться от стужи?

P. S.

Мне Вячеслав Павлович Снежков прислал душевное письмо, в котором он описал Ваши невеселые дела. Все мы глубоко возмущены той жестокой несправедливостью, которой Вас Ваши враги угощают. Но только возмущаться – мало. Надо действовать. И я охотно беру на себя часть действия. Напишите, что я могу для Вас сделать. Может, сходить в «Правду»? Хорошо бы иметь Ваше письмо с деталями и фактами. Не стесняйтесь, друг мой.

Крепко обнимаю Вас, мой дорогой философ, и целую!

Сердечный привет от моих. А. Нюренберг.

Больше всех понравилась проза И. Гейдера. Молодец! Тонко, тактично и остроумно.

Циклис – Нюренбергу, Одесса, 19 августа 1959 г.[**]

19/8 – 59 г.

Мой дорогой друг!

Отвечаю на Ваше милое, сурьезное и насквозь прошпигованное хохмами письмо от 15/8.

При всем моем горении в ответах на Ваши письма я этого не сделал. Это из-за отсутствия обратного адреса в 1м письме; во втором же я прочел, что Вы в Майори. C´est tout (это все (*фр.*). – **О. Т.**). Писать: такому-то и сякому-то в Майори я не рискнул. Вряд ли Вы получите мой ответ по такому адресу. «Дедушке в деревню» – тоже ведь не точный адрес.

Что касается «Правды» – так знайте, что я не горю, не переживаю, содеянное мне «вовчелко» безразлично. Хер с ним! Я хочу лишь получить компетентное решение по моему делу (не Дрейфуса и не Бейлина), но все же в минимальной степени схожее с делами моих предтечей. На днях восстановили двух профессоров из Института усовершенствования врачей, уволенных

[**] В письме слышны отголоски политической кампании в СССР конца 1950-х годов, которая коснулась не только писателей, но и врачей в Одессе, в частности, самого Циклиса. Его либо уволили, либо понизили в должности, либо отправили на пенсию.

одновременно со мной «а фарвус». Я верю, что в моем деле уже чувствуется оттепель. Кстати, о нем и о моем тезке.* Конечно, мы в курсе всей эпопеи этой злобы дня на Литфонде. Не имеем к кому писать, я хотел написать Эренбургу. Хотел ему высказать мое и мне подобных мнение о том и о сем. Хотел ему помочь отбиться от упреков К. Симонова по поводу эренбургской манеры писать, схожей на Вольтера. Но писать не буду. Вот побеседовать, поговорить, после писать! Мне передали его выступление в Секретариате Советских Писателей, в коем он проанализировал смысл двух слов: «обсуждение и осуждение». Так ли это? В 1941 году я ему писал на аналогичную тему. Получил ответ, оказавшийся далеко не пророческим: «То, о чем Вы мне пишете, у нас на фронте не водится. Оно встречается лишь в щелях страны. И я уверен, что с ветром Победы все это выветрится». Увы! Он не угадал… C'est pas sa faute (это не его ошибка (*фр.*). – **О. Т.**).

Вы мне приписываете авторство сюжета Вашей картины для выставки. Но я ведь писал Вам о другом сюжете, касающемся 2-х скрипачей-мастеров и т. д. Но, говорят, лиха беда начало. Кто же будет Вам позировать для профессора? Или Вы его поместите спиной к публике? Возьмите меня в компанию. Прилагаю при сем мое фото, которое мне самому очень нравится. Кстати, моя картинная галерея привлекает внимание моих друзей. Останавливаются подолгу у Ваших творений и, главным образом, у «Дамского портного», у моего портрета сангиной, у 3-х наших coreligionnaires (единомышленники (*фр.*). – **О. Т.**), сангина и у других.

Знаете ли Вы о трагической смерти Миши Брауна? Инфаркт миокарда! «Он не умер, – сказал мне Ковалевский Б.А., директор Музея обороны. – Он убит!» C'est bien ça! Il a raison! (Это именно так! Он прав! (*фр.*). – **О. Т.**) Я лечу сейчас его очаровательную жену. Боюсь за ее сердце. Я делаю все, что могу, чтобы вывести ее из той петли, в которую она сейчас попала. Она всячески пытается меня благодарить. У нее, несмотря на ее тяжелое состояние, много юмора. И лишь вчера, после моего сверхочередного и позднего посещения, она мне сделала комплимент: «Вы врач не теперешний, а сраньше». Горжусь!

* Илья Эренбург.

Что Рувинские? Как мне быть? Ждать от них ответ на мое поздравление или сносить дом и начать снова прерванную переписку? Дайте консультацию.

У Мишкиблитов тучки. Берточка заболела болезнью Рауна – головокружения, тошнота, рвоты. Сейчас у нее только первое. Будем верить, что и оно скоро пройдет.

Лисянские переживают приезд к ним их «детей» из Москвы: полковника А. Натансона, его жены (их племянницы), Саррочки и их дочки, феноменальной Жанночки. На днях они нас покидают. Начался перелет на Север, хотя осени «лично» еще нет. Жара в 35 градусов. Вы знаете, что значит «лично». В комнату входит наша землячка. Ее спрашивают, оглядывая ее ботинки: «На дворе дождь?» – «Лично дождя нет, но грязь есть», – отвечает она. Утро, воскресный день. Муж побрился и, хлопая себя по щекам, говорит жене: «Поверь мне, я чувствую себя после бриться лет на 20 моложе». «Почему бы тебе не бриться перед сном?» – отвечает она ему.

Писал ли я Вам о моем старом друге, кому угрожала ампутация левой ноги? Но, хвала Богам, нога спасена. Я читал у Мишкиблитов Ваше письмо и Неллино. Таким образом, я в курсе Вашей уравновешенной жизни. Продолжайте в том же духе! Привет от нахала Санчо Пансо. Мысль о Рахлине me plaît (мне нравится (*фр.*). – **О. Т.**).

И. Е.

Нюренберг – Циклису, открытка после персональной выставки в Одессе в 1963 г.

Куда: г. Одесса, ул. Розы Люксембург, 40, кв. 5, И.Е. Циклису

Дорогой друг,

После всей рекламы, мне посвященной, я мог бы скопировать наших народных художников: завести дачу, купить «Волгу», достать себе молодую «маруху» и друзьям, при встрече, подавать не всю руку, а только два пальца.

Но у меня это не выйдет. Во-первых, нет у меня столько денег, во-вторых, нужных желез нет, а в-третьих, мне вас всех очень жаль. Люблю вас, черти! За что, сам не знаю.

Я все еще служу жене. Она скоро встанет. Совершенно не работаю. Только думаю. Мысли, похожие на воронье в серый день, не покидают меня. Но я улыбаюсь.

На ул. Островидова, 70, кв. 1 живет Светлана Иваницкая. Она тебе поможет склеить выставку мою.

Хоть бы кто-нибудь из вас к нам приехал. Тоска, хочется развлечься.

Твой Амшей.

Циклис – Нюренбергу, Одесса, 30 октября 1964 г.

Куда: Москва, 2-ая Песчаная, д. 6, кв. 187, Нюренбергу А.М.

От кого: ул. Р. Люксембург, д. 40, кв. 5. Циклису.

30/10/64 г.

Дорогой Амшей!

Спасибо за колоритное и интересное письмо. Видно, душа и тело консонируют. Ну, а я все еще не comme il faut (как следует (*фр.*). – **О. Т.**). Хожу с трудом, тяну ноги, в марафоне еще не участвую. Надеюсь, что ça viendra (это придет (*фр.*). – **О. Т.**). Категорически отказываюсь писать свои воспоминания о Бабеле и Бялике. При встрече объясню тебе причины. Привет тебе от моего окружения, от всех-всех. Я им с наслаждением читаю твои письма. Все они кряхтят, так как это же понятно… Годы и быт дают себя знать. Привет Полине, Нелли, Олечке,* Юре.** И всем твоим и моим друзьям. Не пропадай. И. Е.

Нюренберг – нескольким друзьям, весна 1972 г.

Дорогие друзья,

21 апреля мне исполняется 85 лет. Я верю, что если Вы мне напишете несколько сердечных слов – горечь этой грустной даты не будет казаться слишком горькой.

Ваш искренний друг А. Нюренберг

Москва 125252, До востребования, А.М. Нюренбергу

Публикация Ольги Тангян

* Олечка – автор статьи О. Т., внучка Нюренберга.

** Юра – писатель Ю. Трифонов, зять Нюренберга.

Анна Сон

Не публиковавшиеся стихи

Этот год принес невосполнимую утрату – умерла Анна Сон, замечательный человек, поэт милостью божьей. Аня начинала свой творческий путь, как и многие поэты Одессы, в литературной студии Юрия Михайлика «Круг». Там состоялась как поэт.

В этом альманахе мы предлагаем читателям еще не публиковавшиеся стихи Анны Сон, присланные нам ее мужем художником Олегом Соном, и как послесловие – слова прощания с Аней, написанные Юрием Михайликом и присланные из Сиднея.

* * *

День начинался призрачно и зыбко,
когда проснулись десять миллионов
моих сограждан. Начинают есть,
лечиться, остальных разбудит Герцен.
Конфеты называются «Улыбка» –
с коробки в душу смотрит Лиза мона.
Тех, кто успел на шоколад подсесть,
ждет в будущем ужасная развязка.

Белеет парус, а за ним Стамбул.
То хлеборобы в гости к сталеварам
из наших мест и эти, и другие.
Кто ближнюю историю забыл,
напомню: этот Рим почти что даром
мою страну помыл, одел, обул.

Как уцелеть? Америку закрыть,
потом навеки разлюбить глаголы,
забыть о связи звука и числа.
Родные стены помогают быть,
когда вдали от рифмы, словно голый…
Что говорить, печаль моя чиста.

* * *

Пишет греку Антон из Мессины:
пламя, воздух, вода и земля
нашей местности невыносимы,
понаехала разная тля –

захребетники и экстраверты.
Почтальон продувает усы,
он вскрывает чужие конверты
ради эпистолярной красы.

Ради будущего с почтальонкой
сообщит инквизитору он,
что у антов больные печенки,
недоволен Мессиной Антон.

Пишет грек (Феофан, Доминик ли?):
наши съели плохую еду,
проявили агрессию, сникли,
сеют панику, кличут беду.

Мы дождемся: придет инородец –
иноходец, очкарик, спирит.
Он отравит ближайший колодец
или до смерти заговорит.

Передали залетные клуши
то, что слышали моряки:
отберет и утопит баклуши
в мелком озере в пойме реки.

* * *

Где парк за усатым Тарасом
простые секреты хранит,
мы двигались кроссом и брассом,
от нас отвернулся пиит.
Четыре отмытых чертенка,
(над ними парит логопед):
девчонка, мальчишка, девчонка,
подросток тринадцати лет

ловили русалок на устриц,
гудел под ногами причал.
Их не выносил Заратустриц.
На них Комсомольцев стучал.

Кто выучил азбуку Морзе,
зажег где не надо огни,
чтоб дети на пляже не мерзли
и в парк не ходили одни,

ходили с речевкой, с оркестром,
туда, где стоит пионер,
которому время и место
живой показали пример?

* * *

Стукач мячом за окном попадает в ад,
врубающий дрель в субботу идет туда же.
Представь себе вечность, представь себе адский сад:
июль, середина дня и дорога с пляжа.

Приходишь домой, а там – футбольный маньяк,
трудяга сосед и время без горизонта,
а если закончилось курево или коньяк,
идешь в магазин на встречу с командой зондер.

Так лучшие люди когда-то ходили в народ,
учили компьютерной грамоте новое племя,
взамен получали курятник, избу, огород,
а новое племя имело пространство и время.

Роман про хард-рок, эпопея, как жить не любя,
поклепы на рыжих брюнеток и честных блондинок –
так худшие люди когда-то ходили в себя,
как в равлика павлик, как стелька ботинка в ботинок.

Бесполые рифмы шагают, как призраки тех,
кто будет зачат непорочным путем в стеклотаре,
вдали от погромов и сексуальных утех
сольются в катарсисе русский, еврей и татарин.

* * *

С мармеладом и фруктозой,
фундуком и карамелью
спи, дитя, в свободной позе,
просыпайся без похмелья.

Просыпайся. Шутки ради
обойди свою округу,
подпирают небо дяди,
неизвестные друг другу.

Голоса не хуже птичьих,
плечи пожилых атлантов,
те, что подрастают нынче,
не ссылаются на кантов.

Дрогнет сердце у девицы
до последнего сосуда:
если курица не птица,
то Овидий не отсюда.

Светел замыслом и ликом,
что изгнанник, что скиталец.
Кто-то думал о великом,
распрямляя средний палец,

кто-то обернулся шкурой
неубитого дракона.
Засыпай, дитя, без дури,
просыпайся вне закона,

установленного нищим
духом, разумом, судьбою.
Мчатся тучи, ветер свищет
от рожденья до отбоя.

* * *

Так рыба весною плывет неизвестно куда…
Сородичи, други, вода там не тише, не лучше,
а как называется это – инстинкт или случай,
судьбой назови, а умоешься – та же вода.

Твой город испорчен, тебя в нем давно не видали,
на ближних вокзалах таможенные посты,
и женщины слушают сказки про синие дали
поэтов хуже, чем ты.

Тебя разлюбили, простили, забыли немного,
все так же неймется, за окнами чья-то страна,
что слышно, когда ты выходишь один на дорогу?
Там море, там миграционная плещет волна.

Юрий Михайлик

Анна Сон

Конечно, к восьмидесяти годам можно уже и понять, что мир неправилен и справедливостью нисколько не озабочен. В Одессе умерла поэт Анна Сон, я сижу и пишу о ней, и – будь этот мир чуть справедливее – было бы наоборот.

* * *

Настоящих поэтов не бывает много. Тут как в горах – плоскогорья, предгорья, горные системы и, наконец, пики, вершины. Можно себе представить, что на вершинах очень холодно. И очень одиноко. Зато видно далеко.

И хоть расположена Одесса на сближении двух равнин – степи и моря, и гор тут нет никаких, а вот настоящие поэты в Одессе были всегда. В настил. Так что один как бы перекрывал другого. Так настилали борта кораблей – длинными широкими досками, без зазора, чтоб вода не поступала внутрь. И эти деревья, из которых нарезали такие доски, назывались – корабельный лес.

В империи все, что не столица, – провинция. Окраина. Обреченное неведение или забвение. С распадом империи столиц становится больше и еще больше окраин, еще больше забвений.

И в самих этих окраинах по законам все той же мировой несправедливости запоминались – да и то ненадолго – имена, несущие с собой некоторый момент дополнительной сенсации. Имена же, ценные самими стихами, самим строгим и гордым отношением к творчеству, уходили вглубь или ввысь (а это все равно) и оставались лишь в памяти отдельных ровесников строками или четверостишиями серебряной чеканки…

Их нет уже – тех дощатых кораблей. Но даже глядя на их останки по берегам, угадываешь – вот это они – корабельный лес.

* * *

Поэты как виноград – растут гроздьями. Иногда гроздьями прямого родства. Иногда соединяются и наполняются соками друг друга совсем вроде бы отдельные лозы.

Я знал когда-то таджикского юношу, Шарифа Шукурова, в роду которого по отцовской прямой было пять поколений поэтов. И сам он, изящный, как птица, был поэтом в великой традиции.

В студенческие годы в стенгазете когда-то прочел –

…Когда в небе горит юкагирский огонь,
И горный компас дурит,
Когда скроет пурга от волчьих погонь
Следы оленьих копыт…

Прочел эти звонкие киплингианские юношеские строки, ощутил их энергетику и традицию и навсегда запомнил. Он учился на геофаке – ну, конечно же, где же еще… Его звали Александр Олейников. И много спустя я узнал, о чем говорили шепотом – он сын Николая Олейникова, замечательного ленинградского поэта, убитого за стихи, запретного на долгие годы, да и само название «обэриуты»

не было известно нам, студентам-филологам, изучавшим историю русской литературы. Росток лозы, пробившийся сквозь бетон.

В Одессе до сих пор существует клан Гордонов. Клан поэтов, прозаиков, художников и опять поэтов… Измаил, Владимир, Гарри, ответвлением – Елена Гассий, Александр Гордон – американо-московский одессит.

Три поколения врачей-поэтов вплоть до Бориса Херсонского.

У нас на глазах взошла тугая лоза – художник, прозаик, поэт Игорь Божко, точный и горький поэт Анна Божко-Стреминская.

И вот клан Лукашей – Сонов. Поэты Владимир, Анна, Павел, замечательный художник и поэт Олег Сон, молодой поэт – сын Олега и Анны – Михаил…

Уверен, что помимо названных мной эти лозы растут еще на многих склонах в Одессе – над морем и в степи… Климат. И почва. Или просто количество солнца…

* * *

В журналистской юности я однажды попал с редакционным заданием на Одесскую джутовую фабрику. Куда там Одиссею…

Работа на джутовой фабрике – адская. Пыльная, вредная, тяжелая… Поэтому на фабрике всегда нужны были работницы. Поэтому фабрика предоставляла общежитие. И все равно текучесть кадров была высокая. Но сами кадры…

Все, что смогло за два столетия произрасти в отвоеванной у турок черноземной украинской степи, все промелькнуло перед нами, все побывало тут. Красавицы казачки и полячки, сербиянки и молдаванки, гречанки и болгарки, и гагаузки (а гагаузы – потомки печенегов, и эта кровь с молоком, возможно, непосредственно от князя Святослава), все девушки окрестных сел и райцентров знали прямой путь в Одессу – через джутовую, там и койку в общежитии дают…

И вот тут, оглушенный и ослепленный, обнаружил я удивительную правду про джутовую фабрику. Ее социальный состав был стратифицирован покруче, чем британский высший свет.

Герцогини королевский крови, леди, графини и баронессы были разделены суровыми законами джутовой и не перемешивались никогда.

Высший джутовый свет ходил на танцы в Дом офицеров. Мечта – танцевать с курсантом и выйти замуж за лейтенанта.

Класс пониже посещал танцплошадку в парке Шевченко. Там было все – от крутых ребят в наколках до обычных студентов и молодых инженеров – и там судьба решалась случаем – как карта ляжет.

Третий же класс – это парк Ленинского комсомола – где девушку выдергивали за руку в окрестные кусты, и попробуй отказаться… Перейти из одной страты в другую удавалось не многим…

Потом, через годы, я понял, что все мы – из общежития на джутовой фабрике. Поэты в первую очередь.

Стратификация та же. Кто куда на танцы ходит.

Для кого и почему пишутся стихи?

Смешно. Не так давно группа любителей поэзии составила и выложила в сеть сто любимых стихотворений любимых поэтов. Поэты, как правило, хорошие. Стихи тоже.

Любопытно совсем другое.

Вот Марина Цветаева. Замечательно. Выбор огромен. И что там в списке? «Мне нравится, что Вы больны не мной..»

Борис Пастернак. «Никого не будет в доме…»

И так далее – вплоть до Багрицкого – «Марта, Марта, надо ль плакать»…

То есть не то, что прочитано, а то, что услышано… Положено на музыку и спето.

Вот и танцы в Доме офицеров.

Менее умелые и грамотные – танцуют в парке. Совсем уж темным – успех у таких же темных, местные кустики… Гоп-стоп, мы подошли из-за угла…

Как говорилось когда-то о социалистическом реализме – изложение известных истин на понятном вождям языке.

В великой русской поэзии много замечательных имен. И прекрасных стихов. И удивительных строк.

Астрономы говорят, что если бы все звезды вселенной были видны с земли, небо было бы сплошным сверканием…

А у нас только Большая Медведица – и то, если ее споют…

Итак, выбор сравнительно несложен – потрафить публике, сообщая ей то, что она давно желает услышать. Или просто

изложить набор банальностей. А то и эпатировать читателя татуировками в неожиданных местах…

Жизнь изменчива – тем и таинственна. И настоящие стихи – всегда таинственны.

Настоящий поэт – стремление успеть, всей жизнью успеть бы высказаться… Кому?

Адресат у больших поэтов один, и даже нельзя сказать, есть ли он там, куда поэт стучится?

Автор пишет, ибо не может не сказать то единственное, что должен, тому единственному, кто, может быть, поймет, но, может быть, и не существует…

Зовите его как хотите – мировой гармонией, космосом, господом, Эйнштейном, Шлезингером, Саваофом…

…Мело, мело по всей земле, во все пределы…

А может быть, то, что поэт хочет сказать, и вовсе собрано из отрывков, кем-то продиктованных тебе сознательно или случайно уловленных тобой средь белого шума в излучениях дальних миров? И если ты не уловишь этот смысл и не соберешь в значимую строку, то больше и некому сделать это…

Анна Сон написала не много стихов. Она знала, кто ее адресат. И понимала, что обращаться к нему нужно уважительно – потому требовательность к собственному слову так высока. Важно быть правильно понятым.

Вот вам и выбор партнера на танцах…

* * *

Работы художника Олега Сона в Австралии существуют в приличном количестве. Их вывозили эмигранты. Художник он, на мой взгляд, замечательный.

Когда-то, впервые попав в его мастерскую, я купил несколько его этюдов. Потом он оформлял – и очень здорово – первую книгу поэтов клуба «Круг» (1991 г.). Потом мне очень понравилась одна картина – двойной портрет прелестных юных женщин – и я спросил робко – сколько она может стоить. Понимал, что немало. Сон смущенно улыбнулся и сказал, что это не продается.

Через несколько лет, узнав о нашем отъезде в Австралию, Анна и Олег пришли прощаться. И принесли в подарок эту работу. Двадцать шесть лет она висит передо мной.

* * *

Они жили скромно, ибо Олег много лет болел и не мог работать. Анна писала редко. И редко откликалась на приглашения публиковаться. О том, что она – из самых лучших, из настоящих поэтов в Одессе, – знала она сама, ее муж и сын, и еще пять-шесть человек. Она была замкнута, несуетлива, и стихи ее таковы – несуетливы и полны внутреннего достоинства. Они написаны единственными простыми словами. И обращены к тому собеседнику, от которого не дождешься похвалы.

* * *

Я знаю их по литературному клубу «Круг». Молодые – и не слишком – поэты когда-то позвали меня – быть руководителем. Это продолжалось двенадцать лет. Каждую пятницу – в бывшем Шахском дворце – над Одесским портом. Человек десять-двенадцать. А то вдруг – тридцать-сорок. А то вдруг – пятьдесят.

Главные свойства клуба – на мой взгляд – беспощадная требовательность друг к другу и взаимное уважение. Эти два качества позволяли гордым, самолюбивым, умным и строгим оставаться вместе, не позволяли амбициям управлять… А еще – они были очень красивыми, и каждый в отдельности, и все вместе.

* * *

Повторяю то, что говорил много раз. Нельзя научить человека быть поэтом. Это – дар.

Быть поэтом – не одно только умение рифмовать, находить нужные слова, и даже не умение создавать свой собственный мир.

Быть поэтом – человек может научиться только сам. Уважая свой дар, выбирая свой мир, свое место в нем, свой единственный голос, свое видение времени и своего, самого взыскательного и требовательного, читателя, к которому и адресуется со своим видением и пониманием мира.

* * *

Конечно, я не желал им этой участи – стать поэтами.

Я их любил. А в судьбах любимых поэтов читал неподъемность, невозможность такой судьбы, угадывал горчайшую цену, которой были оплачены стихи. Даже самые вроде бы легкие, самые вроде бы забавные строки.

Конечно, я хотел, чтобы одесские молодые стали настоящими поэтами.

Они этого хотели. И я с ними.

Потом юность почему-то кончилась. Пошли стихи – зрелые, точные. Пошла судьба.

Настоящая жизнь настоящих поэтов. Горькая, суровая и беспощадная.

* * *

Анна Сон была настоящим поэтом. Я хочу, чтоб наш – все еще наш – город знал и помнил об этом.

Памяти Александра Розенбойма

312 **Валентина Голубовская**
Бог сохраняет всё…

319 **Александр Бирштейн**
Я учусь, Саша!

Валентина Голубовская

Бог сохраняет всё…

Не выпускаю из рук новую книгу, посвященную Александру Юльевичу Розенбойму. Ее составила сотрудник Научной библиотеки Александра Дели, потратившая три года на то, чтобы прочесть, систематизировать, описать все то, что создал неутомимый краевед.

А это двадцать книг, вышедшие при жизни автора, огромное количество публикаций в газетах и журналах. Как интересно сегодня смотреть на отклики на каждую публикацию! Ни одна книга не осталась незамеченной.

Мы должны научиться ценить тех, кто рядом с нами. Призыв Булата Окуджавы – давайте восклицать, друг другом восхищаться – разумен.

17 сентября Саше Розенбойму исполнилось бы 80 лет. Мы собрались в Литературном музее, чтобы поговорить о вышедшей книге. Вел вечер памяти Феликс Кохрихт, авторы воспоминаний, что опубликованы в вышедшей в издательстве «Оптимум» книге, рассказывали о Розенбойме, вспоминали его шутки, анекдоты. Ведь он был не книжный червь, а веселый, яркий человек.

Много добрых слов услышала в этот вечер Саша Дели, автор серьезной книги, продолжающей серию о краеведах Одессы.

Не было на этой встрече друга Саши со школы – с гимназии Панченко, Вали Голубовской…

Вот мы и поставим у себя в альманахе одну из ее статей о книгах Розенбойма, тщательно учтенную Сашей Дели.

На столетие Анны Ахматовой Иосиф Бродский написал стихи, в которых были такие строки: «Бог сохраняет всё, особенно слова надежды и любви, как собственный свой голос…».

Бог сохраняет всё – «Deus conservat omnia» – девиз на гербе Шереметевых, которым принадлежал Фонтанный дом в Петербурге – в нем долгие годы своей трагической жизни прожила Анна Ахматова.

Я вспоминала эти строки Бродского и этот девиз на гербе Шереметевых, читая новую книгу Ростислава Александрова «Земля хранит, или Подземный архив Одессы».

В отличие от торжественной латыни герба, даже переведенной на русский язык, название книги Ростислава Александрова при всей, на первый взгляд, строгости и простоте его, исполнено глубокого смысла.

Даже Бог сохраняет далеко не всё. Но благодарная память из прожитой жизни сохраняет многое. Не случайно Ростислав Александров посвятил эту книгу памяти Александры Ильиничны Ильф, с которой дружил долгие годы, и уход которой стал для него (как и для многих других) невосполнимой утратой…

А земля действительно хранит многое, о чем не только заезжий человек, но и большинство одесситов не догадывается.

На протяжении многих лет Ростислав Александров «перелистывал», изучал, переписывал из архивных документов (еще в отсутствие Интернета) свидетельства, подробнейшие перечисления имен, документов, обстоятельств появления в нашем городе его прославленных зданий и памятников. И скромных, вроде бы, построек, сохранившихся до наших дней или давно уже утраченных, унесенных не ветром времени, а чаще варварством и дикостью.

Так что же хранит подземный архив Одессы?

Историю зданий и памятников, поведанную, прежде всего, в медных, иногда серебряных, даже свинцовых закладных досках, гравированный текст которых сообщал все необходимые данные – в каком году и в каком месяце, какого числа, по чьему повелению, в чье царствование заложен тот или иной архитектурный или скульптурный памятник, на какие средства – из государственной или городской казны возведен, перечислены благотворительные взносы с именами донаторов. Кроме того – медали, монеты, газеты, вышедшие в день закладки. Названы священнослужители, освятившие

Саша Розенбойм и Валя Голубовская

закладку будущего памятника и присутствующие при этом торжестве граждане Одессы разных сословий и чинов, разных национальностей…

Ростислав Александров пишет, что при закладке Оперного театра в одесскую землю был помещен посеребренный снаружи ящик из долговечной котельной меди, в который «вместе с доской было положено то, чего хватило бы, пожалуй, для небольшой выставки об Одессе того времени».

Только перечисление этого «каталога» в книге занимает почти две страницы – серебряные и золотые монеты чеканки 1884 года, пшеница урожая того же года из села Кошарка, бутылка вина. Фотография герба Одессы и фотография сгоревшего Городского театра, сделанная известным одесским фотографом Иосифом-Карлом Севериновичем Мигурским, а также «Адрес-календарь одесского градоначальства на 1884 год», 39-й том «Записок Императорского Новороссийского университета» 1884 года, «Отчет Императорского общества истории и древностей» и его устав, и прочее…

Чем гордятся граждане города, что привлекает в нем многих гостей? Естественно, архитектура города, его памятники.

В 1822 году, через четыре месяца после кончины герцога де Ришелье, граф Александр Ланжерон говорил благодарные слова о своем великом предшественнике и о «священном обете соорудить дюку де Ришелье памятник, достойный сего редкого друга человечества». Так, созданный уже после кончины Ланжерона, памятник герцогу работы И.С. Мартоса стал одним из символов Одессы, а весь ансамбль с Бульварной лестницей, полукруглыми зданиями и Дюком известен далеко за пределами нашего города.

Автор подробно и увлекательно рассказывает историю одесских памятников – Ришелье, Воронцову, основателям Одессы, Городского театра, начиная в исторической последовательности со старейших построек в одесской гавани – с карантина, церкви, «во именование святого благоверного князя Александра Невскаго в крепости», заложенной 15 ноября по старому стилю 1795 года. При закладке в нишу, выдолбленную в камне, были положены частицы мощей «Святых Великомучеников Киево-Печерских Мардария и Меркурия», а уж поверх ниши и была положена свинцовая доска с вырезанным на ней торжественным текстом.

И рассказ о недостроенной, а потом разобранной церкви…

Каждая глава этой книги не только вдумчивое историческое исследование, но волнующее повествование о наших далеких предшественниках и созидаемом ими городе, в котором нам посчастливилось родиться.

Мне все же хочется обратиться к тем сооружениям, которые не знамениты, не привлекают внимания туристов, да и многие нынешние обитатели Одессы часто остаются к ним безразличными и не водят своих приезжих гостей на несколько кварталов дальше от туристического центра…

Один из таких грустных примеров – судьба здания на Княжеской, 1-А, угол улицы Новосельского. Заложено 6 мая 1892 года для Одесского отделения Императорского Русского технического общества. Через шесть месяцев здание общества было уже освящено.

Михаил Жванецкий говорит, что у Одессы было «три кита» – море, медицина, музыка. Может, не «китом», а «дельфином» была в Одессе научная и техническая интеллигенция. И Техническое общество собирало под своим крылом многих ученых, внесших огромный вклад в науку, ставших знаменитыми после 1917 года, особенно за рубежом, в эмиграции. Конечно, в наши дни состояние и вид здания, построенного по проекту Александра Бернардацци, подошел бы в качестве натуры для таких фильмов, как «Сталкер» Андрея Тарковского. Не многие одесситы ходят полюбоваться тем, что осталось от его прекрасного прошлого. Какие уж там туристы…

От многого остались руины, что-то утрачено навсегда, как Сретенская церковь на Новом базаре, в которой венчались И.А. Бунин и А.Н. Цакни, но, хранимое Всевышним, все-таки многое осталось из прекрасного наследия, созданного нашими предшественниками.

…В Одессе издавна говорили об этом отрезке Люстдорфской дороги: «Одни сидят, другие – лежат».

Об этом и не только об этом в стихотворении Юрия Михайлика:

От центра города до пригородов бетонных,
набравший скорость на коротенькой прямой,
трамвай раскачивает сонных и полусонных
на тонких нитках между кладбищем и тюрьмой.

И в такт покачиваясь, вплывают помимо взгляда
в двойное зеркало вагонного окна
стена тюремная, кладбищенская ограда
и беспокойная конвойная луна…

Тюремному замку на Люстдорфской дороге, сооруженному знаменитым одесским архитектором Львом Влодеком в соавторстве с Антонием Томишко, по проекту которого были в Петербурге построены печально знаменитые «Кресты», предшествовала многолетняя история старой одесской тюрьмы. Как пишет Ростислав Александров, с момента основания города, за двадцать с небольшим лет, уже были таможня, карантин, больница, театр, консульства, лицей и многое другое. Не было тюрьмы!

И уже осенью 1816 года граф Ланжерон озаботился строительством «…тюремного дома или острога для преступников». Весной 1817 года были выделены деньги на тюремное строительство. Ростислав Александров приводит письмо Александра Ланжерона военному коменданту Одессы Фоме (Томасу) Кобле: «…Мне весьма желательно, чтобы оно не представлялось глазам… чтобы преступников без опасения их побегов можно было выпускать в мир, и чтобы они всегда освежались чистым воздухом».

Такая тюрьма была построена в 1826 году, уже при М.С. Воронцове, на теперешней улице Лейтенанта Шмидта, между Итальянским бульваром, Пантелеймоновской и Гимназической улицами по проекту Франца Боффо.

По тем временам она считалась образцовой. В 1871 году в Одессу приехал председатель комиссии по преобразованию тюрем граф Владимир Соллогуб, более известный как автор повести «Тарантас». Ознакомившись с тюрьмой, он «назвал ее, – пишет Ростислав Александров, – «энциклопедией тюремного заключения», и был прав».

Побывали в этой тюрьме с «летальным исходом» в виде виселицы – Дмитрий Лизогуб («Земля и воля»), народовольцы Степан Халтурин и Николай Желваков.

Но, безусловно, самой легендарной сиделицей была Софья Блювштейн, гораздо более известная как Сонька Золотая Ручка.

И в новом, построенном на Люстдорфской дороге, не только сидели многие, ставшие знаменитыми, арестанты, и не один из них написал позже в воспоминаниях и в художественной прозе об одесском, крестообразном в плане, с центральной башней тюремном замке. «Лев Бронштейн, – пишет автор книги, – просидев полтора года в одесской тюрьме, затем в ссылке в Восточной Сибири, откуда бежал, вписал в раздобытый чистый бланк паспорта фамилию Троцкого – надзирателя в одесской тюрьме. Так возник политический псевдоним».

Сидели в этой «обители скорби» многие люди, разных сословий, за разные проступки, кто по уголовному делу, как ставший знаменитым Мишка Япончик и не менее знаменитый Григорий Котовский, кто по политическим обвинениям, как Владимир Жаботинский, который, как пишет Р. Александров, в автобиографическом очерке «Память моих дней» вспоминал тюрьму «с душевным теплом». И Валентин Катаев, обвиняемый как участник офицерского заговора против советской власти, на всю жизнь запомнил тюремные дни лета и осени 1920 года и написал о них в рассказе «Отец» 1925 года.

И все же, на мой взгляд, самое главное достоинство книги Ростислава Александрова в том, что описанные им торжества по случаю закладки того или иного сооружения, перечень всех, кроме

Саша Розенбойм и Валя Голубовская

закладных досок, предметов, оставляемых в одесской земле как память навечно, множество имен одесских граждан, все это в подтверждение мысли автора – в XIX веке в Одессе складывалось гражданское общество.

Давно известно выражение: «Благословенна страна, в которой прежде всего заботятся о детях и стариках».

При закладке, при строительстве того или иного сооружения одесситы вносили немалую лепту в будущий памятник. Но совершенно потрясает та щедрость и бескорыстие, которые проявляли граждане Одессы в создании богоугодных заведений, иначе говоря, богаделен, приютских домов, образовательных и лечебных заведений, будь то «Начальное училище» на Молдаванке или «Детская санитарная станция» на Хаджибеевском лимане.

И если многие имена благотворителей известны, начиная с герцога Ришелье, оставившего будущему Лицею огромную библиотеку и деньги – все жалованье за годы правления в Одессе, Феликс де Рибас, подаривший городу Сад, М.С. Воронцов и его супруга Е.К. Воронцова, Г.Г. Маразли, М.А. Крамарев, Елена Кленова. Илья Новиков, Вильгельм Санценбахер, Леопольд Валих, Р. Низгурицер, Т. Гехт, Ю. Гессен – их сотни, этих имен, а рядом с ними подписи «А. С.» «N. N.» и «еврей Янкиль», как назван он в документе…

«Бог сохраняет всё, особенно слова надежды и любви…» Словами скорее печали и любви к Городу, в котором нам посчастливилось родиться, и написана книга Ростислава Александрова.

Александр Бирштейн

Я учусь, Саша!

Он говорил:

– Тезка, в том дворе таки жили приличные люди. Папаша Ильф с сыновьями, сын мадам Бланк…

Я недоуменно смотрел на него.

– Да-да, – продолжал Саша, – Дмитрий Ульянов тоже там жил. И я тебе скажу, соседи говорили, что вел себя хорошо.

Это я задал Саше вопрос насчет населения дома № 9 по Малой Арнаутской.

– И Бялик! – добавляю я, стремясь показать эрудицию.

Саша Розенбойм легко соглашался.

– И он… В бельэтаже, во дворе… Его туда пристроил издатель Иегошуа Равницкий, он тоже там жил. А за их гостей тоже надо два слова сказать. Заходили тут М. Дизенгоф, М. М.-Сфорим, С. Фруг… Ну, конечно, В. Жаботинский – лучший переводчик стихов того Бялика на русский язык.

Саша блестяще говорит и пишет по-русски. Его книги написаны прекрасным языком. Но в разговоре со своими он слегка утрирует, приближая свою речь к старой одесской.

– Хаим Циклис – отец известного одесского врача Ильи Ефимовича Циклиса. А хозяином дома был Моисей Хаимович Вольф.

Я приходил к Саше в общинный центр «Мигдаль», где он работал. Приходил на минутку, что-то выяснить, узнать, а застревал на часы.

Во-первых, я получал анекдот. Он знал их невероятно много. И все они были хорошими.

Во-вторых, я получал историю какой-нибудь очередной Сашиной находки.

В третьих… В третьих, мы просто трепались. Разве это плохо?

Лет десять назад мы стали регулярно видеться на вечерах и вечеринках Всемирного клуба одесситов. Там у нас была своя тайна-уговор. При каждой встрече Саша должен был рассказать мне новый анекдот. При каждой!

А я… Ну, ладно, теперь можно. По кодовому слову, которое знали только я и Саша, я должен был принести в курилку рюмку водки. Но тихо-тихо, чтоб Сашина жена Мила не заметила! И приносил. И не замечала! Вот какие мы замечательные конспираторы были.

Я вот что подумал. Ну, прочтет кто-нибудь то, что я написал, и решит, что мы ничем, кроме анекдотов и выпивки, не занимались. Не так это, дорогие граждане-гражданочки, далеко не так!

Саша, Александр Розенбойм, писатель, краевед, журналист, писавший под именем Ростислав Александров, – слышали? – написал много прекрасных и очень нужных книг.

Как он успевал? Работа в «Мигдале», работа в благотворительной газете, экскурсии с такими непутевыми одесситами, как я… И книги, книги, книги…

О Сашиных экскурсиях поговорим еще, а сейчас о книгах.

Раз-два в году получал я по электронной почте сообщение:

«Вышла книга. Саша! Имею заверить, что при первой, заранее оговоренной встрече – книга за мной, сиречь у тебя! Привет, С.».

Ага. Тот случай. Стану я ждать. Оговоренная встреча, может, через аж три дня произойдет. И я звонил, договаривался, встречался, получал анекдот и вожделенную книжку. Вожделенную? Конечно! Все Сашины книги были, как в Одессе говорят, очень даже по делу. Они были живыми, содержали море новой увлекательной информации.

Я тогда только осваивал прогулки по Одессе. Выбирал улицу, а на ней дома, искал историю этих домов, имена необычных жильцов, их биографии…

Сашины книги были просто бесценны. Очень скоро они становились похожими на ежей, столько закладок торчало из них.

Ну и, конечно, я задавал вопросы по электронной почте. И непременно получал ответы.

– Саша! Что ты знаешь о Бунина, 28?

Ответ приходил вскоре:

– Саша! Ничего не известно, окромя того, что в 1907 году он принадлежал некоему Джермани К.П. Если не ошибаюсь, там на лестничной площадке парадной со стороны улицы были барельефы, изображающие весь процесс приготовления вина, начиная со сбора винограда и до приема внутрь! Кажется, в этом доме. Но – могу ошибиться. Привет – С.

– Саша, мне очень нужны слова песни «Прощай, моя Одесса, прощай, мой карантин…». К. Паустовский пишет, что она была любимой у Сашки-музыканта. В Интернете не нашел. Помоги!

Я тогда вместе с Игорем Лучинкиным писал пьесу по повести К. Паустовского «Время больших ожиданий». И хотел вставить сцену похорон Сашки-музыканта. А когда его хоронили, завсегдатаи «Гамбринуса» якобы пели эту песню.

– Саша! Я никогда этой песней не интересовался, поелику понимаю, что К. П. по своему обыкновению придумал, что она была Сашкина любимая. Но слушай сюда. Посылаю тебе имя сайта, войди, там черное окно появится, включись и послушай. Там в старой записи каторжная песня «Погиб я мальчишка», длинная, поимей терпение и дождись интересующих тебя строк. Похоже, что это именно она, но название ее классическое. Можешь записать с голоса столько, сколько тебе нужно. Попробуй!!!!! Если все получится и тебе подойдет, то и мине будет приятно. Твой С.

Подошло! Еще как! И я сообщил об этом Саше. И тут же получил ответ.

– Саша, поверь, мине приятно то, что тибе полезно!!!! А.

Повторяю, если кто не понял. Саша прекрасно и литературно знал русский язык. Но любил так прикалываться. «Мине», «тибе» – нам можно. Мы ж свои, одесситы!

Я обожал прогулки с Сашей. Он выбирал такие маршруты, чтоб суметь максимально поделиться изюминками – информацией, которую он трудами своими добыл, но не жалко отдать «в хорошие руки». Сашины рассказы о домах, людях, их поступках и взаимоотношениях я запоминал сразу. Более того, поймал себя

на том, что, когда вожу своих гостей по городу, сохраняю не только Сашины маршруты, но и интонации.

К концу прогулки мы оба уставали. Отдых был необходим. Захватив бутылку беленькой, селедочку, что-то еще, мы шли к Боре в «Оптимум». «Оптимум» – это издательство, а Боря его директор. Селедка, лучок, вкусная водочка… Что может быть лучше?

Но было, было, было лучше! Это когда приезжал из своего Любека на месяц Марк Соколянский. Наш друг. Наш четвертый. А раз четвертый, был и третий, конечно. Аркаша Креймер, как без него?

Без него… Ох, как плохо без него! И плохо без Саши! Так плохо…

А тогда все были на месте. Выпивали, конечно. И так сладко говорили! О чем? Да обо всем! Вы знаете, какое это счастье иметь друзей, с которыми можно говорить обо всем!

Я издал «Воспоминания» Владимира Федоровича Лазурского, доктора филологии, основателя кафедры зарубежной филологии в Новороссийском – ныне Одесском – университете. Конечно же, я немедленно презентовал Саше эту книгу. Вообще, у нас была добрая и важная традиция дарить свои книги друг другу. Саша обрадовался подарку. А на следующий день я получил от него письмо по электронке.

«Дорогой тезка Саша! Сказать спасибо – ничего не сказать!!!! И ишо то, что ты сам знаешь: великое дело ты делаешь. Ты вернул Одессу 1892 года! Теперь ты вернул Одессе Лазурского, причем не какой-то опус «за него», а от первого лица достойного и приличного, как говорили в Одессе, человека. Это – долг памяти, это святое дело потомков! Тебе зачтется!!!!! Твой С.».

Ох, Саша! Ты был добр. Так добр. Я просто, как мог, учился у тебя. Учился, гуляя с тобой, читая твои книги, чего греха таить: и выпивая с тобой. Ты был мудр, щедр и, повторюсь, очень добрым.

Я помню тебя и никогда не забуду. Я читаю-перечитываю твои книги.

Я учусь, Саша, учусь!

Сокровища из сокровищницы

324 Татьяна Щурова
Далекое – по-прежнему близкое…

325 Поліна Нятко
«Закат» Бабеля в Одесі

Татьяна Щурова

Далекое – по-прежнему близкое…

В архиве Сергея Зеноновича Лущика (1925-2015) много лет хранились несколько пожелтевших машинописных страниц под названием «Закат» Бабеля в Одесі», которые нам в отдел искусств ОННБ недавно передала Галина Григорьевна Лущик.

Можно предположить, что автор этих заметок-воспоминаний, народная артистка УССР Полина Нятко (1900-1994), писала их по просьбе В.С. Василько (1893-1972) примерно в 1960-е годы. Выдающийся театральный деятель в то время активно собирал материал для своей книги «Театру віддане життя», которая вышла из печати в Киеве лишь в 1984 г. Известно, что вдова Василько Юлия Разумовская передала С.З. Лущику некоторые материалы из личного фонда их семьи, большинство из которых, в свою очередь, Сергей Зенонович в конце своей жизни отправил в Одесский государственный областной архив.

Имя Полины Моисеевны Нятко – одно из самых значимых в истории украинского драматического театра XX века. Она также немало снималась в кино. Много лет Нятко возглавляла кафедру сценической речи в Киевском театральном институте имени И.К. Карпенко-Карого. Но десять прекрасно-плодотворных творческих лет с 1925 по 1935 гг. ею были отданы легендарной Держдраме в Одессе. Молодая артистка быстро завоевала внимание зрителей. Писали, что она играла с неповторимым блеском, умела пользоваться подтекстом и создавать необходимую сценическую атмосферу. Высокий профессионализм, сила обаяния, большое внимание к слову и неизменное чувство юмора стали ее оружием, подчинявшим себе зрителей, едва актриса появлялась на сцене. Полина Нятко умела даже в небольших ролях запомниться зрителям и критике. Так случилось и с ролью

в спектакле Держдрамы «Закат» по пьесе Исаака Бабеля, где она из маленькой роли сумела создать необычайно впечатляющий образ молодой любовницы Менделя Крика Маруси.

Нятко обладала также несомненным даром и умением описать спектакль. Ее заметки об истории постановок «Заката» в Одессе в 1927 году почти одновременно в двух театрах не только несут интересную информацию, но и отлично передают событийную значимость этих театральных работ.

Полина Моисеевна Нятко

Воспоминания Полины Нятко (с ее автографом) представляют несомненный интерес для исследователей и знатоков театра, тем более что они не печатались до сего времени.

Поліна Нятко

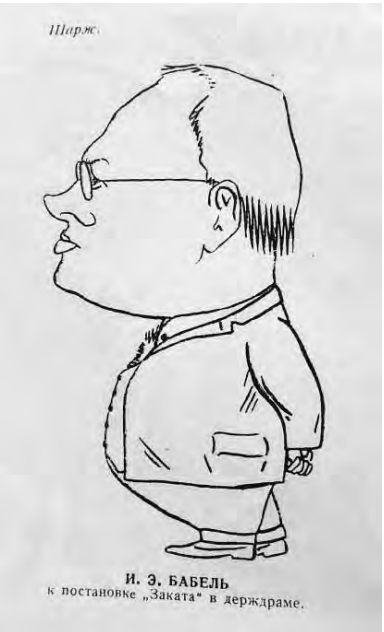
«Закат» Бабеля в Одесі

Одеса, 1927 рік, рік розквіту непу, але в той самий час вже був відчутний і його останній подих. Бабеля, популярного автора новел і оповідань, знали і з захопленням читали. Але Одеса чекала Бабеля-драматурга, що написав свою першу п'єсу, яка, до речі, була вже поставлена в кількох театрах, в тому числі і в Другій студії МХАТу. Коли театральній та мистецькій громадськості стало відомим, що незабаром сам автор приїде читати «Закат», – його чекали з нетерпінням, цікавістю і великим творчим сподіванням.

Очевидно автор з неменшим хвилюванням чекав зустрічі з діячами літератури і театру саме тому, що п'єса відображувала події, які відбувалися в Одесі, місті, де він народився, яке любив, в якому мріяв жити і творити… Гадаю, що сучасному читачеві варто дізнатися і про п'єсу «Закат», і про великий успіх її постановки в Одеському українському театрі Держдрама.

2-го квітня 1927 року в приміщенні Російської драми, на Грецькій вулиці, зібралися на читку письменники, драматурги, журналісти, режисери і актори театрів Одеси. Перед нами стояла невисока на зріст кремезна людина з округлим обличчям, відкритим лобом, широким носом, на якому зручно вмостилися великі окуляри, крізь шкельця яких на нас дивилися проникливі, розумні, іноді лукаві, водночас добрі очі; чітко окреслені повні губи (нижня трохи випнулася вперед) надавали обличчю привабливої теплоти.

В залі стояла мертва тиша. Бабель читав неголосно, не поспішаючи, виразно доносячи зміст кожного слова. Напруження порушувалося короткими вибухами нестримного сміху, і тиша западала знову. В перервах виходили на вулицю перекурити і, розбившись на групи, жваво обмінювалися враженнями, зі смаком повторюючи гострі бабелєвські дотепи.



И. Э. БАБЕЛЬ
к постановке „Заката" в держдраме.

Реаліст у повному розумінні цього слова, автор вразив усіх присутніх глибоко сатиричним відображенням картин життя буржуазно-міщанської Молдаванки, захопив яскравими, викінченими образами живих, як саме життя, людей зі всіма мотивами їх поведінки, вчинками, специфікою побуту і, особливо, з їх неповторною

мовою. П'єса «Закат», відображуючи, висміювала болото буржуазного міщанства і, висміюючи, з надзвичайною силою й динамічністю відображувала побут Молдаванки з його цинізмом, гниллю, з невичерпним гумором і дотепністю, з неповторним відбиттям одеського фольклору.

«Вечірні вісті» писали: «…про автора, який гостро відчуває театр, про скульптурно-чіткі окреслення персонажів, про образність мовного матеріалу, яскравість його фарб, про те, що іскриться соковитістю і барвистістю слово, виблискують гумором і влучністю окремі вислови діалогів, що в п'єсі знову прозвучав Бабель романтик і лірик, що «Закат» – твір значного літературно-художнього обсягу…» (Альцест).

Хоч автор у першій ремарці зазначає, що події відбуваються у 1913 році, проте все, що було показано в п'єсі, безпосередньо торкалось і життя дрібно-буржуазного міщанства 1927 року. Знаменна назва п'єси «Закат». Чий? Кого? Однієї з центральних дійових осіб? Менделя Крика? Чи це захід історично приреченого буржуазного міщанства та міщанської буржуазії?

Сюжет п'єси напружено-драматичний: Мендель Крик, хазяїн великого візникового промислу, деспотичний експлуататор підлеглих, був не дуже розбірливим у засобах своїх справ, та й не тільки справ. На 62-му році він завів полюбовницю Маруську і загубив голову. Його синки Льовка і Беня, виховані у дусі безупинного рвацтва, вирішили покінчити з походеньками батька, які могли призвести до краху «діло», до втрати спадкоємства, і вони по-звірячому розправились з рідною людиною. Така суха сюжетна схема, кістяк п'єси. Сама ж п'єса у всіх деталях була повнокровною, глибоко правдивою. Разюче перо Бабеля викрило і висміяло буржуазію Молдаванки з її пишним шиком, релігійними забобонами, цинізмом, розпустою, злочинством. Сатиричними фарбами автор показав і довів неминучість заходу всього старого, віджилого, що стояло на перешкоді нездоланному новому, нестримно-наступаючому, тому, що після 1913-го через чотири роки вибухнуло революційною бурею, яка змела російське самодержавство…

П'єса справила на присутніх велике враження, і обидва театри Одеси – російський і український – взяли її до постановки.

Російська драма показала прем'єру 25 жовтня 1927-го року. Одначе режисеру А.Л. Грипічу, як і художнику М.І. Данілову, не вдалося знайти рішення, якого вимагала природа п'єси. Постановка і оформлення були умовно-абстрактними.

Прем'єра в українській Держдрамі відбулася 1-го грудня того ж року. З приводу вистави «Вечірні вісті» писали : «...якщо в російській драмі п'єса Бабеля показана звільненою від оболонки побуту – постановка Держдрами тлумачить і розрішує п'єсу в побутовому розрізі... Жива Молдаванка, відроджена на сцені».

Без перебільшення слід сказати, що з моменту відкриття (1925 р.) Держдрама посіла значне місце в театральному житті Одеси і з кожною наступною виставою завойовувала все ширші кола. Багатонаціональний експансивний глядач міста полюбив яскраві спектаклі, і особливо акторів. У складі театру були відомі майстри української сцени: І. Замичковський, Ю. Шумський, Г. Мещерська, Л. Гаккебуш, Л. Мацієвська, К. Осмяловська, К. Загорянська, К. Блакитний, Л. Хуторна, Й. Маяк, В. Лісовський, Ю. Красноярський, П. Нятко та ін. На належному рівні було й художнє керівництво в особі головного режисера В.С. Василька, чергових – К.Т. Бережного, М.Л. Тінського. На окремі постановки запрошувались відомі режисери : Г.П. Юра, Б.С. Глаголін, В.Б. Вільнер, В. Смишляєв. На гастролі приїздили такі видатні актори, як Віктор Петіпа. Всі вони вписували яскраві сторінки у літопис одеської Держдрами.

Таким чином, незважаючи на недавній випуск прем'єри «Закат» в російській драмі, український театр впевнено вийшов із своєю прем'єрою. До речі, обидва театри містились поруч, на Грецькій вулиці, жили дружно, охоче відвідували одне одного.

Постановник В. Вільнер, художник І. Шпінель, композитор Ю. Губарьов життєво-правдиво відобразили на сцені життя бабелєвських героїв, досконало переклала п'єсу на невичерпну гумором українську мову Любов Гаккебуш. З новою силою заблищали у виставі улюблені актори Одеси.

Роль Менделя Крика виконував Юрій Шумський, актор великої сценічної привабливості, бурхливого темпераменту, яскравої характерності. Він глибоко проникнув у внутрішній світ свого

героя, а його низький грудний голос майстерно доносив до глядача неповторні бабелєвські нюанси.

Дружину Менделя Нехаму тонко відобразила актриса сильного драматичного обдарування Г. Мещерська. Запам'ятався Беня Крик у виконанні талановитого актора Й. Маяка. Характерний герой, ставний красунчик у вузеньких штанях з матеріалу «сторіччя», у яскравому оксамитному жилеті, з бабочкою на комірці, в обтягненому піджаці, на голові канотьє… Під цим зовнішнім молдаванським шиком маскувався знахабнілий горлохват, синочок, страшний у сценах сутичок з батьком. На весіллі своєї сестри Двойри Беня хвацько витанцьовував танок блатної Молдаванки «сім-сорок». Маяк виконував танок, не сходячи з місця, з застиглим обличчям, лише його ноги бездоганно вибивали чечітку, витинаючи хитромудрі колінця.

У ролі торговки птицею бризгала гумором соковита, комедійно-характерна актриса Л. Мацієвська. Вражала тупістю й безглуздям Двойра у виконанні Л. Хуторної. Колоритну постать її нареченого тонко й виразно представив І. Замичковський. Артист Гарник відтворив горластого довготелесого недотепу Льовку. Тепло й м'яко, без будь-якого натиску, з гіркою іронією провів Ю. Красноярський роль Арьє-Лейби. З непідробним комедійним блиском В. Лісовський відтворив образ ребе, а його слова під час молитви в сінагозі: «А почім овес?» – пішли гуляти по Одесі так само, як і слова Менделя: «Роби ніч, Нехамо!». Газета «Вісті» Одеського окружкому КП(б)У, Окрвиконкому та ОСПС (4.12.1927; авт. Альцест) писала: «…Безперечно, що Держдрама підійшла до цієї постановки з великою дбайливістю і любов'ю, дала багате оформлення, зайняла у виставі кращі сили трупи, вклала у своє виконання справжній артистичний

підйом і захоплення… Держдрама зуміла дати цілком свій, дуже яскравий і сильний спектакль. Вільнер походив головним чином від побутового змісту п'єси, він намагався підкреслити своєрідну характерність середовища Менделя і Бені Крика, відтворити типові риси грубої і жорстокої дореволюційної Молдаванки… Масові сцени повні життя і руху… Все душить, пригнічує, повне звірячої оголеності почуттів. Цьому сприяє оформлення Шпінеля, без сумніву, талановите і виразне… Виконавський склад був на висоті чіткого і яскравого втілення бабелєвських персонажів. Тут доводиться особливо відмітити розумну, стриману гру Нятко, зворушливу щирість Мещерської».

Особливо вражала антирелігійною силою п'ята сцена в синагозі, про це говорить ремарка автора: «…прихожане оглушливо бесідують з богом, тиняються по синагозі… відпльовуються. Вжалені несподіваною бджолою благодаті вони вивергають громові вигуки… стихають, довго мурмотять собі під ніс і потім знов ревуть, як розбуджені воли». В цій картині перо Бабеля від сатири переходить до гротеску. Слова молитви перемішуються зі словами куплі й продажу, тут Беня з молитовником в руках домовляється про нальот, з синагоги він іде на розправу з батьком.

Зовсім інакше звучить трагічна шоста сцена. В ній автор, з властивим йому вмінням заглянути на саме дно людської душі, вивернути її, показує звірячу хватку синів Менделя – Бені і Льовки, які по-бандитському розправляються з батьком. І нарешті восьма сцена – весілля. Про неї «Вечірні вісті» писали: «…Мабуть у дійсності ці бабелєвські герої були саме такими, якими їх задумав Вільнер, і так танцювали на весіллі «болгарочку», шаленів, обливаючись потом, темпераментний диригент і перегукувались зі своїх балкончиків та віконечок базарні торговки… Найкраще у виставі – дуже реалістична, і, разом з тим, тактовно виконана сцена побачення Менделя і Марусі, у якій і постановник, і актори уміло тримаються на грані дозволеного… Нарешті весілля, коли чудесними «масовками», вдалими мізансценами, яскравою динамікою режисер викликає аплодисменти у глядача… Дуже гарна молодь, всі виконавці численних ролів (в тому числі і безсловесних), вся ця живуча і схвильована люд-

ська маса, яка надає динамічності цікавому, відмінно злагодженому спектаклю» (3.12.1927).

Вистава Держдрами дістала визнання, і глядач на неї валом повалив. Знаменно те, що на цю виставу, крім звичайного, постійного глядача, з'явився зовсім новий, досі не бачений в театрі. Виконуючи роль Марусі, я була зайнята лише в четвертій картині і мала змогу спостерігати його приїзд і від'їзд.

Перед початком вистави до освітленого під'їзду театру, як завжди, вливався широкий потік дзвінкої одеської публіки, здебільшого молоді. А на дрожках під'їздили старі пари з Молдаванки: він, бородатий, у довгополому сюртуку, суконному кашкеті, сходив з екіпажу, подавав руку дружині у довгому, іноді оксамитовому зі шлейфом, платті, з пелериною на плечах, у кружевній косинці, яка спускалася за вухами з парика, і, взявши її під руку, чинно вів до входу. З кам'яним виразом обличчя вони вклонялись білетерам, що садовили їх у перших рядах партеру. Молоді пари хвацько підкочували на фаетонах-дутиках. Він у тирольці або котьолку, у піджаку в кліточку чи полоску, що щільно облягав фігуру, у яскравій жилетці, обов'язково з бабочкою на комірці, у лайкових туфлях з довгими вузькими носками, у рукавичках, вів свою пишну повногруду даму у строкатому короткому платті, теж у рукавичках і лакових туфлях. Ця публіка ніби конкурувала своїми типажами й костюмами з персонажами на сцені.

Візники дожидали своїх пасажирів до кінця вистави. В останній дії вони, підібравши поли своїх довгих армяків, совали білетерам п'ятаки і тихенько пробирались на балкон подивитися улюблений танок «сім-сорок». Щиро аплодуючи, вони допомагали викликати Беню, і артист Маяк до повної знемоги, іноді п'ять-шість разів виходив на біс. Коли ж завіса закривалась остаточно, візники, поки їх пасажири повільно вибирались з партеру, встигали, топочучи чобітьми, гуртом скотитися з балкону і вилізти на козли своїх екіпажів.

Міщанство Молдаванки дивилося виставу мовчки, похмуро, суворо. Воно не сміялося, воно з сумом спостерігало приречених в «Закаті», який був заходом і їх власного життя.

„ЗАКАТ"
В ДЕРЖДРАМЕ
1. Мендель—Шумский
2. Кантор—Чернов и Лисовский — Арье-Лейб. 3. Маруся — Нятко и Мендель — Шумский. 4. Двойра —Хуторна и Боярский — Замичковский.
5. Левка — Гарник.
6. Сцена свадьбы.
7. Раппин — Красноярский и Беня—Макк
2
4
5

Отталкиваясь от быта, от конкретности подлинно дореволюционной Молдаванки, строит спектакль постановщик Вильнер. Держдраме нужно было найти иную, чем в русском театре, исходную точку для воплощения пьесы Бабеля. И Вильнер показал нам «Закат» в бытовом разрезе, хорошо подмечая детали и приметы старого мещанского быта, вывел бабелевских героев такими, какими они могли быть в действительной жизни. Отсюда: там, где быт—там удача, и где постановка изменяет себе—там теряет она свою художественную убедительность.

И потому лучшее в спектакле: свидание Менделя с Марусей, молдаванский трактир-погреб и, особенно, свадьба. Здесь много настоящей динамики и художественной правды.

И потому же слабее те сцены, где условные штрихи отходят от общего замысла постановки: спальня стариков Криков, мрачная первая картина, сцена драки....

Само по себе интересное оформление Шпинеля идет вразрез с мыслью постановщика, символизируя не живые фигуры бабелевских героев, а их условные театральные «маски».

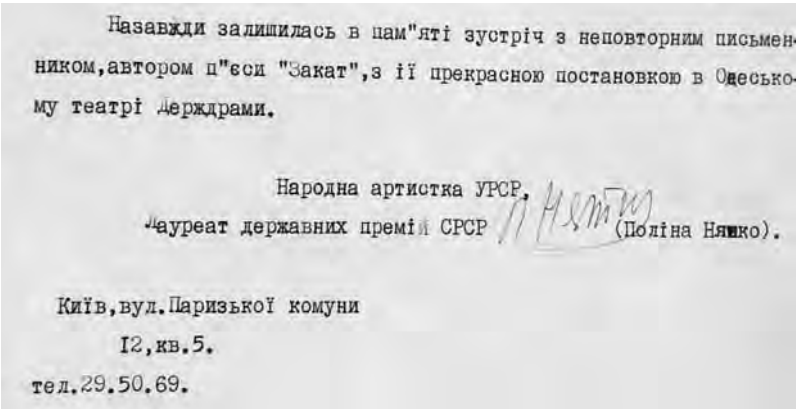
Казалось, что герои Бабеля останутся чуждыми для актеров держдрамы. Но этого не случилось. И то, что большинство исполнителей отлично справилось со своей задачей—не лучшее-ли доказательство талантливости труппы нашего украинского театра?!

И раньше всего—Шумский и Нятко. Шумский—Мендель. За исключением недостаточно яркого перелома между Менделем первых и последних картин (чему виной то, что сразу не «горячим» и крепким, а согнут. и надлом. показывает Шумский старика Менделя), — это одна из наиболее удачных ролей артиста. Из маленькой роли сумела Нятко создать необычайно впечатляющий образ дочери птичьей торговки, молодой любовницы старого Крика.

Совсем не дается роль Бени Маяку. Бледными получились Никифор у Добровольского, Двойра у Хуторной и Боярский у Замичковского.

И хороши Мациевская (птичья торговка), Лисовский (Арья—Лейб, Гарник (Левка), Красноярский (раввин) и, особенно, Мещерская (Нехама), как и многочисленные исполнители второстепенных ролей—талантливая молодежь держдрамы.

М. Б.



Назавжди залишилась в пам"яті зустріч з неповторним письменником,автором п"єси "Закат",з її прекрасною постановкою в Одеському театрі Держдрами.

Народна артистка УРСР,
Лауреат державних премій СРСР (Поліна Нятко).

Київ,вул.Паризької комуни
12,кв.5.
тел.29.50.69.

Але в глядному залі превалювала Одеса молода, комсомольська, робітнича, вона голосно реагувала, сміялась, повторювала влучні бабелєвські вислови… Це був її схід, це вона виховала те покоління, яке принесло Одесі славу міста-героя.

Назавжди залишилась в пам’яті зустріч з неповторним письменником, автором п’єси «Закат», з її прекрасною постановкою в Одеському театрі Держдрами.

Путешествие

336 Ксения Петрищенко
Трехдневное путешествие
по истокам истории баухауса

Ксения Петрищенко

Трехдневное путешествие по истокам истории баухауса

100 лет назад, переосмыслив будущее, баухаус стал эпохальным событием, полностью изменив наше мировоззрение. Он предсказал, как люди будут жить в последующем столетии и в чем они будут нуждаться, – став основополагающим в модернизме. Геометрический ландшафт из бетона, стали и стекла, с плоскими крышами, родившийся в эпоху баухаус, доминирует сегодня в большинстве городов нашей планеты. Баухаус выработал абсолютно новый язык архитектуры и искусства. Его революционное, инновационное, свободомыслящее, целостное, эстетическое и радикальное влияние стало неотъемлемой частью нашего современного мира. Сегодня идеи баухаус более актуальны, чем в далеком 1919 году, когда он был основан. Превратив наш интерьер в упрощенные инструменты, следуя девизу «прохладная элегантность вместо игривого искусства», он до сих пор приводит нашу повседневную жизнь в форму.

Баухаус, написание которого должно было быть лаконичным и с маленькой буквы, просуществовал недолго, всего 14 лет, но разработанные методы в этой крупнейшей школе архитектуры и дизайна, которые используются по сей день, имели мощнейший эффект и фантастический успех, сделав баухаус самым влиятельным явлением в дизайне и архитектуре XX века. Отказ от использования заглавных букв был инициирован Гербертом Байером в 1925 году из соображений экономии времени. Следуя цели взаимоотношения с жизнью на эстетическом уровне, баухаус в корне изменил представления об урбанистике, дизайне, архитектуре и искусстве. В баухаусе были сосредоточены многие идеи авангарда XX века, с помощью которых необходимо

было найти новую форму выражения, кардинально отличающуюся от исторически сложившихся стилей в искусстве. В мире на тот момент не существовало школы, которая так универсально и стремительно осуществляла бы инновационные идеи. Время зарождения баухауса характеризуется индустриализацией и идеями прогресса, которые внедрялись во все сферы общества. Революционный дух манифеста баухауса соответствовал духу того времени, ознаменованного окончанием революции в России и провозглашением Веймарской республики в Германии. Целью баухауса было не создание нового стиля, а что-то гораздо более фундаментальное, новый способ мышления и реакция на мир, который выходил из-под контроля.

В 2019 году Высшей школе строительства и художественного конструирования баухаус исполняется 100 лет. Весь мир, и в особенности Германия, отмечает столетие легендарной школы баухаус, которая считается национальным достоянием Германии и ее самым эффективным предметом экспорта в сфере культуры XX века. В этом году в Германии проходят многочисленные юбилейные выставки и открытие новых музеев в городах, в которых когда-то находилась художественная школа: в Веймаре, Дессау и Берлине.

Для того чтобы прочувствовать этот либеральный и экспериментальный дух и отметить столетний юбилей, я решила посетить юбилейные мероприятия и совершить своего рода паломничество, путешествие во времени по истории баухауса, вернувшись к истокам этого революционного события в мире творчества. Мое захватывающее трехдневное путешествие началось в небольшом городе Веймаре, в самом сердце Германии, где 100 лет назад создавался облик XX века в момент политического и экономического хаоса. Веймар не только всемирно известен как центр просвещения и город знаменитых поэтов и мыслителей. В нем жили и творили такие выдающиеся личности, как Иоганн Вольфганг фон Гете, Себастьян Бах, Лукас Кранах Старший, Лукас Кранах Младший, Фридрих Вильгельм Ницше, Фридрих Шиллер, Артур Шопенгауэр, Вильгельм Рихард Вагнер и многие другие их знаменитые современники. Именно здесь на рубеже XVIII и XIX веков были написаны такие шедевры, как «Фауст» Гете и «Мария

Стюарт» Шиллера, а также многие другие их произведения. Здесь все еще можно почувствовать дух немецкой классической музыки. Веймар также является городом, который дал свое название первой парламентской республике на немецкой земле, пришедшей на смену рухнувшей Германской империи.

Но у этого разностороннего города есть и другая сторона. Где когда-то Гете прогуливался с Шиллером, примерно 150 лет спустя время веймарской классики сменилось ужасом Третьего рейха. Веймар и Бухенвальд – двойственный центр немецкой истории. В этом культурном центре страны нацисты наслаждались творениями классиков, в то время как концлагерь был погружен в смерть и ужас. Ворота концлагеря Бухенвальда были спроектированы заключенным Францем Эрлихом, бывшим студентом баухауса. Впоследствии многочисленные ученики баухауса погибли в Холокосте. Кому-то повезло, и они смогли бежать в разные уголки мира, например в Тель-Авив, где в 1930-е годы выходцы из баухауса активно и стремительно строили новый город, взяв за основу принципы функционализма и подарив городу неповторимую авангардную архитектуру в традиции баухаус.

Но об этом позже, а сейчас вернемся к истоку и к моменту, когда утопия становилась реальностью. Моим первым объектом паломничества стал Хаус-ам-Хорн в Веймаре. Мне повезло, что я смогла попасть внутрь здания, поскольку оно было открыто для публики после долгой реконструкции совсем недавно, в мае этого года.

16 августа 2019, Хаус-ам-Хорн, Веймар

Город усыпан зеленью, и в нем царит спокойствие, люди медленно куда-то идут, никуда не спеша. В деревьях нежно шумит ветер, и солнышко ласкает их листья. По дороге к Хаус-ам-Хорн тропинка через уютный парк у реки Илм приведет вас в дом Гете или Листа, перед тем как стадо овец дружно обратит на себя внимание. И вдруг открывается вид на дом, от которого захватывает дыхание. Он излучает особенное благородство, самоуверенность и элегантность, так что на его фасад хочется смотреть часами.

Совершив путь от классики к модернизму, глаза отдыхают после изобилия зданий эпохи Возрождения, барокко и неоготики. Овладевает чувство гармонии. Этот контраст дал мне хорошую возможность восприятия архитектурного новшества того времени. Все гладко и ровно. Когда обойдешь здание кругом, сразу становится заметно, что оно лишено любого декора и подчинено лишь функции. Дом построен из бетона, совершенно инновационного для того времени материала, который хорошо изолировал тепло и холод, в зависимости от наружной температуры. Поразило исполнение окон и их щедрый размер, без маленьких перекладин. Материал рам, оконные и дверные ручки – эстетически усовершенствованные детали.

Хаус-ам-Хорн – авторский проект Георга Мухе и Адольфа Мейера – стал первым примером воплощения нового образа жизни на площади 120 квадратных метров. Хаус-ам-Хорн, образцовый современный жилой дом на одну семью, был возведен в Веймаре в 1923 году как прототип идеального дома новой эпохи для первой в истории выставки баухаус. Выставка стала также уникальной возможностью школы заявить о себе широкой аудитории.

В 2019 году по случаю столетнего юбилея баухауса его не только отреставрировали, но и воссоздали аутентичный интерьер. Хаус-ам-Хорн – наиболее полное воплощение идей баухауса, уцелевшее до наших дней. В создании дизайна для этого дома-прототипа были задействованы преподаватели и ученики школы баухаус. Они разработали цветовую концепцию для разных комнат и создали мебель, лампы, керамические изделия, дверные ручки, выключатели и розетки, водопроводные краны, ткани и ковры. Среди участников проекта были Гунта Штельцль, Марсель Бройер, Ласло Мохой-Надь и десяток других преподавателей и учеников.

Власти Тюрингии, которые финансово поддерживали создание школы баухаус, через несколько лет после ее основания захотели увидеть первые результаты работы этого нового учебного заведения. Хаус-ам-Хорн был построен, оснащен и полностью обставлен всего за четыре месяца. Небольшой дом на окраине города был прелюдией к новой архитектуре новой эпохи. Рядом с ним должны были появиться другие такие же постройки, однако этот

более масштабный проект не было суждено осуществить из-за переезда школы в город Дессау. Случилось это по политическим причинам после прихода к власти в Тюрингии национально-консервативных сил и сокращения государственного финансирования.

Хаус-ам-Хорн много раз менял владельцев в течение столетия, стремительно трансформируя свою визуальность и свой дух. В рамках реставрационного проекта в Веймаре зданию вернули первоначальный внешний облик и попытались максимально воссоздать аутентичную обстановку. Хаус-ам-Хорн входит в число объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

16 августа 2019, Баухаус-музей в Веймаре

Почти день в день ровно через 100 лет после основания Веймарского баухауса новый музей баухаус, планировавшийся с 1995 года, был пунктуально и торжественно передан публике 5 апреля 2019. Из 14 лет своей истории баухаус 6 лет просуществовал в Веймаре. Для первого учебного заведения баухаус было использовано здание, построенное в 1860 году, которое стилистически не соответствовало принципам баухауса. Особенно к столетнему юбилею город нуждался в новом здании, целостно отображающем идеи баухауса. 100 лет назад архитекторы разработали все те элементы, без которых мы не можем представить себе сегодня ни одного современного здания, и новый музей был также построен в духе и согласно этим традициям. Следовательно, перед архитектором возникла непростая задача. Хайке Ханада отошла от стандарта стерильного белого вакуума и придала фасаду здания эстетику бункера. Внутри здание раскрывается на пяти этажах со сложной пространственной структурой, которая охватывает все его уровни. Его стены белые, потолки состоят из необработанных железобетонных ребер, рамы дверей и окон выполнены из серой стали. Темный интерьер расположен под жестким темно-серым ребристым потолком. Здание музея вряд ли может быть более функциональным, суровым, аскетичным. Пространство наполнено воздухом и светом, узкая крутая лест-

ница, которая ведет вниз к первому этажу, словно сквозь шахту, создает немного клаустрофобическое ощущение пространства, но поражает иллюзией глубины. На потолке просторного, высокого и светлого фойе расположена инсталляция берлинского художника аргентинского происхождения Томаса Сарацено. Инсталляция «Солнечные часы для пространственного эха» состоит из сетчатых паутинообразных элементов из зеркального стекла. Сарацено создал этот объект, взяв за основу взаимоотношение между искусством и наукой, природой и культурой. С помощью биологии и инженерии он поэтически отображает виденье жизни ископаемых после окаменелости, а также неисчерпаемую фантазию динамики природы. В этой работе Сарацено также подчеркивает, что люди стали одним из наиболее важных факторов, влияющих на экосистему. Если вы выйдете из музея вечером, вы сможете увидеть, как здание трансформируется в световой объект, когда зажигается подсветка по его периметру.

За период его недолгого существования новое здание музея уже подверглось массированной критике немецкой прессы. Заголовки немецких статей называют его бездушным бетонным блоком, тяжелым кубом, мавзолеем современности, сравнивают его с архитектурой Третьего рейха и задаются вопросом, действительно ли душа баухауса находится в этом «бревне». «Серый, тяжелый, неуклюжий, как бомбоубежище, блок поднимается на окраине Шванзее-парка, как будто он должен защищать золотой запас Тюрингии», – пишет газета «Ди Вельт».

Так комментирует новый музей успешный архитектор из Вены Грегор Мерт: «Попытка смягчить доминантность кубуса средством одновременно четкого и мягкого горизонтального расчленения бетонного фасада в общем не удалась. Высота здания и мощный в два этажа портал главного входа противоречат характерному для баухауса и его последователей ценному принципу архитектуры, в основу которого положены важные человеческие критерии, отражающие социальные идеи баухауса. С акцентом, но без четкого порядка расположенные отверстия разных размеров привлекают внимание к кубусу и напоминают о современном характере архитектурного замысла, но по-настоящему захватывают внимание посетителей в основном внутри здания».

С целью показать силу и влияние ранней фазы баухауса в Веймаре юбилейная выставка «баухаус родом из Веймара» представляет около 1000 артефактов баухауса. Обширная коллекция объединяет работы на бумаге, текстиле, керамике и фарфоре, подчеркивая принципы легендарной школы:

– объединение ремесленничества, живописи, скульптуры и архитектуры воедино и создание «гезамткунстверк» – универсального произведения искусства;

– простой и функциональный дизайн, который можно тиражировать;

– доступное жилье для общества и удовлетворение массовых потребностей;

– повышение качества промышленной продукции, которая должна быть красивой, доступной по цене и максимально удобной.

Основополагающим принципом движения баухаус был «функция определяет форму».

На выставке также представлена коллекция из 168 предметов, сделанных в мастерских баухаус, которые Гропиус пожертвовал городу в 1925 году перед переездом в Дессау, включая культовую колыбель баухаус Петера Келера, заварочный чайник Марианны Брандт, картины Пауля Клее и Лионеля Фейнингера, шахматы Йозефа Хартвига, мебель Марселя Бройера и Миса ван дер Роэ, и многое другое.

Живопись является важной частью экспозиции. Представлены шедевры Кандинского, Клее, Шлеммера, Фейнингера, Мохой-Надя, Иттена. Лампа Вагенфельда – авангардная икона баухауса и современного дизайна – проминентно предстает перед публикой. В центре экспериментальной комнаты музея представлена колыбель Питера Келера 1922 года, символ веймарского баухауса, один из самых ярких экспонатов музея. Хотелось бы подчеркнуть достижения Оскара Шлеммера, творчество которого обширно представлено на выставке. По случаю выставки баухауса в Веймаре в 1923 году Шлеммер внес универсальный вклад в области дизайна стен, живописи, скульптуры, гравюры, рекламы и сцены. С 1923 по 1929 год он был руководителем сценической мастерской в баухаус-Веймар

и в баухаус-Дессау и преподавал рисование. Театральная мастерская – беспрецедентное явление для архитектурной школы. На первой и самой важной выставке баухауса в 1923 году художник Оскар Шлеммер представил свой «Триадический балет» – комбинацию танца, скульптурных костюмов, пантомимы и музыки. Его постановка вошла в историю театра, а придуманные им костюмы и маски по праву считаются неотъемлемой частью баухауса.

Веймарский музей баухауса был открыт первым из запланированных новых музеев баухауса в Германии. Открытие нового музея баухауса в Дессау назначено на конец 2019 года. Архив в Берлине – здание в районе Тиргартена, спроектированное основателем баухауса Вальтером Гропиусом, был закрыт на ремонт в апреле этого года. Его открытие запланировано на 2023, включая расширение в виде нового музейного здания. На данном этапе веймарский музей составляет конкуренцию Дессау и Берлину. Я была удивлена тому, что в период столетнего юбилея такое важное здание, как баухаус-архив, в котором находится крупнейшая в мире коллекция школы, был полностью закрыт для общественности, а новый музей в Дессау будет открыт только к концу года. Следовательно, в моем путешествии, к сожалению, мне не удалось посетить эти две наиважнейшие институции, документирующие историю баухауса, но я надеюсь, что мне еще представиться такая возможность.

17 августа 2019, Музей Грасси, Лейпциг

По дороге в Дессау я остановилась в Лейпциге, чтобы посетить Музей Грасси, поскольку на главной лестнице музея находится уникальное произведение искусства, 18 высоких окон, спроектированных Йозефом Альберсом в 1926 году. Абстрактный образ этой строгой геометрической композиции полностью раскрывается только в движении. Музей прикладного искусства Грасси – один из ведущих европейских музеев прикладного искусства, в котором проходят выставки международного уровня. Здесь история встречается с современностью. Юбилейная выставка

Йозеф Альберс. Окна музея Грасси. Фрагмент. 1926 год, Лейпциг. Фото Ксении Петрищенко

демонстрирует классику дизайна, а также ранее неизвестные сокровища баухауса.

Кресло, созданное Людвигом Мисом ван дер Роэ для немецкого павильона на Всемирной выставке 1929 г. в Барселоне, является одной из жемчужин коллекции музея.

Современные художники Юдит Раум и Катарина Ебсен реконструируют материалы баухаус в своих инсталляциях и предоставляют посетителю возможность познать их заново. Феликс Бильмейер презентует фотографическую экскурсию по дому Рабе в Цвенкау, который был вдохновлен Оскаром Шлеммером. Лутц Кеннекке работает с ранней керамикой баухаус. Художник Оскар Ринк продолжает образ пространства деятелей баухауса. Йоахим Бром следует архитектурной реализации эскиза Мис ван дер Роэ. А мебельные объекты Алексея Мешчанова отображают идеи прекрасной мягкой мебели.

Педагогическая концепция Вальтера Гропиуса

Вальтер Гропиус, 1919 год
Фотограф – Луис Хельд

Баухаус был идеей Вальтера Гропиуса, который хотел изменить мир школой искусства и ее педагогической концепцией. В середине Первой мировой войны, когда Вальтер Гропиус служил на западном фронте, он уже намечал планы на будущее. 33-летний архитектор и дизайнер был очарован дискуссиями о реформировании среды обитания, гуманной жизни и той роли, которую должны играть архитектура, изобразительное искусство и ремесло. Тогда никто не верил, что идеи Гропиуса можно реализовать, но они стали реальностью. Обосновав баухаус, Вальтер Гропиус заложил фундамент новаторского изменения общества.

К счастью, идеи Гропиуса поддерживали общественные фонды и власти Тюрингии. После основания школы в 1919 году Гропиус был директором целых девять лет – сначала в Веймаре до 1926 года, и после этого в Дессау. Таким образом, он внес больший вклад в школу, чем Ханнес Мейер (два года руководства) и Людвиг Мис ван дер Роэ (три года руководства). За годы своего существования школа сменила трех директоров и три города.

Педагогическая концепция Вальтера Гропиуса и структура академического образования были очень влиятельными. Главное новшество баухауса состояло в том, что навыкам профессии учили мастера-ремесленники, в то время как эстетическое вдохновение исходило от художников. Располагая нужными связями и обладая тонким чутьем, Гропиус сумел привлечь для своей образовательной программы таких известных художников, как

Пауль Клее, Йоханнес Иттен, Лионель Фейнингер, Василий Кандинский, Ласло Мохой-Надь и Оскар Шлеммер. А для художников баухаус стал платформой посредничества для собственных авангардных позиций. Для Гропиуса конечной целью баухауса была архитектура, но художники привнесли новую конструктивную мысль в эту концепцию.

С Кандинским и Мохой-Надем конструктивный функционализм проник в баухаус и проложил путь к промышленному дизайну последующих лет. Также целью было уничтожение границы между живописью, скульптурой и архитектурой. Стерев границы между художником и ремесленником, Гропиус хотел создать творца нового образца.

Объединение для выполнения поставленных задач архитектуры, ремесла, прикладного искусства, художественных, инженерно-технических и прочих дисциплин стало фундаментом педагогической и творческой концепции Гропиуса.

Баухаус был первой школой, в которой акцент ставился на индивидуальности учащегося, на его эмоциях, чувствах и интеллекте. Вместо того чтобы предварительно изучать историю искусства, как это было принято в других учреждениях, студенты сразу брались за формы и материалы. Этот процесс занимал около полугода, для того чтобы студенты могли разобраться в своей индивидуальности. Гропиус хотел более тесно связать механику и художественную индивидуальность. В мастерских баухауса студент мог научиться одновременно изобразительному искусству и ремеслу. Студенты обретали навыки, не делая чертежей на бумаге, а создавая своими руками объекты дизайна, витражи, мебель, переплеты книг, металлические и стеклянные принадлежности, керамику и ткань. Школа занималась разработкой моделей для серийного производства и сотрудничала с промышленностью. Результатом вовлечения художников в производственные процессы становилось появление красивой и экономичной продукции. В области интерьеров все большее значение приобретали стандартизация и типизация, отвечая интересам общества.

Но более важную задачу увидел Гропиус в работе мастерских. Согласно его кредо «Конечной целью всей художественной дея-

тельности является строительство», мастерские должны были отталкиваться от оборудования зданий. Гропиус понимал строительство как эффективный дизайн жизненных процессов: «Мы хотим вместе придумывать и создавать новое здание будущего, где все сольется в едином образе: архитектура, скульптура, живопись, – здание, которое, подобно храмам, возносившимся в небо руками ремесленников, станет кристальным символом новой грядущей веры».

18 августа 2019, баухаус дома мастеров, Дессау

В отличие от Веймара, где мало следов баухауса, в Дессау мне представилась возможность увидеть несколько наглядных примеров в виде экспериментальных зданий, а также на заказ реализованных объектов, вплоть до полноценных районов. Недалеко от главного здания баухауса находятся виллы, так называемые дома мастеров, построенные для преподавателей школы. С переездом из Веймара в Дессау в 1925 году Гропиус получил возможность продемонстрировать свои идеи в строительстве школы баухауса и домов мастеров. В пространственных последовательностях, составленных из кубусов, все важные функциональные единицы были объединены в простой эстетике, гармоничных цветах и элементах формы. Все это должно было способствовать качеству жизни. Дома мастеров были задуманы как модельные. Мастера регулярно приглашали гостей и организовывали экскурсии, чтобы продемонстрировать эффективность повседневной жизни в духе баухаус.

Во время Второй мировой войны район домов мастеров очень сильно пострадал. К столетнему юбилею дома директора Гропиуса и преподавателя Ласло Мохой-Надя были восстановлены берлинским архитектурным бюро Бруно Фиоретти Маркеса не в изначальном виде, а в абстрактной новой интерпретации. Заново построенные и отремонтированные дома мастеров демонстрируют, как может выглядеть работа с архитектурным прошлым, не отрицающая настоящего. Дом основателя баухауса Вальтера Гропиуса гениален по своей утонченности и грации.

Дом директора Вальтера Гропиуса, Дессау. Фото Ксении Петрищенко

Поразила эстетика молочных оконных стекол и гладкая, почти бархатная поверхность бетона. Кубусы с острыми, как бритва, краями и матовыми отверстиями немного напоминают компоненты компьютерной игры «тетрис». Избавившись от некоторых первоначально предусмотренных потолков и стен, архитекторы создали совершенно новое пространство.

Группа домов мастеров является выдающимся художественным достижением баухауса: используя одинаковые элементы, они документируют стремление к типизации зданий.

Как раз к юбилею баухауса мастерские дома Кандинского, Клее тоже сияют в новом великолепии. Они были восстановлены по исторической модели. Особое внимание было уделено цветовой гамме. Они стоят снова: элегантные здания с плоской крышей в светлом сосновом бору, дома белого модерна, в которых когда-то жили самые важные представители баухауса. Обсуждалось проведение выставок в домах мастеров, но после завершения ремонта дома стали сами по себе экспонатами. Пустые комнаты с цветными стенами демонстрируются общественности в версии 1933 года, какими они были, когда преподаватели баухауса должны были их покинуть.

Дом преподавателя Ласло Мохой-Надя, Дессау. Фото Ксении Петрищенко

Совершенно уникальный опыт – прогуливаться по району, где когда-то бок о бок жили и работали лучшие и самые знаменитые художники авангарда. Для меня это было особенным событием – заходить в их дома не как в музей, а как будто в гости, с легким чувством застенчивости, в предвкушении встречи с легендарными творцами.

18 августа 2019, здание школы баухаус, Дессау

Главное здание баухаус 1926 года со знаменитым стеклянным фасадом – абсолютный шедевр архитектурного функционализма, расположено примерно в пяти минутах ходьбы от района домов мастеров. «Материнский дом современности» является частью Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Под давлением консервативных, все более правых сил баухаус в Веймаре был лишен государственных субсидий. Либеральному мэру Дессау Фрицу Гессе удалось привести находящийся под угрозой баухаус в этот растущий промышленный город, теперь с муниципальной поддержкой. Он ожидал от Гропиуса ускоренной

Дом Вальтера Гропиуса, Дессау. Фото Ксении Петрищенко

разработки усовершенствованного жилищного строительства, которое успешно было реализовано районом баухаус в Дессау-Тертен под лозунгом «человеческие потребности вместо роскоши». Занимаясь решением градостроительных и социальных проблем, Гропиус проектирует это крупнейшее поселение баухаус в Германии с более чем 300 домами, включая небольшие земельные участки. Это место рекомендуется посетить. Дом Антон – один из немногих, который в значительной степени сохранился в своем первоначальном состоянии. Стоит также посетить экспериментальный стальной дом Георга Мухе и Ричарда Паулика. Еще одним отличным примером новой лаконичной архитектуры в Дессау является Корнхаус. Архитектор Карл Фигер создал ансамбль из двух искусно соединенных пространств: застекленной ротонды и удлиненного куба. Корнхаус идеально расположен на живописном берегу Эльбы. Сегодня внутри здания ресторан.

Фасад главного здания школы баухаус, Дессау. Фото Ксении Петрищенко

Уникален он тем, что это единственное здание баухаус на водной территории.

Новое здание школы баухаус в Дессау, в котором для каждого пространства была предусмотрена функция, имело дидактическое предназначение. Намерение состояло в открытии взаимодействия форм и цветов, пропорций, материалов и поверхностей. Баухаус был школой изобретений, экспериментальной платформой для оформления и оазисом для развития индивидуальности. Здание было спроектировано основателем баухауса Вальтером Гропиусом по заказу города Дессау. Оформление здания – это дальнейшее развитие идей, которые Вальтер Гропиус имел еще до Первой мировой войны, когда строил фабрики Фагус в Альфельде. В обоих зданиях присутствует стеклянный фасад, подвешенный перед несущим каркасом, он открывает вид на внутреннюю отделку. Флигели здания расположены асимметрично, поэтому центральный вид отсутствует, и зафиксировать целую форму комплекса возможно только при обходе всей конструкции.

Особым наслаждением для меня было лежать на зеленом лугу перед общежитием здания школы и смотреть снизу вверх на балкончики, где когда-то студенты радостно проводили время, вели интересные беседы и играли на музыкальных инструментах. В 1926 году это здание стало сенсацией. Впервые студенты на месте своего обучения могли не только учиться и работать, но и жить в специально спроектированном здании, интегрированном в комплекс школы. Сегодня в тех комнатах, в которых когда-то жили легендарные ученики, посетители могут за доступную цену остановиться на ночь.

Функционализм

Функциональность, целесообразность и использование технологических материалов являлись основными требованиями, которые были предъявлены студентам баухаус. В основе нового понимания форм – выражение духа времени, который определяло развитие науки, техники, машин и скорости. Между архитектурой, изобразительным и прикладным искусствами, подпитывающими друг друга, в это время стираются четкие границы.

Баухаус в Дессау оставил богатейшее наследие. Ученица, а затем и профессор школы баухаус Марианна Брандт прославилась мастерством работы по металлу и талантливым исполнением объектов, которые вскоре стали производиться серийно, и до сих пор имеют колоссальный успех. Как говорил Курт Швиттерс в 1927 году: «Зачем четыре ножки, если можно обойтись двумя?». В 1926 году архитектор Март Штам предложил первый стул без задних ножек. Впоследствии Людвиг Мис ван дер Рое придумал самобалансирующийся стул. За счет используемой в конструкции стальной трубки стул обладает характерной подвижностью. Марсель Бройер также использовал в мебели усовершенствованную и более эластичную стальную трубку. Именно он наладил сотрудничество с фирмой «Тонет», которая до сих пор производит мебель эпохи баухаус, и внес огромный вклад в промышленное производство баухауса. Его легендарный стул «Василий» и набор столиков «Б 9» стали иконами ди-

зайна и первыми предметами мебели, сделанными с использованием трубчатой стали.

Белый город Тель-Авив

Школа баухаус была закрыта в 1933 году нацистским правительством Германии. Но идеи баухауса продолжали распространяться по миру и получали дальнейшее развитие. Тель-Авив часто называют «Белым городом». Это название он получил благодаря большому числу светлых домов, которые были построены в период с 1920 по 1950 годы. В 1930-е годы, когда прибыло около четверти миллиона евреев, бежавших от нацизма в Германии, город начал стремительно расти, новые люди нуждались в новом жилье. Город был совершенно новый и на тот момент лишен индивидуальности. Тель-Авив стал чрезвычайно плодотворным местом для воплощения мечты последователей баухауса. Здесь наиболее целостно сохранились кварталы, построенные в стиле баухаус, – около четырех тысяч зданий. Белоснежные фасады, плавные простые линии, эргономичные строительные материалы и функциональные пространства – все это привезли с собой архитекторы баухаус. В 2003 году ЮНЕСКО провозгласило Тель-Авив всемирным культурным наследием за «выдающийся пример нового градостроительства и архитектуры начала XX века».

Отражение баухауса в наше время

Вальтер Гропиус мог бы очень гордиться, если бы знал, что его манифест 1919 года достиг своих универсальных стремлений. Гропиус хотел следующего для своей школы: «Цель баухаус – не стиль, не система, не догма или канон, не рецепт и не мода! Он будет жить, если не будет привязываться к форме, а будет за вечно изменчивой формой искать квинтэссенцию жизни!». Став генератором новых идей, баухаус до сегодняшнего дня продолжает влиять на улучшение общества через творческое выражение современных художников, дизайнеров и архитекторов.

То, что сегодня является для нас само собой разумеющимся, то, что сопровождает каждого из нас в повседневной жизни, сто лет назад потрясло сознание людей и было инновационным, экспериментальным и абсолютным новшеством. Утопический эксперимент стал реальностью и проявлялся не только в образовательной среде, но и в нашем повседневном сознании и образе жизни.

В настоящее время инициатор и меценат Хайнер Бройер из Мюльхайм-ан-дер-Рур создает инновационную платформу на одиннадцати тысячах квадратных метрах – «Артронаут. Спейс фор арт», для международных проектов, включающих в себя как всевозможные творческие отрасли, так и синтез всех жанров искусств. В рамках этого проекта будут предоставлены такие ресурсы, как мастерские, квартиры, фотомедиаателье, скульптурный парк и т. д., а также развитая инфраструктура для создания объектов искусства, новаторских и экспериментальных направлений. Так же, как и в баухаусе, основными принципами этого проекта являются экспериментальность и свободомыслие, развитие творческой индивидуальности и образование универсального пространства для жизни и творения.

Создатели баухауса утверждали, что человека нового времени должны окружать практичные бытовые предметы, а не бессмысленный декор, и они этого добились. Девизом баухауса было разрешение проблем будущего. Выпускники современных художественных и технических вузов продолжают эту традицию.

Да, баухаус как учебное учреждение просуществовал всего четырнадцать лет. Но этого было достаточно, чтобы полностью революционизировать творческое мышление. Таким образом, баухаус является отличным доказательством того, что инновационные и поначалу кажущиеся утопическими идеи могут определять стандарты на века. С днем рождения, баухаус!

Ах, Одесса

356 Григорий Яблонский
Всего? Целый год!

363 Владимир Ханелис
В тени «Великолепной семерки»

Григорий Яблонский

Всего? Целый год!

О беспривязной журналистике и не только

Одесса, ранняя весна 1963 года. Приехавший из района на попутном грузовике молодой человек старательно очищает в талом снегу у Привоза свои сапоги и добирается чуть дальше – на Куликово поле. Там у постамента былому вождю и здание обкома той еще партии. Но пришедшему туда не надо. Ему нужен вход в редакцию газеты «Комсомольська іскра» – а это с левого крыла. И там не требуют партбилет (которого нет). А затертый школьный комсомольский не просят показать даже в этой редакции на верхнем этаже. Но встречают с интересом…

А дело в том, что от молодого специалиста, приехавшего по назначению в здешний совхоз после окончания института в Харькове, редакция этой одесской региональной газеты (она такая на четыре области!) уже получала короткие рассказы по почте. И новые показывает. Читают, смеются: «Автора с юмором ценим и, конечно, будем ставить в наш «Козлотур». Но вот какое дело, друг: нам всегда очень нужны оперативные материалы, тем более из района, из села – от своего автора, специалиста! И какого, кстати? Да ну?! Пишущий ветврач – это ж вообще классно! Тогда прямо из стойла «Козлотура» – и в журналистику: очень нужны корреспонденции в номер, проблемные статьи. А своим пером можешь и очерк выдать… Ну ты даешь!.. Нет, не только про корову-рекордистку!..».

Попасть сразу в «Козлотур» было все же непросто – наверное, большая очередь в этом стойле… Значит, журналистика. Но настоящую тему для нее не выдумаешь. И вот после прививок сотен

голов своего молодняка крупного рогатого от ящура (а это в наших загонах было похоже на неравную корриду одного тореро в халате и со спецшприцем!) – когда выдался вроде бы спокойный денек – рядом ЧП!..

В соседнем передовом колхозе (из которого лучшие в области продукты доставляют прямо в обком партии!) на виду у всего большого села и правления – ну очень шумная гулянка! Наверное, свадьба… Она так пела и гуляла, что показалось места мало, «ей неба было мало и земли…». А всех не вместишь в «Жигули»! И с мечтой о ветерке – поехали кататься на грузовике. Со случайно вылетевшими из колхозного кузова. И из жизни!..

На конюшне запряг лошадку в свою спецдвуколку – приехал к соседям вовремя. И там по свежим следам узнал очень много, вначале, показалось, даже лишнего. И этот очерк (учитывая почерк) получился большим – и пошел в номер таким. Больше чем судебным – на суд всей области.

В день выхода газеты был на совещании специалистов в облтресте. Там газету еще не видели (потом понял – оно и лучше: у начальства высокого, районного, всякого – своих «пысателей» терпят только ради заметок, где они должны хвалить это начальство и больше никуда не совать нос!).

Успел и в редакцию!.. Молодые коллеги из всех комнат заглядывали в отдел писем, чтобы пожать руку. Запомнился Юра Михайлик, он произнес: «Подвиньтесь, поэзия и проза. Самый трудный жанр – хорошая газетная статья. Только очень хорошая!». Совершенно случайно на столе появилось и алиготе (признаюсь: сам принес). Если честно, был просто рад общению с ребятами, теперь уже и здесь, в редакции, – своими коллегами. И в этот момент возник сам Лис – так задушевно звали здесь своего редактора Игоря Лисаковского. И он ко мне: «Допивай и пошли!..».

В своем кабинетике усадил рядом: «Щас в твоей жизни будет акт большой значимости». Достает голубоватую книжечку с серебристой надписью «Комсомольська іскра» и, раскрыв ее, над званием внештатного корреспондента вписывает меня. Наклеивает фотку. Печать! И вроде совсем уже готовое

удостоверение в раскрытом состоянии – фоткой вверх – кладет на свой стул и сам усаживается сверху: «Это чтоб держалось хорошо!..».

...Лис, видно, пересидел полминуты на этом удостоверении – держалось оно, когда и очень одесской «Искры» с ее местным густопородистым «Козлотуром» не стало. Работал уже в областном центре с создателями новых животноводческих ферм и, гоняя по командировкам не только по области, стал «беспривязно» сотрудничать с другими, уже «взрослыми» редакциями – областными, киевскими и даже очень отдаленными (за тысячи км!). Как такое могло быть? Но внештатность – именно она давала такую свободу: самому выбирать темы статей и очерков, фельетонов и рассказов. И это устраивало умных и потому практичных редакторов настолько, что поощряли еще и заказами своего «беспривязного» спецкора.

И творческое одиночество уходило в прошлое. Но удивительно, что первые встречи с умеющими интересно писать друзьями начинались далеко за пределами Одессы – то в самой «Литературке» на ее 16-й полосе, то в сатирических, научно-популярных, тонких и даже толстых журналах. А еще в юморных передачах Украинского и Всесоюзного радио. И даже на ТВ – в «Кабачке 13 стульев»! Там же множество «панских» шуток и реприз были нашими миниатюрами и фразами...

Но рано или поздно четверо одесских «беспривязных» лит-друзей должны были встретиться по месту прописки: Данил Рудый, Александр Кедров, Саша Кулич и автор этих строк. Как внештатный корр. облгазеты «Знамя коммунизма» он привел друзей к своему шефу по жанру – легендарному боцману отдела фельетонов Карпу Полубакову. Одесситы со стажем помнят: в такой псевдонимбовой тельняшке невероятно результативно работал ветеран-танкист и талантливый фельетонист (а еще и киносценарист, создатель знаменитых на весь Союз одесских «капустников») Александр Петрович Шнайдер!..

О том, что было дальше, вы уже знаете из раздела «Ах, Одесса» на страницах «Дерибасовской – Ришельевской» № 78. Так началась история создания нашей сатирической газеты.

Но еще не виделась ее будущая редакция… А через четверть века после потери нашего любимого боцмана и лидера на выручку только что появившейся на свет «Ах, Одессе!..» пришел из «Юга» мудрый и потому ироничный Павел Шевцов. Нехорошими особами и фактами, явно фельетонными безобразиями стал заниматься уже оставшийся без своих «беспривязных» друзей автор этих строк. А многое замечательное показывал нашим «ах, читателям» своим особым веселым контрапунктом наш богатый всей одесской культурной традицией коллега Феликс Кохрихт.

И давайте наконец уточним: отчаянно смелая газета «Ах, Одесса!..» продержалась в то тяжелое время не «всего один год», а *целый 1991-й год*! И она такая не может быть забыта! Как не должны быть забыты и ушедшие не «по своему желанию» друзья.

Если вы еще не прочитали в 78-м номере альманаха, в разделе «Ах, Одесса» о Даниле Рудом и его сатире в военном мундире, – обязательно вернитесь! Она и сегодня бывает опасна своей высотой.

А теперь после своего старшего – навсегда – друга мне позволено показать и собственную роль в нашей давней «беспривязной» команде. Живой и юморной Саша Кулич сказал так: «Знаю, почему ты, Гриша, со своими героями возишься, как психолог и психотерапевт, – Чехова начитался». Но так оно и было: благодаря его 12 томам, полученным в ранней юности (по первой подписке 50-х годов!) уже незачем было поступать в литинститут или на филфаки. И если Учитель – еще Антошей Чехонте – московский медицинский кончал, то мне по семейной традиции полагалось харьковский ветеринарный.

Ну а то, что стало получаться, еще в начале 70-х заметил друг-сатирик и редактор молодого киевского журнала «Ранок» Андрей Крыжановский. Что он тогда сказал, то и опубликовал: «Чтобы лечить человечество от свинства, надо быть ветеринаром». В тогдашнем совке его отчаянно смелый журнал, конечно, закрыли, жизнь молодого редактора укоротили. Но осталась не только память, но и долг.

В собственной установке: «*Уходить не моги, пока есть твои долги!*».

На приеме

Психотерапия совка

Проза из цикла «Совок и метла»

– Следующий! – объявил доктор со своим спецмолотком. – Садитесь вот сюда, больной, левую ногу закиньте на правую, потом правую на левую. И не дергайтесь так, больной! Гм… Н-да!..

– Что я, ненормальный? – спросил больной Кобылко.

– Видите ли, пациент, – уклончиво ответил доктор, – утверждать этого никто не утверждает, но кое-какой курс нам с вами не мешает пройти. Так сказать, для профилактики.

– Что я, ненормальный? – повторил пациент Кобылко.

– Наш с вами курс, – успокоил доктор, – совершенно не травмирующий. Можно даже сказать, санаторно-курортный: кое-какие процедурки, душик Шарко и все такое прочее. После чего вы сразу же сможете вернуться в родную семью, которая вас с таким нетерпением ждет…

– Что я, ненормальный? – ответил курортник Кобылко.

– Но вот и сегодня, – продолжал доктор, – снова звонили: и ваша жена, и э-э… мать жены, две ваши милые дочери и три зятя… Да-да, у меня тут записано на полях вашей «истории»: именно три. Задних не пасли – почти всё, что надо, собрали и принесли. И взволнованно спрашивали: когда вас ждать в их тесном семейном кругу?

– Что я, ненормальный? – возразил семьянин Кобылко.

– Вы, дорогой мой, – забарабанил пальцами доктор, – опять сможете влиться в родной коллектив своего учреждения, где трудились на протяжении э-э… последних десятилетий, и где без вас, по уверениям вашего начальника, буквально не мыслят квартала прожить. Кстати, он очень заботливо интересовался: успеете ли вы закончить этот квартальный отчет в установленный срок?

– Что я, ненормальный? – дал понять бухгалтер Кобылко.

– Но почему же вы так!.. – странно замахал руками доктор. – Почему вы, потенциально необходимый член нашего общества, не хотите помочь нам вернуть вас туда же… к общей нормальной жизни?!

– Что я, ненормальный? – отреагировал член общества Кобылко.

– Пациент, что это вы себе позволяете? – передернуло доктора, и он вскочил со своего кресла: – Что вы без конца повторяете: «Что я, ненормальный?! Что я, ненормальный?!.»?

– А вы сядьте на мое место, – предложил пациент Кобылко.

– «Что я, ненормальный?!!» – закричал доктор, опрокидывая свой стол…

«Уже шестой, – подбил свой квартальный итог бухгалтер Кобылко. – Разве ж это невропатологи? И почем нам обходится такая бесплатная медицина?!»

Из книги «В карман за словом»

Следы развития человечества: от отпечатков лап до отпечатков пальцев.

Жалоба Удава: «Пресмыкаешься перед каждым кроликом!..»

Аттестация: «Ни зверь, ни ангел, ни рыба, ни мясо».

Паразит, паразитирующий на паразите, – паразит или не паразит?

Техническая характеристика: «Проходимец высокой проходимости».

Верх низости – это где?

Осторожно: дурак, вооруженный идеей!

Какое громадное количество масла расходуем на кукиши!

Из неопубликованных записок Одиссея: «Своя шкура таки дороже Золотого руна!».

Человек не стадное животное, поэтому самое бессмысленное стадо – человеческое.

Культя личности.

Гамлет среди волков: «Выть или не выть?».

Эпитафия: «Фигаро – там».

Владимир Ханелис

В тени «Великолепной семерки»

Об американских гангстерах-евреях – выходцах из Российской империи не писал только ленивый и неграмотный. О гангстерах-евреях Америки «российского разлива» не знает, не читал, не рассказывал только слепоглухонемой. Но в тени «великолепной семерки»: Меира Лански, Лепке Бухалтера, Багси Сигела, Голландца Шульца, Короля Соломона, Дылды Цвиллмана и Бу-Бу Хоффа – осталось немало колоритных личностей и биографий. Вот трое из них – одесситы.

Дональд Дак преступного мира

Его имя я впервые прочитал, когда лет двадцать назад начал собирать материалы для своей книги «Родились и учились в Одессе». Постепенно, по крупицам информации из Интернета и книг о преступниках США, я узнавал о Джейкобе Гуррахе Шапиро все больше и больше.

...Портрет: коротышка – рост 155 см, толстяк – вес 80 кг, уродливый – сплющенный нос, темные волосы, большие глаза, толстые губы, короткие пальцы-«сосиски»; громкий неприятный голос. Характер: угрюмый, сердитый, злобный. Журналисты называли Шапиро «Дональдом Даком преступного мира Нью-Йорка – вечно не в настроении».

Яков Шапиро родился в Одессе 5 мая 1899 года. Джейкобом он стал спустя двенадцать лет после рождения, когда его родители вместе с девятью детьми перебрались в США, в Нью-Йорк. Школу бросил. Читал и писал с ошибками. Да и разговаривал по-английски неважно.

Плохой английский стал причиной клички – Гуррах. Когда Джейк злился на кого-нибудь, то кричал: «Gurrah here!» вместо «Get out of here!» – «Убирайся, пошел вон отсюда!».

В восемнадцать лет он был хулиганом и мелким воришкой – его несколько раз арестовывала полиция, отправили в католический приют, откуда выгнали с характеристикой «неисправимый». Но еще раньше, подростком, Гуррах подружился (их дружба продолжалась тридцать лет) с будущим знаменитым гангстером Америки – Лепке Бухалтером – одним из самых жестоких в истории преступного мира США, главой империи рэкета и контрабанды.

(Буквально два слова о Лепке. Луис Бухалтер родился в 1897 году в Нижнем Ист-сайде Нью-Йорка в еврейской семье выходцев из Вильно. В семье было одиннадцать детей. Один из братьев стал раввином, другой зубным врачом, третий фармацевтом, сестра преподавала в школе. Мама ласково называла маленького Луиса «Лепкале». Отсюда и прозвище Лепке.)

По легенде, мальчики столкнулись, когда пытались ограбить ту же самую ручную тележку мелкого торговца в Нижнем Ист-сайде. Подростки быстро сообразили, что вместо соперничества им лучше объединиться, используя силу и злобу Джейка (он бывал просто счастлив, когда ему удавалось применить силу, считая, что удар в челюсть лучше грубого слова, а пуля эффективней, чем драка), и мозги Луиса. Этот дуэт прославился как «L and G», или просто «Boys» («Ребята»).

Вот только один пример их сотрудничества. Когда друзья-партнеры решили отправить на тот свет гангстера Малыша Огена, то сделали это быстро и четко. Вечером 15 октября 1927 года Оген с телохранителем гулял по одной из улиц Нижнего Ист-сайда. К ним подкатила машина. За рулем сидел Лепке. Рядом с ним – Гуррах. Джейк без лишних слов и разговоров выпрыгнул из автомобиля и начал стрелять. Малыш Оги упал на тротуар с пулей в голове.

Еще раньше, начиная с 1926 года, Бухалтер и Шапиро занялись крупным рэкетом – взяли под контроль профсоюзы швейников. Примерно в это же время они создали «Корпорацию убийств». Эта организация убивала одних мафиози по заказу других. Ша-

пиро лично наблюдал за добросовестным исполнением заказов и принимал на работу в «Корпорацию» профессиональных убийц. Шестеро из них были впоследствии казнены. А теперь две цитаты из книги Р. Рокауэйя «Зато он очень любил свою маму. Жизнь и преступления еврейских гангстеров».

«…Они стали брать взятки и требовать дань с членов профсоюзов. В то же время они выколачивали крупные суммы из владельцев швейных предприятий, желающих избежать забастовок.

С 1915 по 1933 год Гурраха арестовывали 15 раз по обвинению в краже со взломом, нападении, похищении людей, незаконном ношении оружия, воровстве и нарушении федерального закона об антимонопольной политике. Он отбыл пять недолгих сроков заключения… По обвинению в убийствах, в частности Малыша, для обвинительного приговора никогда не хватало доказательств.

В 1936 году федеральное правительство осудило Гурраха и Лепке за нарушение закона об антимонопольной политике. Оба были приговорены к двухлетнему заключению, но были отпущены под залог. Окружной судья Мартин Т. Мэнтин отменил приговор Бухалтеру, но не Шапиро. Ходили слухи, что судью Мэнтина подкупили, но доказательств не нашлось.

Гуррах исчез сразу же, как только был отпущен на поруки. Полиция штата Нью-Йорк и федеральное правительство разыскивали его везде, включая Польшу и Палестину, но он сам сдался ФБР (14 апреля 1938 года. – **В. Х.**)».

5 мая 1944 года, в день своего рождения, Джейкоба Гурраха Шапиро приговорили к 15 годам заключения. За два месяца до этого, 4 марта, его друга и партнера Луиса Лепке Бухалтера, единственного из главарей американской мафии, казнили на электрическом стуле в нью-йоркской тюрьме Синг-Синг. Он тоже добровольно сдался властям. Говорят, что незадолго до казни Лепке получил записку от Гурраха: «Зря мы поверили обещаниям. Нужно было не сдаваться, а драться. Тогда мы были бы на свободе».

Самому Гурраху Шапиро жить оставалось тоже недолго. Девятого июня 1947 года он умер в тюрьме от сердечного приступа».

Дэйви-еврей – гангстер и драгун

В Одессе в 1903 году в семье скрипача Бермана, учившегося когда-то на раввина, родился сын Давид. Через несколько лет семья уехала в Америку.

Поселились в Северной Дакоте, затем в Айове. Биография Давида-Дэвида в США похожа на биографию Гурраха – бросил школу, болтался по улицам, хулиганил, подворовывал, но к бар-мицве, к 13 годам, уже возглавлял банду подростков – мелких рэкетиров. Через несколько лет он занялся серьезным делом – налетами на банки. Затем гангстер Дэвид Берман по кличке Дэйви-еврей вместе со своим братом, вором и бандитом Чики, переехал в Миннеаполис.

Обзаведясь нужными связями в преступном мире и мэрии, «с помощью доброго слова и пистолета», он, по донесениям полиции, «возглавил индустрию азартных игр в городе, занимался незаконной торговлей спиртными напитками».

…А теперь нанесем немного светлой краски на картину жизни Дэвида Бермана.

Миннеаполис в 1930-е годы был столицей профашистов и антисемитов Америки. Когда однажды на собрании их главной организации «Серебряные рубашки» оратор закричал: «Евреи, убирайтесь из Америки, или будет хуже!» – в зал ворвался Берман со своими ребятами. Кулаками и бейсбольными битами они разогнали поклонников Гитлера. Нескольких выбросили из окон, двум-трем проломили головы. Затем на сцену в окровавленном костюме вышел Дэйви-еврей и сказал в микрофон: «Это предупреждение. В следующий раз будет хуже». Через некоторое время профашистские организации в городе исчезли.

Когда началась Вторая мировая война, Дэвид Берман решил сражаться с фашистами в Европе. Но из-за уголовного прошлого в армию его не взяли. Однако Дэйви-еврей был упрямым евреем. Он отправился в Канаду, записался добровольцем в 12-й полк «Манитобские драгуны», стал разведчиком и отважно воевал.

Вернувшись с войны, Берман обнаружил, что старое доброе время в Миннеаполисе прошло… Собрав остатки прежней банды, набрав новых «ребят», он отправился на Запад, в Лас-Вегас. Там

Дэвид стал партнером одного из «великолепной семерки» гангстеров-евреев США – Багси Сигела. Вместе они построили первый в Неваде легендарный отель-казино «Фламинго». В Лас-Вегасе Берман представлял интересы «семьи» гангстера Дженовезе и самого Меира Лански. После того как Сигела застрелили (знающие люди утверждали, что в этом был замешан и Дэйви-еврей), он стал руководить казино.

Дэвид Берман, один из немногих американских мафиози, умер своей смертью – в 1957 году во время удаления полипов из толстой кишки.

Его жена Глэдис Эвальд скончалась в возрасте 39 лет вскоре после смерти мужа от передозировки лекарств (барбитуратов). По слухам, ее отравила мафия за отказ по дешевке продать акции «Фламинго», принадлежавшие Дэвиду.

Единственная дочь Бермана Сьюзен, известная журналистка и писательница, выпустила (1981) книгу «Изи-стрит. Подлинная история гангстерского семейства». Позднее консультировала создателей фильма «Казино». В 2000 году ее убили выстрелом в затылок – почерк мафии.

Бандит и «Бандиты»

– Ладно, Эд, – сказал я. – Важная персона или не важная, нам это все равно.

– Черви не заметят разницы, – добавил Макс.

«Обращайтесь со шлюхой как с леди, а с леди – как со шлюхой».

«Будешь таскать грязь с улиц всю жизнь?»

Эти смачные выражения – из книги «Бандиты» известного писателя Гарри Грэя. Он же малоизвестный бандит Гершель Голдберг. Как и Яков Шапиро, и Дэвид Берман, Гершель родился в Одессе (1901). Как и они, эмигрировал в детстве в США. Так же, как и они, бросил школу (забегая вперед, скажу, что потом Гершель взялся за ум, окончил колледж), стал хулиганом, мелким воришкой, а затем – бандитом.

В 1932 Гершеле-Гарри женился, стал отцом трех детей, но «ремесла» своего не бросил.

…Прошло еще без малого двадцать лет… После очередного «дельца» Голдберга арестовали. Он сидел в тюрьме Синг-Синг в одиночной камере. В одиночестве ему, уже пятидесятилетнему, пережившему тяжелую аварию человеку, пришла мысль описать свою жизнь в 1920-1930-х годах, а также жизнь гангстерских групп, контролировавших в то время Нью-Йорк. (Кстати, литературный талант был и у его брата Хаймана Голдберга, писавшего для газеты «Нью-Йорк пост», автора нескольких книг.) Чтобы защитить себя и свою семью, Гарри Голдберг взял псевдоним Гарри Грэй.

«Бандиты» – первая и самая успешная книга Грэя. Это одна из немногих автобиографий реальных гангстеров. Это история жизни самого Грэя. Наемные киллеры, грабежи, рэкет, проституция, подпольные казино – все описано точно и со знанием дела. После «Бандитов» Гарри Грэй опубликовал книги «Называйте меня Герцог» (1955) и «Портрет гангстера» (1958), также основанных на его воспоминаниях.

Книгу «Бандиты» заметил известный режиссер Серджио Леоне. По ее мотивам он снял фильм «Однажды в Америке» (1984). Музыку к картине написал итальянский композитор Эннио Морриконе. В главной роли снимался молодой Роберт де Ниро, уже тогда очень популярный актер. Фильм получил множество наград и стал известен во всем мире.

Писатель Гарри Грэй – гангстер Гарри Голдберг скончался в октябре 1980 года, вскоре после начала съемок.

Издано...

370 **Евгений Голубовский**
Книжный развал

376 **Феликс Кохрихт**
«Я понять тебя хочу, смысла я в тебе ищу…»

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Александр Юльевич Розенбойм
(Ростислав Александров),
1939-2015
Воспоминания друзей
Библиография
Составитель Александра Дели
Одесса, Optimum, 2019

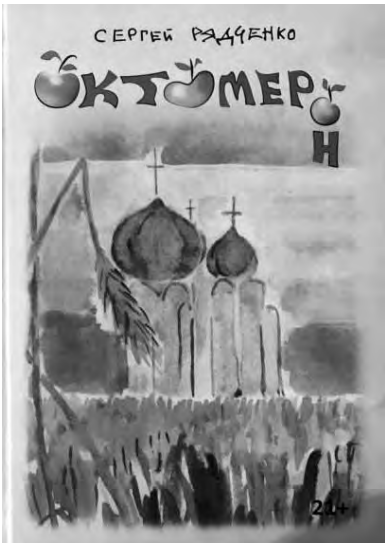
За годы, прошедшие после смерти Александра Розенбойма, литератора, краеведа, исследователя истории литературной Одессы, издательство «Оптимум» выпустило шеститомное собрание его сочинений. Как бы дополнением к этому собранию выпущен том библиографии публикаций Розенбойма в книгах и периодике.

Эту многотрудную работу ответственно и добросовестно выполнила сотрудница Научной библиотеки Александра Дели.

Понимая, что библиография в таком объеме нужна в первую очередь специалистам, научным работникам (без ссылок на изыскания Розенбойма сегодня не обходится ни одно издание об одесской литературной школе), Александра Дели, которая учла в справочнике все воспоминания о Розенбойме,

наиболее яркие из них подготовила к печати. Они открывают эту книгу.

Нам приятно, что с первого номера альманаха, где Розенбойм рассказал историю четырех углов на Дерибасовской – Ришельевской, Александр Розенбойм был постоянным и любимым автором нашего альманаха.



Сергей Рядченко
Октомерон,
или Охота за чувствами
Первый Порцион
Одесса, Черноморье, 2019

Автор определяет жанр нового произведения как «плутовской роман». По сути, Сергей Рядченко задумал многотомную эпопею, так как герой «Октомерона» уже знаком читателю по роману «Укротитель Баранов», и сюжет новой 700-страничной книги начинается с того, что в предыдущей героя бросила жена.

Думаю, что читатель при слове «Октомерон» вспомнит «Декамерон» Боккаччо, и, конечно, будет прав. Но, как и у Боккаччо, эротические сцены не цель, а способ рассказать, как во время чумы любовь, секс, раблезианство можно противопоставить смерти, так и Сергей Рядченко ищет возможности противопоставить чувства разрушению нашего мира, энтропии.

Сергей Рядченко великолепный стилист. Читать его прозу – наслаждение погружения в великолепный язык, только ему присущий синтаксис.

Понимаю, что у этой книги будут поклонники и противники. Не сразу была признана классикой «Лолита» Набокова, так же и этот роман – проверка на толерантность нашего общества.

Аркадий Рыбак
Хорошо ли там, где нас нет?
Загадочный Юго-Восток
Одесса, Порто-Франко, 2019

Это уже четвертый том путевых записок редактора газеты «Порто-Франко» Аркадия Михайловича Рыбака. Первые три тома были посвящены осмыслению Европы, четвертый привел читателя в Азию.

Аркадий Рыбак неутомимый путешественник. Уже побывал в восьмидесяти странах, и везде он с блокнотом журналиста и фотоаппаратом.

Напомню, что его отец – известный в Одессе фотокорреспондент Михаил Борисович Рыбак, много ездил, снимал, писал. Так что и эти книги – дань семейным традициям. Это не путеводители, а размышления журналиста. Об этом говорит и название.

Рыбака волнует, как живут люди. И почему Сингапур стал современным мегаполисом, богатым и красивым, чистым и ухоженным, а Вьетнам до сих пор борется с бедностью. Как Китай совместил коммунистическую доктрину и капиталистическую экономику. Никаких противопоставлений. В каждой стране автор открыт для новых впечатлений. Радуют в этом томе фотографии. Это не фото памятников, а часто – жанр.

В 2020 году Аркадий Рыбак обещает презентовать том путешествий по Южной Америке.

«Мы тоже пишем…»

Поэзия и проза студентов и аспирантов факультета РГФ Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

Одесса, Астропринт, 2019

Давно заметил, что РГФ готовит не только знатоков иностранных языков, но и писателей.

Сергей Рядченко, Елена Андрейчикова, Игорь Лосинский… На факультете существует литературная студия, которую ведет профессор В.И. Силантьева, хороший прозаик. Такая ситуация дает возможность молодым людям слышать друг друга, учиться в общении.

Книге предпослано доброе, умное слово декана факультета Лидии Голубенко. Вступления к каждому разделу – классическому, экспериментальному, фантастике – написала В. Силантьева. И десятка новых для меня молодых авторов. Пока это первые шаги. Но уже наметил для себя три фамилии тех, кого попрошу прислать стихи и прозу в наш альманах.

Издано во Львове

Елена Касьян
Седьмой почтовый
Стихи и песни
Львов, Ахилл, 2019

Верстку этой книги, где собраны лучшие ее стихи и песни, Лена держала в руках. Книга вышла через несколько дней после ее смерти.

Мне кажется, тысячи людей боролись за жизнь этого прекрасного человека. Шесть лет вырвали у смерти. И все эти шесть лет

Лена – при малейшей возможности – писала, иногда даже пела.

Мы познакомились с ней на Международном литфестивале в Одессе в 2011 году, когда редактор журнала «Октябрь» Ирина Барметова пригласила Елену Касьян из Львова как своего любимого автора. Еще не было болезни, была красавица-бард, покорившая всех своим творчеством.

А потом – онкология. И шесть лет борьбы.

А творчество всегда светлое. Кроме стихов и песен она писала сказки. Скоро и они выйдут из печати.

В один из летних дней этого года Лена написала мне письмо с просьбой послать в издательство несколько слов о ее стихах для обложки. Воспринял это как честь. На той же неделе написал. Это было публичное признание в любви к Лене, ее поэзии. Эти слова – на обложке книги. Их Лена успела прочесть.

А мы должны успеть прочесть ее стихи.

Издано в Москве

Резо Габриадзе
Топиарное искусство
Москва, Мастерская Чистых, 2019

Эта книга не только написана великолепным грузинским писателем, сценаристом, кукольником, художником Резо Габриадзе. Она им нарисована и от руки для типографии переписана. Так выходили книги русских и грузинских футуристов.

Эта книга – произведение искусства.

Не очень большой, но замечательный рассказ, который в этом году стал победителем конкурса имени Исаака Бабеля в Одессе.

Как всегда, у Габриадзе юмор и грусть соседствуют, как всегда, доброе начало побеждает. Я читал этот рассказ, рассматривал рисунки и вспоминал фильм, который поставил сын Резо Леван Габриадзе по сценарию Резо, – «Знаешь, мама, где я был», в 2017 году.

Мне захотелось, чтоб гениальный рисованный мультфильм был продлен, и чтоб появился фильм «Топиарное искусство».

Для тех, кто хочет прочесть этот рассказ, он только что опубликован в журнале «Радуга» за июль-август 2019, значит, есть в сети, как уже есть в сети и кинофильм.

Феликс Кохрихт

«Я понять тебя хочу, смысла я в тебе ищу...»

Издано в Киеве

Евгений Черноиваненко
Логика человеческой жизни
Киев, Издательский дом Дмитрия Бураго, 2019

В заголовок этих кратких заметок я вынес цитату из исповедального стихотворения Александра Пушкина. Она – среди подобных взыскующих истину строк, принадлежащих выдающимся личностям – властителям дум нескольких поколений. Все они обращаются за ответом к одному и тому же участнику вечного диалога – к жизни. Среди тех, кого цитирует автор книги, недавно увидевшей свет, – поэты и писатели. Это естественно и закономерно: Евгений Черноиваненко – доктор филологических наук, декан филологического факультета Одесского национального университета имени Мечникова.

Его объемистый труд – более 600 страниц, плод многолетних размышлений – озаглавлен «Логика человеческой жизни». Казалось бы, обращение к логике сулит читателю встречу с наукой, менее всего апеллирующей к чувствам и имеющей инструментом

познания четкие формулировки, чуть ли не формулы, однако автор в первых же строках своего обращения к нам признается, что писал ее для себя, опираясь на собственные силы и опыт, и в процессе работы не раз испытывал сомнения…

Отсюда и искренность повествования, доверительный тон даже при ответах на вопрос, открывающий одну из глав: «Почему мы не любим себя?» – и, наконец, признание того, что «книга вышла совсем не такой, какой задумывалась изначально». Какой же?

Вот сейчас я пытливо – от страницы к странице, черкая заметки на полях (тонким карандашом!) и делая закладки, стараюсь уяснить это для себя. Признаюсь, и меня, как Пушкина, Черноиваненко, его родных сослуживцев, студентов волнует краеугольный вопрос: «В чем смысл жизни?» – и интересует тот, который поставил перед нами профессор: «В чем логика человеческой жизни?».

Уже сегодня для меня ясно вот что: прочту книгу и приглашу автора на неспешный и обстоятельный разговор в студии моего интернет-проекта «Диалоги на Нежинской». О дате и времени встречи мы сообщим заранее.

Содержание

От редакции 3

Михаил Жванецкий
Конституция 6

Юрий Михайлик
Каролина Собанская 9

История, краеведение

Евгений Голубовский
Если звезды зажигают... 12

Олег Губарь
Путеводитель по пушкинской Одессе 16

Сергей Котелко
Шахский дворец. 44

Александр Сурилов
Памяти растоптанного кладбища 75

Белла Кердман
Похожая фамилия. 88

Феликс Кохрихт
Как это делается в Одессе. 93

К юбилею Феликса Кохрихта

Евгений Голубовский
Звуковая дорожка длиной в 80 лет 102

Олег Губарь
Феликс 108

Иван Липтуга
Мы – ровесники.... 111

Двадцать лет спустя... 113

Одесский календарь

Евгений Окс
Мой друг Ильф. Одесса, 1919-1921 годы 116
Публикация Алены Яворской

Проза

Тая Найденко
Охота со смыслом 124

Александр Бирштейн
Плата за все 132

Эвелина Шац
Хвала лености 139

Анна Михалевская
Титко Йон 143

Вадим Чирков
Субстаныч 147

К юбилею Михаила Пойзнера

Олег Губарь
«Моя броня и кровная родня» 154

Евгений Голубовский
Роман о настоящем человеке 156

Феликс Кохрихт
Я благодарен тебе 160

Михаил Пойзнер
Очень одесские истории 162

Поэзия

Анна Стреминская
Поговори со мной о счастье 174

Аркадий Гурович
Калейдоскоп 180

Ганна Ануфрієва
Під вагою райдужки 187

Анна Старко
Моя религия понятна и проста 189

Валерий Базаров
Второе дыхание 192

Лидия Григорьева
Открытый текст 196

Наташа Балаян
«Опыт поэтический…» 203

Первые шаги

Море талантов юной Одессы 206

Искусство – жизнь – искусство

Максим Фролов
В поисках Фиолетова… 216

Елена Колтунова
Letum non omnia finit. 220

Феликс Кохрихт
…Пора нам в оперу скорей… 233

Виктория Коритнянская
Поэт серебристых облаков 242

Евгений Деменок
Василиск Гнедов, Одесса и мититеи 256

Феликс Кохрихт
Сфера Одессы. 262

Публикации

Амшей Нюренберг
Письма, которые должны жить. 266

Анна Сон
Не публиковавшиеся стихи 299
Юрий Михайлик
Анна Сон 304

Памяти Александра Розенбойма

Валентина Голубовская
Бог сохраняет всё. 312

Александр Бирштейн
Я учусь, Саша! 319

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
Далекое – по-прежнему близкое… 324
Поліна Нятко
«Закат» Бабеля в Одесі 325

Путешествие

Ксения Петрищенко
Трехдневное путешествие по истокам истории баухауса 336

Ах, Одесса

Григорий Яблонский
Всего? Целый год! 356

Владимир Ханелис
В тени «Великолепной семерки» 363

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал 370

Феликс Кохрихт
«Я понять тебя хочу, смысла я в тебе ищу…» 376

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 79

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 79

Издается с 2000 года

Координатор проекта «Одесская библиотека» Иван Липтуга

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 22.10.2019
Бумага офсетная PAMO SUPER 80 г/м

FSC
accredited
FSCTrademark©1996
ForestStewardshipCouncil®A.C.
FCS-ACC-015

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Заказ № .... Тираж 500 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса, ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД № 121 от 20.01.2003 г.
E-mail: takibook.odessa@gmail.com. Тел.: +38 (067) 486-20-34
www.takibook.od.ua

Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Регистрационное свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010
а/я 299, 65001 Украина Одесса
Тел.: +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ПОДПИСНОЙ КУПОН-ЗАЯВКА

Настоящим подтверждаю свое намерение оформить подписку:

Фамилия:	
Имя:	
Отчество:	
Адрес доставки:	
Телефон:	
E-mail:	

Стоимость подписки*	12 месяцев	4 выпуска	200,00 грн.

** В стоимость подписки не включаются затраты на доставку изданий.*

Оплата:

❑ безналичный расчет ❑ наличными

❑ кредитная карта ❑ необходим договор

Оплату согласно выставленного счета гарантирую

Дата _____ Подпись _____

Отправьте подписной купон-заявку почтой или факсом по адресу:
Украина, 65001, г. Одесса, а/я 229,
Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»

PLASKE
ПЛАСКЕ

Факс: +380 (48) 7-385-375; 7-287-221;
тел. редакции: +380 (48) 7-385-385, 7-288-288;
0-800-300-30-80 (бесплатно со стационарных телефонов)